

ISSN 2542-0917

Вестник
КУЛЬТУРЫ и ИСКУССТВ
Culture and Arts Herald

4 (80) / 2024

Scientific journal

**“Culture and Arts HERALD”
4 (80) 2024**

Included into the list of leading scientific editions under review

Until 13.10.2016, was published under the title
“Herald of the Chelyabinsk State Academy of Culture and Arts”
Journal is being issued since 2002

Founder

Federal State Budget-funded Educational Institution of Higher
Education “Chelyabinsk State Institute of Culture and Arts”

Editor-in-chief Sinetskii Sergei

Deputy editor-in-chief Zubanova Liudmila

Chief editor Shub Maria

Responsible editor of the issue Menshenina Elena

Editor Popova Larisa

The Herald publishes materials on the problems
of documental information and culturology

The journal is registered by the Federal Service for Supervision
of Communications, Information Technology, and Mass Media

Registration certificate ПИ No ФС77-67440 of 13.10.2016

All rights for the materials published
in the issue are reserved by the journal
“Culture and Arts HERALD”.

No part of this publication may be reproduced
without the editorial board permission.

The articles of the journal are being reviewed.

The circulation of the “Culture and Arts HERALD”
is 500 copies.

Publishing house address:

Chelyabinsk State Institute of Culture and Arts,
36a Ordzhonikidze ul., office 201, 202, 3601,
Chelyabinsk, 454091, Russia.

Phone/fax: +7 (351) 268-95-22; add. 1-68, 2-06;

E-mail: vestnik@chgaki.ru, science@chgaki.ru

**Subscription index of the journal
in the United Catalogue
“Pressa Rossii” [“Russian press”]
is 48677**

It is printed in the printing house of
Chelyabinsk State Institute of Culture and Arts:
36a Ordzhonikidze ul., office 3602,
Chelyabinsk, 454091, Russia

Translated by Meshcheriakov V.

Cover design by Khudiakova A.

© Chelyabinsk State
Institute of Culture and Arts, 2024

The Editorial Board

Sinetskii S. (chairman) – Doctor of Culturology. Chelyabinsk State
Institute of Culture and Arts, Rector (Chelyabinsk)

Astafyeva O. – Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Honored
Worker of Higher Education of the Russian Federation, Professor
of the Institute of Public Administration and Civil Service, Director of
scientific-educational center “Civil society and social communications”
of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public
Administration, a Member of the Council for State Cultural Policy under
the Chairman of the Federation Council of the Federal Assembly of the
Russian Federation, UNESCO Chair Deputy-head (Moscow)

Bychkov V. – Doctor of Art Criticism, Professor, Honored Worker in the
Arts of the Russian Federation. Chelyabinsk State Institute of Culture
and Arts, chair of Variety Orchestral creative Activities (Chelyabinsk)

Zagidullina M. – Doctor of Philological Sciences, Professor. Chelyabinsk
State University, chair of journalism and mass communications (Chelyabinsk)

Zubanova L. – Doctor of Culturology, Professor. Chelyabinsk State Institute
of Culture and Arts. Director of the Ural Institute of Cultural Policy and Project
management, Head of Philosophy and Culturology chair (Chelyabinsk)

Imhanitsky M. – Doctor of Art Criticism, Professor, Honored Worker in
the Arts of the Russian Federation, Professor of Bayan and Accordion
Chair of the Gnessin Russian Academy of Music (Moscow)

Lazareva L. – Candidate of Pedagogic Sciences, Professor. Chelyabinsk
State Institute of Culture and Arts, Theatrical mass-scale shows Directing
chair (Chelyabinsk)

Liutov S. – Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of Bibliology
laboratory of the State Public Scientific Technological Library of the
Siberian branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk)

Meniaeva M. – Doctor of Philosophical Sciences, Candidate of
Culturology, Docent. Chelyabinsk State Institute of Culture and Arts,
Philosophy and Culturology chair (Chelyabinsk)

Neveleva V. – Doctor of Philosophical Sciences, Professor. Chelyabinsk
State Institute of Culture and Arts, Philosophy and Culturology chair

Parfentyev N. – Doctor of Historical Sciences, Doctor of Art Criticism,
Professor, Honored Science Worker of the Russian Federation, Head
of Theology, Art History and Culturology Chair of the South Ural State
University (Chelyabinsk)

Rushanin V. – Doctor of Historical Sciences, Professor, Honored Worker of
High School of the Russian Federation. Chelyabinsk State Institute of Culture
and Arts, History, Museology and Documentation chair (Chelyabinsk)

Smirnov B. – Doctor of Art Criticism, Professor, Honored Worker of High
School of the Russian Federation. Chelyabinsk State Institute of Culture
and Arts, chair of Folk Instruments and Orchestral conducting (Chelyabinsk)

Sokolov A. – Doctor of Pedagogic Sciences, Candidate of Engineering
Sciences, Professor, Academician of the Russian Academy of Natural
Sciences, Honored Worker of Science of the Russian Federation,
Honored Worker of culture of the Russian Federation, Professor of the
St. Petersburg State Institute of Culture (St. Petersburg)

Stolyarov Yu. – Doctor of Pedagogic Sciences, Professor, Chief
Researcher of the Centre of book culture of Federal State Budgetary
Institution of science Scientific and Publishing centre “Science” of the
Russian Academy of Sciences, Russian State Library, Russian National
Public Library for Science and Technology (Moscow)

Suleneva N. – Doctor of Culturology. Professor. Russian State Institute of
Performing Arts (St. Petersburg)

Tolstikov V. – Doctor of Historical Sciences, Professor, Honored Worker of
High Professional Education of the Russian Federation. Chelyabinsk State
Institute of Culture and Arts, History, Museology and Documentation chair
(Chelyabinsk)

Shlykova O. – Doctor of Culturology, Candidate of Pedagogic Sciences,
Professor. Russian Presidential Academy of National Economy and Public
Administration, Institute of Public Administration and Civil Service (Moscow)

Shub M. – Doctor of Culturology, Docent. Chelyabinsk State Institute of
Culture and Arts, Head of Philosophy and Culturology chair (Chelyabinsk)

Yuldashev I. – Doctor of Philological Sciences, Professor. The Uzbekistan
State Institute of Arts and Culture, rector (Tashkent, Uzbekistan)

ВЕСТНИК КУЛЬТУРЫ И ИСКУССТВ

Culture and Arts Herald

4 (80) 2024

Научный журнал

До 13.10.2016 выходил под названием
«Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств», ISSN 1815-9176

Журнал зарегистрирован
Федеральной службой по надзору
в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций

Свидетельство о регистрации
ПИ ФС 77-67440 от 13.10.2016

Издается с 2002 г.

Учредитель

Федеральное государственное
бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Челябинский государственный
институт культуры»

Публикуются материалы
группы специальностей
5.10 Искусство и культура:
5.10.1 Теория и история культуры, искусства,
5.10.4 Библиотекосведение,
библиографосведение и книговосведение

Все права на материалы,
опубликованные в номере,
принадлежат журналу.
Перепечатка публикаций
без разрешения редакции запрещена.

Статьи рецензируются

Позиция редакции может
не совпадать с мнением автора

Подписной индекс журнала
в Объединенном каталоге
«Пресса России» **48677**

Главный редактор

Синецкий Сергей Борисович

Зам. главного редактора

Зубанова Людмила Борисовна

Шеф-редактор

Шуб Мария Львовна

Ответственный редактор

Меньшенина Елена Сергеевна

Редактор

Попова Лариса Константиновна

Перевод В. Б. Мещерякова

Дизайн обложки А. Н. Худяковой

Адрес редакции:

Российская Федерация, 454091, г. Челябинск,
ул. Орджоникидзе, 36а, к. 201, 202, 3601
Тел./факс: +7 (351) 268-95-22, доб. 1-68, 2-06;
e-mail: vestnik@chgaki.ru, science@chgaki.ru

Адрес издателя:

Российская Федерация, 454091,
г. Челябинск, ул. Орджоникидзе, 36а
URL: www.chgik.ru

Отпечатано: Российская Федерация, 454091,
г. Челябинск, ул. Орджоникидзе, 36а, к. 3602

© Челябинский государственный
институт культуры, 2024

ISSN 2542-0917

16+

Состав редакционной коллегии журнала

- Синецкий Сергей Борисович (председатель)** — доктор культурологии, доцент. Челябинский государственный институт культуры, ректор (Челябинск)
- Астафьева Ольга Николаевна** — доктор философских наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования РФ. Институт государственной службы и управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, директор Научно-образовательного центра «Гражданское общество и социальные коммуникации», заместитель заведующего кафедрой ЮНЕСКО (Москва)
- Бычков Владимир Васильевич** — доктор искусствоведения, профессор, заслуженный деятель искусств РФ. Челябинский государственный институт культуры, кафедра эстрадно-оркестрового творчества (Челябинск)
- Загидуллина Марина Викторовна** — доктор филологических наук, профессор. Челябинский государственный университет, кафедра журналистики и массовых коммуникаций (Челябинск)
- Зубанова Людмила Борисовна** — доктор культурологии, профессор. Челябинский государственный институт культуры, заведующая кафедрой философии и культурологии, директор Уральского института культурной политики и проектного менеджмента (Челябинск)
- Имханицкий Михаил Иосифович** — доктор искусствоведения, профессор, заслуженный деятель искусств РФ. Российская академия музыки им. Гнесиных, профессор кафедры баяна и аккордеона (Москва)
- Лазарева Людмила Николаевна** — кандидат педагогических наук, профессор. Челябинский государственный институт культуры, кафедра режиссуры театрализованных представлений и праздников (Челябинск)
- Люттов Сергей Николаевич** — доктор исторических наук, профессор. Государственная публичная научно-техническая библиотека Сибирского отделения РАН, заведующий лабораторией книговедения (Новосибирск)
- Меняева Марина Петровна** — доктор философских наук, кандидат культурологии, доцент. Челябинский государственный институт культуры, кафедра философии и культурологии (Челябинск)
- Невелева Вера Сергеевна** — доктор философских наук, профессор. Челябинский государственный институт культуры, кафедра философии и культурологии (Челябинск)
- Парфентьев Николай Павлович** — доктор исторических наук, доктор искусствоведения, профессор, заслуженный деятель науки РФ. Южно-Уральский государственный университет (Национальный исследовательский университет), заведующий кафедрой теологии, культуры и искусства (Челябинск)
- Рушанин Владимир Яковлевич** — доктор исторических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ. Челябинский государственный институт культуры, кафедра истории, музеологии и документоведения (Челябинск)
- Смирнов Борис Фёдорович** — доктор искусствоведения, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ. Челябинский государственный институт культуры, кафедра народных инструментов и оркестрового дирижирования (Челябинск)
- Соколов Аркадий Васильевич** — доктор педагогических наук, кандидат технических наук, профессор, академик Российской академии естественных наук, заслуженный деятель науки РФ, заслуженный работник культуры РФ. Санкт-Петербургский государственный институт культуры (Санкт-Петербург)
- Столяров Юрий Николаевич** — доктор педагогических наук, профессор. ФГБУН Научный и издательский центр «Наука» Российской академии наук, главный научный сотрудник Центра исследований книжной культуры. Российская государственная библиотека, Государственная публичная научно-техническая библиотека России, главный научный сотрудник (Москва)
- Суленёва Наталья Васильевна** — доктор культурологии, профессор. Российский государственный институт сценических искусств (Санкт-Петербург)
- Толстиков Виталий Семёнович** — доктор исторических наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования РФ. Челябинский государственный институт культуры, кафедра истории, музеологии и документоведения (Челябинск)
- Шлыкова Ольга Владимировна** — доктор культурологии, кандидат педагогических наук, профессор. Институт государственной службы и управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, профессор кафедры ЮНЕСКО (Москва)
- Шуб Мария Львовна** — доктор культурологии, доцент. Челябинский государственный институт культуры, заведующая кафедрой философии и культурологии (Челябинск)
- Юлдашев Иброхим Жураевич** — доктор филологических наук, профессор. Государственный институт искусств и культуры Узбекистана, ректор (Ташкент, Узбекистан)

Содержание

Раздел I ИНФОРМАЦИОННЫЕ И КОММУНИКАЦИОННЫЕ НАУКИ

Аскарова В. Я., Зыховская Н. Л., Рушанин В. Я.	7
Чтение как инструмент воспитания и самовоспитания: от назидания — к «празднику непослушания»	
Быкова А. С.	26
Наставничество в зарубежных библиотеках	
Шмыров Б. Д.	33
Источниковедческая база изучения германского концентрационного лагеря «Аушвиц»	

Раздел II КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Анисина З. Д.	43
Актуализация художественного наследия в контексте цифровизации культуры (на примере изобразительного искусства)	
Беспалова М. И., Лаптева И. В.	56
Актуальные проблемы и перспективы продвижения туристических проектов в СМИ	
Ба Васьи 66	66
Традиции в современной архитектуре буддийских храмов в Китае	
Капилов А. Л.	76
Роль выпускников российских консерваторий в музыкальной жизни Беларуси (1880–1917 гг.)	
Марков А. П.	88
«Управляемая эволюция» как глобальный проект посткапиталистического будущего: замысел, стратегии, результаты (часть 1)	
Митина М. Н.	102
Русская глиняная игрушка как феномен художественной культуры	

Москалюк В. М.	110
Искусство как объективация эстетического опыта культуры	
Рубин В. А., Рябуха А. С., Спиридонова Е. В.	120
Правовая и историко-культурная специфика государственного учета и охраны ансамбля как автономного вида объектов культурного наследия народов Российской Федерации на современном этапе (на примере исследования объектов недвижимости Оренбургского Неплюевского кадетского корпуса)	
Сокоиков С. С., Рушанин В. Я.	139
Юродство во Христе и юродствование в современном искусстве как социокультурные типы поведения	
Уткина Е. А.	151
Меморативные ландшафты как площадки межкультурного диалога	

РЕЦЕНЗИИ

Рубин В. А.	165
Советская скульптура как объект культурного наследия и инструментальная единица современной российской культурной политики (Гейль В. В. Тиражированная монументальная скульптура советского периода: на материалах города Челябинска : монография. 2-е изд., испр. и доп. Челябинск : Челяб. гос. ин-т культуры, 2024. 163 с.)	

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ ЧЕЛЯБИНСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ИНСТИТУТА КУЛЬТУРЫ

Терехов А. Н., Тищенко Е. В.	171
Дружининские исторические встречи	
Зайкова О. Н., Запекина Н. М.	172
Международная научно-практическая конференция «Библиокультура: библиотека и читатели в поисках новых смыслов»	
Штолер А. В.	174
XXIII Международный научно-творческий форум «Научные школы. Молодежь в науке и культуре XXI века»	
Новые издания. А. В. Солина	177
Сведения об авторах	178

Contents

PART I. INFORMATION AND COMMUNICATION SCIENCES

<i>Askarova V. Ya., Zyhovskaya N. L., Rushanin V. Ya.</i> Reading as a Tool of Education and Self-Education: from Edification to “A Celebration of Disobedience”	7
<i>Bykova A. S.</i> Mentoring in Foreign Libraries	26
<i>Shmyrov B. D.</i> German Auschwitz Concentration Camp Source Base of Learning	33

Part II. CULTUROLOGY

<i>Anisina Z. D.</i> Artistic Heritage Updating in the Digitalization of Culture Context (on the Example of Visual Art).....	43
<i>Bespalova M. I., Lapteva I. V.</i> Current Problems and Prospects of Tourist Projects in Mass Media Promotion.....	56
<i>Ba Wanli.</i> Modern Architecture Traditions of Buddhist Temples in China	66
<i>Kapilov A. L.</i> Role of Russian Conservatoires Graduates in Musical Life of Belarus (1880–1917)	76
<i>Markov A. P.</i> “Managed Evolution” as a Global Project of Post-Capital Future: the Idea, Strategies, Results (part 1)	88
<i>Mitina M. N.</i> Russian Clay Toy as an Artistic Culture Phenomenon	102
<i>Moskalyuk V. M.</i> Art as Objectification of Aesthetic Experience of Culture	110
<i>Rubin V. A., Ryabukha A. S., Spiridonova E. V.</i> Legal and Historical-Cultural Peculiarities of State Recording and Architectural Complex Security as an Autonomous Kind of Cultural Heritage of the Peoples of the Russian Federation at the Present Stage (on the Example of Real Estate Studies of the Orenburg-Nepljuevski Cadet Corps).....	120
<i>Sokovikov S. S., Rushanin V. Ya.</i> Foolishness in Christ and Fooling Around in Modern Art as Social-Cultural Behaviors	139
<i>Utkina E. A.</i> Commemorative Landscapes as Sites of Inter-Cultural Dialogue	151

REVIEWS

<i>Rubin V. A.</i> Soviet Sculpture as an Object of Cultural Heritage and an Instrumental Unit of Contemporary Russian Cultural Policy (Heil V. V. Replicated monumental sculpture of the Soviet era: based on the materials of the city of Chelyabinsk, monograph. 2nd edition, revised and expanded. Chelyabinsk. Chelyabinsk State Institute of Culture, 2024. 163 p.)	165
---	-----

SCIENTIFIC LIFE

of the Chelyabinsk State Institute of Culture and Arts

<i>Terekhov A. N., Tishchenko E. V.</i> Druzhinin historical meetings	171
<i>Zaikova O. N., Zapekina N. M.</i> International Scientific and practical Conference “Biblioculture: Library and readers in search of new meanings”	172
<i>Shtoler A. V.</i> 23rd International Scientific and Creative Forum “Scientific schools. Youth in science and culture of the 21st century”	174
New publications. <i>A. V. Solina</i>	177
Authors	180

*Р*аздел I

**ИНФОРМАЦИОННЫЕ
И КОММУНИКАЦИОННЫЕ
НАУКИ**

Part I
INFORMATION AND COMMUNICATION SCIENCES

Виолетта Яковлевна Аскарлова

доктор филологических наук,
профессор кафедры
библиотечно-информационной
деятельности

Челябинский государственный
институт культуры, Челябинск, Россия

E-mail: viovita@yandex.ru

Наталья Львовна Зыховская

доктор филологических наук,
профессор кафедры
русского языка и литературы

Южно-Уральский государственный
университет
(национальный исследовательский
университет), Челябинск, Россия

E-mail: zykhoivskaianl@susu.ru

Владимир Яковлевич Рушанин

доктор исторических наук,
профессор кафедры истории
и музеологии

Челябинский государственный
институт культуры, Челябинск, Россия

E-mail: rushanin@chgaki.ru

**ЧТЕНИЕ КАК ИНСТРУМЕНТ ВОСПИТАНИЯ И САМОВОСПИТАНИЯ:
ОТ НАЗИДАНИЯ — К «ПРАЗДНИКУ НЕПОСЛУШАНИЯ»**

В настоящей статье рассматриваются отношения взрослого и детского миров в сфере чтения в динамике социокультурного процесса: от цивилизаций Древнего Востока до современности. Эти отношения определяются доминирующим типом культуры, конкретно-историческим моментом, системой сложившихся представлений о значении чтения для воспитания, познания, формирования нравственности и ценностей подрастающего поколения. Более детально рассмотрена нынешняя ситуация, для которой характерна эмансипация детско-юношеской категории читателей от мира взрослых и институтов инфраструктуры чтения; ее отличают интернет-ориентированность, активное участие в различных формах сетевой коммуникации по поводу книги и чтения. Также обоснована необходимость регулярного мониторинга сетевых читательских практик детей и юношества, что позволит гармонизировать взаимодействие поколений, привести стратегии и практики деятельности институтов инфраструктуры чтения в соответствие со сложившимися реалиями цифрового века.

Ключевые слова: чтение, подрастающее поколение, постфигуративность, кофигуративность, префигуративность, «зет», «альфа», институты инфраструктуры чтения, сетевое пространство, содержание и цели чтения, стимулирование читательской активности

Для цитирования: Аскарлова, В. Я. Чтение как инструмент воспитания и самовоспитания: от назидания — к «празднику непослушания» / В. Я. Аскарлова, Н. Л. Зыховская, В. Я. Рушанин // Вестник культуры и искусств. — 2024. — № 4 (80). — С. 7–25.

Введение

Перед нашей страной стоит задача построения системы общественного воспитания на началах ценностей отечественной культуры, национальной традиции и богатом опыте народного воспитания, в том числе средствами книги и чтения. Для осмысления сегодняшних задач необходимо понять, какие факторы общественной жизни на протяжении исторического процесса определяли взаимоотношения поколений, в какой мере старшие влияли на ценностное отношение к чтению, его содержание и смысл. Практически на всем протяжении развития письменной культуры представители мира взрослых использовали книгу и чтение как важнейшие инструменты воспитания и образования, но сейчас мы столкнулись с ситуацией, когда возможности его воздействия в условиях глобализации и распространения интернет-технологий в значительной степени снизились, что нарушает естественный процесс преемственности поколений и создает принципиально новую ситуацию в сфере чтения, требующую понимания практик читательской деятельности, сложившихся под влиянием сетевых коммуникаций. Представляется достаточно очевидным, что эта ситуация требует кардинального пересмотра подходов, форм и методов к организации детского и юношеского чтения со стороны институтов инфраструктуры чтения.

Цель статьи — на основе выявления динамики взаимоотношения взрослого и детского миров в сфере чтения показать уникальность сегодняшнего момента в читательской деятельности поколений «зет» и «альфа».

Теоретической основой исследования являются: концепция М. Мид о типах культуры, определяющих отношения взрослого и детского миров: постфигуративный (дети прежде всего учатся у старшего поколения), кофигуративный, (старшее и младшее поколение учится у сверстников) и префигуративный (взрослые многому учатся у своих детей) [14]; теория поколений Н. Хоува и У. Штрауса, где дается характеристика разных поколений — «бумеры», «иксы», «игреки», «зеты» [19] и работы М. Маккриндла, содержащие характеристику поколения «альфа», открывающего, с точки

зрения исследователя, нечто новое в развитии человечества [30]. Для достижения поставленной цели с неизбежной схематичностью обозначим основные идеологические конструкты, определяющие роль взрослых в организации и содержании чтения, сложившиеся на разных этапах социокультурного процесса.

Предлагаемый дискурс включает в себя:

- эволюцию взглядов о значении чтения для воспитания, познания, формирования нравственности и системы ценностей подрастающего поколения;
- оформление представлений о характере взаимодействия взрослого и детского миров в условиях доминирования определенных типов культуры;
- выявление роли институтов инфраструктуры чтения в развитии читательской деятельности детей и юношества;
- факты, свидетельствующие о возрастании субъектности поколений «зет» и «альфа» в условиях развития электронных коммуникационных каналов и информационных технологий.

Обозначенный дискурс локализуется материалом о развитии чтения в цивилизациях Древнего Востока, античного мира, европейского и древнерусского средневековья, европейского Возрождения, Просвещения, сужаясь до материалов отечественной истории XIX, XX и XXI столетий. Для рассмотрения вопроса отбирались наиболее значимые, знаковые источники, характеризующие основные вехи развития взаимодействия поколений в локусе читательских практик. Всеобъемлющий теоретический анализ, включающий мировой историко-культурный контекст в многообразии различных национальных культур и эпох, — дело будущих макроисследований.

Заявленная тема содержательно определяет междисциплинарный характер исследования, включающий достижения философской, культурологической, педагогической и читателеведческой мысли, раскрывающий систему представлений о целях, организации, характере и содержании чтения молодого поколения в исторической динамике. Сравнительно-исторический анализ с использованием диахронного метода позволил установить, как с течением времени изменялись эти представ-

ления в контексте смены типов культуры: от постфигуративного, сложившегося в глубокой древности, до префигуративного, характерного для нашего времени. Метод актуализации способствовал лучшему пониманию современной ситуации в сфере чтения на основе анализа исторического опыта в данной сфере.

**Книга и чтение как инструмент
передачи социального опыта
в постфигуративных культурах
древности и Средневековья**

Издrevле человечество искало средства передачи жизненного опыта старшего поколения — младшему; долгое время считалось, что именно такой путь обеспечит воспроизводство норм и ценностей, которые гарантировали стабильность существования. С развитием письменности одним из инструментов передачи накопленных смыслов стали книги и чтение. Для древности и средневековья был характерен постфигуративный тип культуры, предполагающий безоговорочное подчинение детей и молодых людей взрослым и беспрекословное послушание.

В цивилизациях Древнего Востока этой цели служили, в частности, произведения дидактического жанра, юным шумерам основы нравственных норм и человечности передавали предписания, наставления, поучения, назидательные истории, сказки, сказания о богах и подвигах героев, легенды, пословицы. В Древнем Египте получил развитие жанр поучений («Почтение Птахотепа», «Верноподданное поучение», «Почтение фараона Аменемхета», «Почтение Ани», «Почтение Аменемопе»), в которых молодые египтяне предостерегались от бедствий, которые их постигнут при несоблюдении норм, предписанных богами. В текстах поучений содержались призывы чтить и любить родителей, быть учтивыми со стариками, служить своей семье. В Древней Индии образовательно-воспитательный процесс, главным актором которого был гуру, достижение нравственного и духовного уровня брахмачинами, усвоение ими правил религиозных правил и норм светской жизни достигалось

посредством чтения текстов сакрально-религиозного характера, основными из которых были «Веды» и «Упанишады». В Древнем Китае основное содержание воспитания было сформулировано Конфуцием; человеколюбие, справедливость, благоразумие, честность, благожелательность и почитание старших. Помимо личного примера и назидательных бесед формированию внутреннего мира и усвоению правил поведения должно было способствовать чтение канонических текстов — *цзинов*. Эта тенденция характерна и для педагогических практик античного мира, где в процессе воспитания физически развитого, достойного, трудолюбивого гражданина, любящего свою родину и семейный очаг, использовались стихотворения, наполненные нравственным содержанием или поучительные повествования о людях, совершивших подвиги и благородные поступки: сочинения Гомера, Гесиода и др.

В средневековой Европе понимание целей воспитания и обучения определялось как служение Богу, выстраивание жизненного пути в соответствии с его заповедями. Поскольку формирование духовного мира молодых людей было нацелено на усвоение религиозных ценностей, оно в обязательном порядке включало изучение священных текстов; соответственно в качестве учебной литературы использовались тексты Ветхого и Нового Завета, Псалтырь и Азбука. Древняя Русь, перенимая от Византии представления о роли книги и чтения в формировании истинного христианина, использовала в качестве инструментов воспитательно-образовательного процесса азбуковники, сборники, притчи, наставления и произведения дидактической литературы в жанре «поучения» и «слова». В этих сочинениях содержались тексты о религиозных ценностях, почитании старших, послушании, доброте, сострадании к бедным и пр. Вместе с тем отметим, что в букваре с картинками Кирилла Истомина отмечается следующее: умение читать требуется не только для понимания религиозных текстов, но и для «дел гражданских», что было достаточно необычным для того времени [10].

**Новое время: сложный диалог
постфигуративной
и кофигуративной культур
на темы книги и чтения**

Отношение к детству кардинально изменилось в эпоху Нового времени. Гуманисты европейского Возрождения воспринимали детей как хранителей имен и памяти, членов семьи и христианского сообщества, граждан государств, надежду отцов. Поэтому они считали себя ответственными за воспитание молодого поколения: М. Монтень в своих «Опытах» писал о чтении как важнейшем средстве познания и самопознания, воспитания и самовоспитания, коммуникации с самим собой и всем миром [16]. Ф. Бэкон, автор бессмертного афоризма «Знание — сила», утверждал, что важнейшим средством передачи знания является чтение книг, которое направляется либо «советами учителей, либо собственным рвением и интересом». Он считал, что выбор книг для образовательного чтения должен определяться критическими оценками ученых, которые «должны руководить учащимися в выборе книг» [6]. Английский философ-просветитель Дж. Локк в своей работе «Мысли о воспитании. Что читать и изучать джентльмену» настаивал на том, что приучать детей к чтению нужно с детства, потому что книги служат совершенствованию разума и являются, в частности, необходимым условием формирования джентльмена. Он должен ознакомиться с объектами всех наук, разобраться в нравственных и политических вопросах, познать историю и право, постоянно стремиться к расширению своих знаний. В круг чтения джентльмена должны входить книги о добродетелях и пороках, гражданском обществе и видах правления, а также о праве и истории [12]. Выдающийся чешский педагог-гуманист XVII столетия Я. А. Коменский считал, что чтение должно служить воспитанию ума, обогащать память практически полезными сведениями, поэтому так важно читать именно те книги, которые толкуют о жизни. Он полагал необходимым делать в процессе чтения выписки, систематизировать конспекты, приводить полученные знания в систему; это было важным вкладом в развитие представлений о культуре чтения [5].

Традицию направления читательской деятельности детей и юношества старшим поколением продолжили деятели европейского Просвещения. Жизненный успех человека в это время связывался с наличием у него знаний, что предопределило возрастание роли библиотеки, книги, чтения. Книгоиздание откликнулось на эти запросы выпуском всевозможных изданий справочного характера и энциклопедий; так появились «Циклопедия» Е. Чемберса, «Большой универсальный лексикон» Й. Цедлера, «Энциклопедия, или Толковый словарь наук, искусств или ремесел» под редакцией Ж. д'Аламбера и Д. Дидро. Новая эпоха потребовала формирования принципиально новых представлений о детско-юношеском чтении, подчеркивающих его социальный и самостоятельный характер, что особенно ярко отражалось в высказываниях Ф. Вольтера, Ж. Ж. Руссо и И. Канта. Вольтер видел в нем средство просвещения, поиска истины, преодоления заблуждений и формирования нравственных убеждений; Ж. Ж. Руссо связывал чтение с подготовкой к полноценной, самостоятельной жизни; И. Кант считал, что чтение должно побуждать к самостоятельному мышлению. Обратим внимание на то, что это уже были шаги в направлении кофигуративного типа культуры, когда дети и юноши начинают рассматриваться как люди, ответственные за формирование своей личности и активной гражданской позиции.

В России в это время усилиями императора Петра I и его сподвижника Феофана Прокоповича вырабатывались представления о детско-юношеском чтении, связанные с поиском ресурсов для осуществления реформ и европеизации государства. В европейских странах закупались учебники и учебные пособия и, кроме того, по приказу государя было создано педагогическое сочинение «Юности честное зеркало, или Показание к житейскому обхождению», где излагались правила хорошего поведения и нравственные уроки: как вести себя за столом, относиться к родителям («отца и мать в великой чести содержать»). Не следовало слушать «блудные песни, скверные басни, глупые пословицы». Молодой человек должен «говорить иностранными языками», обучать-

ся чтением полезных книг, а также уметь «добрый разговор учинить», быть красноречивым и благочестивым гражданином [28].

В век российского Просвещения, который связывают с периодом правления Екатерины Великой, сама императрица сформулировала идеал воспитания подрастающего поколения. Стремясь к созданию «новой породы» людей, она взяла за основу зародившийся в Европе гуманитарный идеал, исходящий из уважения к правам и свободе личности, ее естественности и самобытности. Значительную роль в этом процессе правительница отводила чтению, что дало толчок развитию ориентированной на детей книжной культуры. При Императорской академии наук вышла «Российская азбука для обучения юношества чтению» для общественных школ, создание которой приписывается самой Екатерине [22]. Докатившиеся до России волны женской эмансипации способствовали развитию материнского чтения, что, в свою очередь, стимулировало читательскую деятельность детей из дворянских семей. Для них закупалась и переводилась зарубежная литература; преимущественно это были сочинения французских и немецких авторов (сочинения М. д'Онуа, И.-М. Лепренс де Бомон, С. Жанлис, М. Сервантеса, Д. Дефо, Л. Плутарха) и учебная литература («Естественная история для малолетних детей» Г. Х. Раффа, «Собрание предметов для юношества» Ф. Ю. Бертуха и др.). Вскоре появились и книги, написанные российскими авторами: А. И. Богдановым, А. Т. Болотовым, Г. Тепловым [26].

Особая роль в формировании представлений о значимости чтения детей в это время принадлежала Н. И. Новикову. В своем знаменитом сочинении «О воспитании и наставлении детей» пионер демократического книгоиздания утверждал, что главная задача взрослых — сделать детей благополучными людьми и полезными гражданами, воспитывать в них «отечественный дух». Образование должно служить личному счастью и приносить пользу государству, причем большая роль в этом отводилась книге и чтению [17]. В соответствии с этими представлениями в детском репертуаре изданий Н. И. Новикова преобладали деловые и научно-популярные книги, а выпускаемый им дет-

ский журнал, названный в стиле лексики екатерининских времен «Детское чтение для сердца и разума», содержал изрядную долю отрывков книг делового, научного характера, принадлежавших в основном немецким авторам.

От «века ребенка» —

к веку социалистического

строительства: на пути

к самостоятельному чтению

Значимой вехой для развития представлений о роли чтения в социализации детско-юношеского поколения, праве юного человека на читательское самоформирование в России стала вторая половина XIX столетия, метафорически названная «веком ребенка». Это было заметным движением в направлении развития отношения взрослого и детского миров, характерного для кофигуративного и в определенной степени префигуративного типов культуры. В трудах Н. Г. Чернышевского, Н. А. Добролюбова, Д. И. Менделеева, Н. И. Пирогова, К. Д. Ушинского отстаивалось право подрастающего поколения на реализацию собственной субъектности. В центр воспитательно-образовательного процесса ставились проблемы формирования нравственности, любви к своей семье, нации и человечеству в целом [18, 26]. Наиболее ярко идеи о праве ребенка на свободное чтение выразили Л. Н. Толстой и Н. А. Рубакин. Толстой считал, что насильственное воспитание в принципе несправедливо, ребенка нужно не загонять в определенные рамки, а обеспечить его книгами, необходимыми для развития и нравственного воспитания. Выдающийся российский специалист в области книжного дела и чтения Н. А. Рубакин признавал за ребенком право на самоопределение: он «... человек, а не объект для педагогических манипуляций» [23, с. 205]. Ребенок должен вырабатывать в своем сознании «нечто свое собственное», а при выборе книг руководствоваться собственными привычками и потребностями. Детская библиотека должна быть своего рода «отражением Вселенной».

Период после свершения Великой Октябрьской социалистической революции в нашей стране был достаточно противоречивым для развития взаимодействия взрослого и дет-

ского миров. Взрослые не сомневались в своем праве активно вмешиваться в детско-юношеское чтение, жестко руководить им, определять границы допустимого в его содержании. Из круга чтения вытеснялась литература, в которой действуют «феи, русалки и прочая дребедень», допускаются отклонения от реализма. Непозволительными для детского чтения объявлялись книги, которые не вписывались в большевистскую идеологию и могли быть истолкованы «нежелательным образом» [3].

Вместе с тем крупнейшие деятели культуры того времени: А. В. Луначарский, М. Горький, К. И. Чуковский, С. Я. Маршак — выдвинули новую, гуманистически окрашенную систему требований к детской литературе: природосообразность, близость к жизни, научность, развивающий характер [13]. Для детей творили В. Бианки, Б. Житков, В. Брюсов, Е. Шварц, Ф. Сологуб и так называемые обэриуты, в группу которых входили Д. Хармс, А. Введенский, Н. Заболоцкий и др. Стало выходить много детских журналов: «Северное сияние», «Красные зори», «Юные товарищи», «Барабан», «Воробей», «Новый Робинзон», «Красный галстук», «Пионер», «Мурзилка», «Чиж», «Еж» и др. Здесь публиковалось много познавательного материала: небольшие заметки и очерки по естествознанию, технике и прикладному искусству, обзоры важнейших открытий и изобретений, статьи об общественных инициативах, различных видах труда, достоинствах социализма и значимости пролетарской культуры, о безрадостной жизни детей в дореволюционной России и западном мире. Детей привлекали к сотрудничеству в качестве корреспондентов, публиковались их письма, заметки и другие сочинения, что позволило юным авторам проявить свою субъектность. Специалисты по детскому чтению старались понять нового читателя; высказывались даже соображения о том, что дети и подростки лучше знают, какие книги им нужны, и даже сами могут написать их.

В целом следует отметить, что в 1920–1930-е годы для детей издавали много полезной литературы, которая формировала представления об общественном устройстве, социальной справедливости, естественнонаучной картине мира, воспитывала любовь к труду

и воспевала подвиги. В детских книжках, изданных на дешевой бумаге, описывались физические эксперименты, рассказывалось о мире животных, сельском труде — словом, советского ребенка знакомили с реальной жизнью. Феномен детской книги этого периода вызвал огромный интерес на Западе: ее изучают, организуют выставки, пытаются понять, в чем сила этой книги, как она смогла воспитать людей, выигравших Великую Отечественную войну.

На протяжении всего периода советской истории ребенок по-прежнему рассматривался как объект формирования, руководства, влияния; взрослые исходили из того, что им нужно передавать детям свой социальный опыт, моделировать их будущее по образцу собственной жизни. В то же время дети и молодые люди при выборе литературы для чтения уже во многом ориентировались не только на взрослых, но и на сверстников, что свидетельствовало об отношениях взрослого и детского миров, характерных для кофигуративного типа культуры. Набирали силу представления о необходимости бережного отношения к детству, индивидуальности ребенка, развития его самостоятельности и инициативы; эти идеи были воплощены в трудах крупнейших специалистов в области детского чтения 1960–1980-х гг.: Л. И. Беленькой, Д. А. Гольдштейна, Н. Ф. Новичковой, И. И. Тихомировой, О. Ф. Хузе. Руководство детским чтением уже стало рассматриваться как воспитание навыков сознательного, вдумчивого, целенаправленного чтения при корректирующем воздействии со стороны взрослых. В профессиональных работах, посвященных детскому и юношескому чтению, все чаще стали использоваться слова «самопознание», «самораскрытие», «самовыражение», «самооценка».

Цифровой век:

торжество префигуративности

Знаковым событием для пересмотра взаимоотношений взрослого и детского миров стала перестройка, которая сопровождалась разочарованием в пройденном пути социалистического развития, неверием в старшее поколение, допустившее множество ошибок, его слабая адаптированность к реалиям рыночной

экономики и бурно развивающимся информационным технологиям.

Утрата ориентиров во взаимодействии старшего и младшего поколений вызвала определенное чувство растерянности, непонимание того, как выстраивать взаимодействие детского и взрослого миров. Одним из следствий этого в российских вузах стала повсеместная ликвидация кафедр детской литературы, что привело к прекращению дифференцированной подготовки специалистов для детских библиотек. Круг специалистов, компетентных в вопросах развития детско-юношеского чтения, резко сузился, что не могло не сказаться на качестве профессиональной дискуссии о содержании чтения названной категории читателей. Идеология взаимоотношений взрослого и детского миров и система требований к детской литературе в сложившихся социокультурных условиях не были сформированы.

Этот сложный период совпал с электронной революцией, породившей бум развития информационных технологий. Выросло поколение цифровых аборигенов, уверенно чувствующих себя в Интернет-пространстве. Оно все больше дистанцируется от взрослых, переживая своего рода «праздник непослушания», позволяющий выстроить и реализовать свою, независимую от взрослых систему ценностей в мире литературы и чтения.

Для коммуникативного поведения поколения «зет» (цифровое поколение, поколение интернета, поколение юзеров, сетевое поколение, цифровые люди, N-Generation, центениалы, хоумлендеры), родившегося в 1966–2010 гг., обыденными стали интернет, смартфоны и иные гаджеты, создающие эффект одновременного присутствия в разных пространствах. Молодые люди максимально используют сети для общения, что формирует зависимость от цифровых технологий и сокращает время для межличностной коммуникации в реальной жизни. Вместе с тем они не умеют долго концентрировать свое внимание на чем-либо, у них снижены возможности к воображению, рефлексии, долговременному запоминанию, углубленному пониманию, проектному и теоретическому мышлению. «Зеты» не склонны к скрупулезной работе, требующей усидчивости,

легко переключаются с одного вида деятельности на другой, сопротивляются избыточности информации [2; 20].

Исследователи когнитивной деятельности поколения «зет» в сетевом пространстве А. Е. Войскунский, Д. Ротман отмечают, что его отличают ориентация на визуальные образы, склонность переходить от чтения объемных, сложных по содержанию текстов к поиску нужной информации по ключевым словам. Мышление в процессе чтения в результате становится поверхностным, фрагментарным, со сниженной критичностью, приобретает черты клиповости. Установка на длительное запоминание и обработку информации отсутствует; превалирует установка на сохранение в памяти алгоритма нахождения необходимой информации и ее локализации на определенных ресурсах [7; 31].

Поколение «альфа» (Generation Alpha) — это те, кто родился после между 2010 и 2024 гг. Австралийский ученый Марк Маккриндл, который дал наименование этому поколению, считает, что именно оно «начинает что-то новое»: это глобальное, цифровое, мобильное, визуальное поколение, которое не только потребляет, но и создает контент, оказывая влияние на культуру и политику. Оно активно пользуется умными технологиями, голосовыми помощниками и нейросетью. Вместе с тем «альфы» не склонны к длительной концентрации внимания, чтению длинных текстов и не проявляют стремления к глубоким знаниям [30]. Словом, поколения «зет» и «альфа» — это интернет-ориентированные аудитории, для которых традиционные формы продвижения и восприятия книги связываются с режимом ретро-ориентированности и символического устаревания. Для этих поколений нет четких границ между реальным и виртуальным мирами. Социальные сети позволяют молодым людям осуществлять внеинституциональное дрейфующее интернет-чтение, в удобной для себя форме делиться впечатлениями о прочитанном, рекомендовать те или иные произведения, авторов, создавать разнообразные читательские сообщества. Для них наиболее значимы литературные рекомендации медийных лиц, «значимых других», инфлюэнсеров, референтных и субкультурных групп. Определенную роль в обозначенных

процессах играет и саморегуляция на уровне определенного субъекта — отдельных групп и индивида. Взаимодействие и взаимовлияние молодых людей осуществляется посредством социально-психологических механизмов общения: заражения, подражания, внушения, убеждения, конформности, идентификации и обособления. Взрослое поколение во главе с родителями и специалистами инфраструктуры чтения после периода растерянности несколько запоздало пытается встроиться в это торжество префигуративности, не предполагающей послушания и внимательного отношения к рекомендациям старшего поколения.

Абсолютизация возможностей Интернета, уход в виртуальные миры ведут к снижению символической фигуры «умного взрослого», в том числе — родителей («геронтов», «родаков», «предков»), нарастанию конфликтов между «отцами» и «детьми», мировоззренческому разрыву поколений. Более того, молодые люди нередко подчеркивают свою идентификации со сверстниками по принципу предполагаемого сходства интересов и обособленность, эмансипированность от мира взрослых, неприятие их читательского опыта. Одна юная читательница написала: «...родители уверены, что современные книги все поверхностные, одноразовые, и читать их чуть ли не стыдно. На самом деле, они ошибаются. За последние годы появилось очень много книг, гораздо более увлекательных, и при этом столь же ценных с литературной точки зрения, как и те, что помнят родители из своего детства. И издаются такие книги, которые известны и любимы в мире многие годы, а у нас они появились только сейчас. Я не буду умничать и рекомендовать современные книги, получившие премии критиков и библиотекарей. Я хочу посоветовать книги, за которые ручаюсь. Которые затягивают и не отпускают до последней страницы» (к посту — более двух тысяч «лайков»)¹. Чаще всего подобные дискуссии разворачиваются в поле обсуждения пересмотра школьной программы и внеклассного чтения: «Есть такое понятие “на зубах навязло”. Особенно после того, как в школе всю душу сочинениями вынут».

¹ URL: https://vk.com/wall-73476_867848 (дата обращения: 24.11.2024).

Читательская деятельность молодого поколения переместилась в сетевое пространство, которое предоставляет широчайший контент ресурсов, связанных с книгой и чтением: это челленджи, блоги, тематические читательских сообщества, фандомы, форумы, тематические подборки, подкасты, литературные и писательские сайты, страницы отдельных читателей, буккросинги и пр. Здесь молодые люди используют возможность публикации, обмена мнениями, обсуждения литературных произведений, демонстрации эмоционального отношения к текстам, различному контенту в социальных сетях и пр. Разумеется, для грамотного выстраивания отношений с интернет-ориентированной аудиторией необходимо понимание того, по каким признакам возможна ее дифференциация, какую роль в интенсивности и содержании чтения играет принадлежность к определенным субкультурам и интерпретативным сообществам, какие читательские практики реализуются в сетевом пространстве, чем определяются вкусовые пристрастия и оценки детей и молодых читателей, кто оказывает на них наибольшее влияние.

Чтобы приблизиться к пониманию этих вопросов, в Челябинском государственном институте культуры с участием коллег из ЮУрГУ в последние несколько лет ведутся исследования, направленные на изучение читательских практик молодых людей. В 2021–2022 гг. было проведено изучение чтения студентов, в котором приняло участие более тысячи человек из 11 вузов Южного Урала².

Цель исследования — содержательная конкретизация отношения студентов вузов Южного Урала к различным аспектам и практикам чтения в контексте цифровых трансформаций XXI в. В качестве методов сбора эмпирического материала применялись опросный лист

² В работе принимали участие В. Я. Аскарова, Л. Б. Зубанова, Н. Л. Зыховская, Д. М. Хафизов, А. В. Солина, Л. С. Яцушкина. Основные результаты исследования отражены в коллективной монографии: Аскарова В. Я., Зыховская Н. Л., Хафизов Д. М. Чтение молодежи в век цифровых технологий: отражение универсальных смыслов в региональном исследовании: кол. моногр. Челябинск: Библиотека Миллера, 2022. 219 с. [1]

(в очном и заочном форматах), анализ сетевого контента, игротехнические приемы и фокус-групповые дискуссии.

Студенты отметили высокую ценность чтения, осознавая в то же время его нынешнюю размытость и проникновение практически во все сферы жизни. Предпочтение электронного или бумажного текста определялось соображениями удобства и доступности. При выборе литературы для чтения ориентируются больше на современную литературу, причем на стимулирование интереса к определенным книгам влияют визуальные коммуникационные технологии, прежде всего, экранизации (44 %) и суждения лидеров мнений и инфлюэнсеров (43 %).

Среди мотивов чтения лидирует мотив общекультурной компетентности (62 %), на втором месте оказался мотив релаксации (44,3 %), а на третьем — мотив духовной рефлексии (37,9 %). Среди мотивов-аутсайдеров (не более 15 % выборов) — оказались референтная мотивация и коммуникативный мотив. Мы это связываем с тем, культура большинства и консолидированных интересов явно уходит в прошлое, уступив место поиску индивидуальной читательской траектории.

В качестве «мягкой силы», стимулирующей их читательскую активность, молодые люди называют социальные сети; эту позицию выбрали 58,2 % опрошенных. В сетевом пространстве молодежью практикуются различные варианты «виртуального» общения и обмена информацией по поводу книги и чтения: основные из них — книжные челленджи, флешмобы, буккросинги, фандомы, блоги, подкасты, читательские клубы.

В Интернете за последние 20 лет получили распространение челленджи, в ходе которых молодые люди в игровой форме соревнуются друг с другом в количестве прочитанных книг, отобранных по разным основаниям: тематическим, жанровым, авторским, временным и пр. В качестве форм участия в челленджах предлагается также написание рецензий, аннотаций, отзывов и саммари, выделение цитат, прочтение книги в определенном месте, составление собственных подборок книг и пр.

Наиболее популярные из челленджей — «Книжный вызов», «Книжная башня», «Пер-

вое предложение», «Слепой книжный вызов», «Книжный шепот». Самым востребованным и массовым среди них оказался челлендж «Книжный вызов», который с 2014 г. ведется на платформе литературного сервиса livelib.ru³ и набрал около миллиона участников. Предлагают свои челленджи также платформы ReadRate⁴, Smart Reading, MyBook⁵, Читай-город⁶. Некоторые блогеры на своих страницах размещают челленджи, адресованные самим себе.

В последние годы к организации челленджей подключились институты книжного дела: среди них — издательство «Манн, Иванов и Фарбер»⁷, красноярский книжный магазин «Бакен»⁸, а также несколько библиотек. В частности, ими занимается Национальная библиотека Беларуси⁹, а с 2020 г. организует книжные челленджи Центральная городская библиотека им. Светлова, г. Москва¹⁰. В челленджах «Светловки» присутствуют задания, способствующие углублению понимания прочитанного: смастерить закладку, вдохновленную книгой по определенной теме, создать свою иллюстрацию к книге, вести читательский дневник и пр. Запустили свои челленджи также библиотеки Владимирского региона¹¹, Кирсинская центральная библиотека им. Г. М. Вяземского Верхнекамской центра-

³ URL: <https://www.livelib.ru/challenge/2024> (дата обращения: 24.11.2024).

⁴ URL: <https://www.smartreading.ru> (дата обращения: 24.11.2024).

⁵ URL: <https://www.mybook.ru> (дата обращения: 24.11.2024).

⁶ URL: <https://www.chitai-gorod.ru/product/knizhnyy-chellendzh-2738733/> (дата обращения: 24.11.2024).

⁷ URL: <https://blog.mann-ivanov-ferber.ru/2024/07/15/10-knizhnyx-chellendzhej-i-mnogo-idej-dlya-chteniya/> (дата обращения: 24.11.2024).

⁸ Книжный магазин «Бакен». URL: <https://www.bakenbooks.com/?p=9> (дата обращения: 24.11.2024).

⁹ Книжные челленджи: как перестать бояться и начать читать 100 книг в год. URL: <https://news.myseldon.com/ru/news/index/237132315> (дата обращения: 24.11.2024).

¹⁰ Юбилейный книжный челлендж. 2024. URL: <https://www.svetlovka.ru/projects/yubileyny-knizhnyy-chellendzh-2024/> (дата обращения: 24.11.2024).

¹¹ Книжный челлендж еще в моде! URL: biss.lib33.ru/knizhnyj-chellendzh-eshe-v-mode.html (дата обращения: 24.11.2024).

лизованной библиотечной системы¹², Межпоселенческая библиотека Братского района Иркутской области¹³.

Челленджи используют и школьные педагоги в качестве инструмента популяризации чтения среди учеников¹⁴. Причем учителя вовлекают в эту работу родителей, что побуждает к развитию общения по поводу книги и создает условия для диалога поколений.

Среди молодежи набирает популярность такая аудиальная форма побуждения к чтению, как подкасты, в ходе которых ведущие и их собеседники в непринужденной форме беседуют на литературные темы. В топ подкастов по проблемам книги и чтения входят «Книжный базар» Г. Юзефович и А. Завозовой; «Читатель» П. Грозного; «Книги жарь» С. Лебедева и А. Правдюк; «Чтение» Е. Стаховского; «Полка» Ю. Сапрыкина, Л. Оборина и П. Рыжовой; «Поляринов говорит» А. Поляринова; «Heresy Hub» Ж. Поярковой; «Горячая ультрасовременность» Н. Зайцевой; «Армен и Федор» А. Захаряна; «Ковен дур», который ведут четыре молодые писательницы и др. Привлекательность этой формы презентации литературных произведений определяется тем, что каждый подкаст рассчитан на определенную аудиторию, учитывает ее запросы и уровень литературной подготовленности; ведущие под-

каста используют соответствующую лексику и тональность разговора. Темы самые разные: о женских романах, бестселлерах, отношении к книгам и чтению, книжных новинках, об истории создания определенных произведений, особенностях отдельного жанра, закулиссе книжного процесса и пр. Феномен успешности и востребованности этой формы стимулирования читательской активности молодежи связан, на наш взгляд, с тем, что в роли «умных взрослых» среди ведущих и гостей выступают известные писатели, филологи, издатели, редакторы, переводчики. Причем это всегда беседы с элементами занимательности, живого диалога с аудиторией.

Осваивают эту форму и библиотеки. В авангарде здесь Российская государственная библиотека для молодежи, которая ведет подкасты на популярные у своих читателей темы: о комиксах, детективах, фанфиках, литературе non/fiction, о книжном блогинге и пр.¹⁵ Имеет свой подкаст и Якутская национальная библиотека; его ведут писатель-фантаст М. Эверстов и поэт Н. Харлампьева¹⁶. Мурманская областная детско-юношеская библиотека им. В. П. Махаевой создала подкаст «У-ук: твои библиотекари в безумном мире», в котором обсуждаются книги для детско-подросткового чтения; здесь ведется разговор о формировании собственной читательской траектории, о грамотном выборе литературы для чтения, жанровых особенностях фанфикшна и проч¹⁷. Имеет подобный опыт и муниципальная библиотека Северодвинска, которая в своем подкасте «Я — библиотекарь» занимается популяризацией русского языка, книги и чтения, устраивает встречи с людьми мира литературы¹⁸. Центральная городская библиотека им. А. П. Чехова в Калининграде ведет циклы подкастов по темам «Истории и легенды Ю. Иванова», «Новое поколение — новые авто-

¹⁵ Аудитория РГБМ. Подкасты. URL: <https://podcast.rgub.ru> (дата обращения: 20.11.2024).

¹⁶ Подкасты // Национальная библиотека Якутии. URL: <https://new.nlrs.ru/collections/2621> (дата обращения: 08.12.2024).

¹⁷ «У-ук: твои библиотекари в безумном мире» URL: <https://lib-creative.ru/projects/show/138>. (дата обращения: 20.11.2024).

¹⁸ «Я — библиотекарь». URL: <https://nordlib.ru/podcast-ya-bibliotekar/> (дата обращения: 20.11.2024).

¹² Книжный челлендж-2024. URL: <http://bibliotekakirs.ru/knizhnyj-chellendzh-2024/> (дата обращения: 24.11.2024).

¹³ Зачем принимать участие в челлендже? URL: <https://vihlib.ru/news/2024/05/1730/>. URL: <https://vihlib.ru/news/2024/05/1730/> (дата обращения: 24.11.2024).

¹⁴ Могутова Р. Читать — не скучно! URL: <https://dzen.ru/neskuchno> (дата обращения: 24.11.2024); Рукавишникова Е. Г. Читательский челлендж как новая форма популяризации чтения. URL: <https://www.lurok.ru/categories/4/articles/75543> (дата обращения: 24.11.2024); Глазунова Е. Литературный челлендж как эффективная форма пропаганды чтения среди участников образовательного процесса. URL: <https://www.maam.ru/detskij-sad-literaturnyi-chellendzh-kak-yefektivnaja-forma-raboty-po-propagande-chenija-sredi-uchastnikov-obrazovatel'nogo-procesa.html> (дата обращения: 24.11.2024); Нуриева И. Л. Методическая разработка «Литературный Челлендж как эффективная форма работы по пропаганде чтения среди участников образовательного процесса». URL: <https://perricone-md.ru/articles/chto-takoe-chellendzh-v-biblioteke> (дата обращения: 24.11.2024).

ры», «Читаем с детьми», «Поэтический шлюз» и др.¹⁹

Включились в эту работу и наиболее креативные предприятия книжного бизнеса. Издательская группа «ЭКМО» использует подкасты для продвижения своей продукции²⁰; подключен к этой деятельности и сервис электронных книг ЛитРес²¹. Подкасты о детских книгах ведут издательские организации: «40 книг», «Арзамас» и др.

Блоги, связанные с книгами и чтением, содержат рецензии и отзывы на произведения, обзоры книг, истории об их создателях, которые сопровождаются откликами и комментариями. В числе наиболее популярных блогов последних лет — «Antony Uly», «bookspase», «Армен и Федор», «Книжный чел», «Читалочка», «Юлия Волкодав», «Литобзор», «Ulilie»; они лидируют по количеству просмотров, постов, комментариев и «лайков», нередко включаются в топ лучших блогов соответствующей тематики.

Вместе с тем блогосфера — явление неоднородное. Выделены три основные группы блогов: коммерчески ориентированные, лоббирующие интересы книжного (прежде всего, книгоиздательского) бизнеса, библиотечные и независимые блоги, которые ведут любящие литературу люди, представляющие лишь свою персону²².

В коммерчески ориентированных блогах основной упор идет на авторов и произведения, которые издаются в каждом конкретном издательстве. Часто сами авторы рассказывают о своих произведениях. Цель таких блогов —

побуждение к покупке. Библиотечные блоги часто используются в качестве инструментов коммуникации, создания потока целевых посетителей, привлечения внимания к библиотеке. В таких блогах чаще можно увидеть анонсы мероприятий библиотеки, информацию о писателях-юбиларах, стихотворения, подходящие по смыслу к знаменательным датам и пр. Независимые блогеры, как правило, высказывают свою личную точку зрения о прочитанном, и по результатам нашего исследования они более востребованы. Публикуемые ими посты и видео носят в основном обзорный и рекомендательный, реже — развлекательный характер. Отклик на деятельность популярных независимых книжных блогеров выражается в количестве комментариев, основная часть которых относится непосредственно к оценке произведения, которое презентовал блогер. Сопоставительный анализ десяти наиболее популярных блогов каждой из трех названных групп, проведенный в 2021 году, показал, что независимые книжные блоги — самые востребованные; 63 опубликованных ими поста набрали 37 354 комментариев и 451 387 положительных оценок («лайков»). Коммерчески ориентированные блоги, в которых было размещено 144 поста, получили 7 662 комментария и 1678 «лайков», а на 193 поста, размещенных в библиотечных блогах, читатели откликнулись 543 комментариями и всего 69 «лайками». Так что популярность коммерчески ориентированных и библиотечных блогов оказалась в разы ниже.

В чем причина успеха независимых блогеров? Они предпочитают говорить о таких отечественных авторах, как Владимир Набоков, Евгений Водолазкин, Гузель Яхина, Алексей Сальников, Андрей Иванов и Макс Фрай, а из зарубежных выбирают С. Кинга, Дж. Страуда, Ч. Паланика, М. Парр, Дж. Роулинг, Э. Хемингуэя, Д. Тартт, Дж. Джойса, К. Кизи, Д. Ф. Уоллес и С. Симеде, делятся своими личными, непосредственными оценками: «люблю эту книгу, но она такая надуманная и эстетичная, что аж бесит», «к сожалению, данная книга из серии “Чтобы продать что-то ненужное, нужно купить что-то ненужное”», «тот момент, когда ты совсем не поклонник даже оригинала, но даже слухом и

¹⁹ Акустическая Чеховка. Подкасты калининградской библиотеки. URL: <https://podcasts.apple.com/ru/podcast/акустическая-чеховка-подкасты-калининградской-библиотеки/id1553873054?l=e> (дата обращения: 20.11.2024).

²⁰ Книги ЭКМО. Издательская группа. URL: <https://vk.com/podcasts-30437004> (дата обращения: 20.11.2024).

²¹ ЛитРес: что почитать, послушать? URL: <https://podcasts.apple.com/us/podcast/литрес-что-почитать-послушать/id1509506802?l=new> (дата обращения: 20.11.2024).

²² Кейс, связанный с изучением блогосферы, был разработан Л. С. Яцушкиной. См.: Яцушкина Л. С. Книжный блог как источник сведений о чтении и читателях // Социолог и психолог в библиотеке. Вып. XII. Москва: Рос. госуд. библиот. для молодежи, 2021. С. 74–82 [29].

взглядом дилетанта можно понять, насколько это дико», «нереально интересная книга!» и пр. Представляется очевидным вывод, что для молодых людей важнее личностные, эмоционально окрашенные советы, чем обезличенные списки, сформированные представителями институтов инфраструктуры чтения.

Изучение любых блогов несет важную информацию о молодых читателях и их чтении: какие сетевые ресурсы и как часто они посещают, какую информацию там ищут, к какому общению стремятся, чьему мнению о литературе доверяют, каковы их читательские предпочтения, какие рекомендуемые признаки произведений для них значимы, какие лексические средства оказывают на них стимулирующее воздействие. Влияние на чтение молодежи, вступление с ней в диалог предполагает активное взаимодействие с книжной блогосферой: необходимо следить за тем, что в ней происходит, ориентироваться в настроениях и предпочтениях читателей, находить новые интересные формы и приемы представления материала, следить за новинками в мире литературы и использовать опыт наиболее авторитетных книжных блогеров в своей работе.

В этом направлении уже давно уже работают Российский книжный Союз, издательский холдинг «ЭКМО-АСТ» и сеть книжных магазинов «Читай-город-Буквоед» при партнерстве сети «ВКонтакте» в рамках проекта ЮФ. Декларируемая цель проекта — помочь книге занять достойное место в медиапространстве. В рамках этого проекта молодежи предлагаются достаточно креативные приемы привлечения внимания к книгам: вирусные видеоролики по известным произведениям, кликбейтные обложки для классических литературных произведений, различные читательские челленджи и пр. Проводятся встречи с наиболее успешными книжными блогерами (Полина Парс, Софья Хромова, Григорий Матридер, Ульяна Улилай, Антон Ульянов, Анна Смирнова). Эти наиболее успешные инфлюэнсеры мира книги и чтения делятся своими соображениями о читательской аудитории, различных приемах рекомендации книг, критериях собственного отбора литературы для рекомендации и пр. Некоторые предприятия книжного бизнеса,

например, «Эксмо», активно выявляют лучших блогеров и привлекают их к сотрудничеству. Для блогеров, имеющих хороший контакт с читателями, издательства проводят специальные мероприятия, например, ознакомление с выпущенной ими книжной продукцией с целью ее продвижения в сетевом пространстве²³.

Принципы и приемы работы по стимулированию читательской активности молодежи в проекте ЮФ сформулированы, на наш взгляд, весьма грамотно и заслуживают широкого распространения, в том числе в библиотеках. Это разговор с молодым читателем на одном языке; преодоление барьеров низкой концентрации внимания; активное включение в работу значимых для молодых людей инфлюэнсеров и блогеров-иллюстраторов; использование популярных в молодежной среде приемов и технологий (стрим, сториз, челленджи и др.); активное вовлечение аудитории в коммуникацию по поводу книги и чтения; создание книжных клубов с участием известных стендап-комиков, онлайн-шоу книжных блогеров и пр. [20]

Трансформация чтения на сегодняшний день выражается в расширении границ самой книги, она становится частью более широкого социокультурного контекста; творчески изменяясь, она становится основой для фильма, видеоигры, радиоспектакля или побуждает к творчеству читателей, в частности, по созданию фанфикшн²⁴.

Самые популярные фандомы у сочинителей и читателей фанфиков в России последних трех лет — «Гарри Поттер», «Bangtan Boys (BTS)», «Modao Zushi (Магистр дьявольского культа)», «Наруто», «Киноселенная Марвел», «Звездные войны», «Все ради игры». Участники сообществ реализуют следующие виды фандомной деятельности: сочинение, чтение и обсуждение и оценивание фанфиков, ведение журналов — фэнзинов, редактирование

²³ Дербенцева А. Как взлетают «книги-ракеты». URL: <https://texterra.ru/blog/knigi-rakety-labkovskiy-i-chem-prodazhi-na-wildberries-otlichayutsya-ot-prodazh-na-ozon.html> (дата обращения: 10.11.2024).

²⁴ Кейс исследования, связанный с фанфикшн, разрабатывала А. В. Солина. См.: Солина А. В. Фанфикшн как инструмент исследования читательских предпочтений молодежи // Социолог и психолог в библиотеке : сб. статей и материалов. Вып. XII. Москва : РГБМ, 2021. С. 87–92 [25].

текстов, написание статей и пр. При выборе литературного материала они ориентируются на наиболее привлекательные для них черты персонажа: ум, привлекательная внешность, харизма, талант, решительность, верность. Важную роль играет трагичная предыстория героя и его проработанность, раскрытие в оригинальной версии.

По данным нашего исследования, проведенного летом 2023 г. (было опрошено 74 фикрайтера — создателя фанфиков — и 153 фикридера — их читателей), выяснилось, что основной возрастной состав сочинителей фанфикшн — от 17 до 32 лет. Около 40 % фикрайтеров — студенты и учащиеся школ. Основной мотивацией для написания текстов является возможность творческого самовыражения, способ поделиться идеями, найти единомышленников в фандоме и посмотреть на литературно-художественный сюжет под другим углом.

Библиотеки среди фикрайтеров и фикридеров большой популярностью не пользуются, более половины от числа опрошенных их не посещают, а 71,4 % не имеют представления о библиотечных событиях. Сами библиотеки делают пока что робкие шаги навстречу; эмпирическое исследование, проведенное в марте 2024 г., показало, что опыт работы с фанфикшн имеют лишь 30 библиотек России, причем на сегодняшний день преобладающей формой является организация конкурсов фанфиков для молодых читателей библиотеки.

Более активны в данном направлении педагоги, которые используют фанфикшн преимущественно для формирования интереса к программным произведениям классической литературы и активизации чтения школьников; об этом опыте сообщают Т. Г. Галактионова, Ю. Л. Мокшина, Н. В. Кургузова [9; 11; 15].

О стремлении к общению по поводу книги и чтения свидетельствуют и книжные клубы, действующие как в реальном, так и сетевом пространстве. В Интернете отражена деятельность книжных клубов «Книгочай», «Чай, кофе, почитаем», «Поле нечитаное», «А что, надо было что-то читать?», «Книжные бобры», «ToDu», «Книги и алкоголь», «BARK&READ», «Книжный клуб с Константином Мильчиным», «Читай», «Другими словами», «ЧиТули», «BAMbook» и др.

Издательства, заинтересованные в развитии читательской деятельности и, соответственно, в стимулировании покупательского спроса, всячески пропагандируют деятельность этих клубов, размещая сведения о них в сетевом пространстве; так, например, поступает издательство «Манн, Иванов и Фербер»²⁵. Сформировались и детские читательские клубы, созданные издательскими фирмами: «Среди гномов и великанов» и «Крокодилы и бегемоты, обезьяны и кашалоты!», «Просто фантастика»²⁶.

Фрагментарный перечень интернет-ресурсов, связанных с книгой и чтением, и их возможностей убеждает, что с развитием информационных технологий в интернете появились и непрерывно множатся ресурсы, практически заменяющие (и, возможно, исключающие) традиционную литературную критику; судя по молодежным отзывам, именно формат непринужденного, эмоционального, пристрастного и свободного разговора о литературе и чтении вызывает наибольший отклик. Интернет для детско-юношеской аудитории стал главным советчиком по выбору литературы для чтения, коммуникационной площадкой для читательского самовыражения и литературного творчества и в то же время безграничным пространством для выражения собственной субъектности. Он выступает в качестве средства коммуникации, информации, территории самопрезентации и инструмента поиска единомышленников.

Таким образом, молодые люди в современных условиях демонстрируют социальные практики, требующие осмысления и разработки культурной политики по стимулированию их читательской активности с учетом реалий цифрового века. Путь к пониманию процессов, происходящих в этой социально-демографической среде, лежит через исследовательскую деятельность, и в этой сфере уже определились интересные, демонстрирующие свои подходы.

²⁵ Где найти книголюбов? Большой список онлайн и офлайн книжных клубов. URL: <https://blog.mann-ivanov-ferber.ru/2021/09/13/gde-najti-knigolyubov-bolshoj-spisok-onlajn-i-oflajn-knizhnyx-klubov/> litclub (дата обращения: 18.11.2024).

²⁶ Читательский онлайн-клуб для детей и подростков. URL: <https://showandtell.ru/litclub> (дата обращения: 18.11.2024).

Наиболее активно в этом направлении действуют представители книжного бизнеса. «ЭКСМО» и «ЛитРес» изучают читательские практики с использованием технологий Big data; это позволяет избежать ошибок при формировании издательского портфеля и выявить наиболее результативные маркетинговые приемы продвижения книжной продукции. Так, «ЭКСМО» регулярно заказывает в «РосИндекс» исследования, направленные на выявление цифр по объему аудитории, читательскому поведению и портретам. Изучается, как аудитория относится к определенному бренду, как при необходимости провести ребрендинг той или иной продукции. Разрабатываются приемы склонения клиента к покупке конкретной книги, методы привлечения внимания к этому специфическому товару целевой аудитории²⁷.

Генеральный директор ЛитРес С. Анурьев сообщил, что сервисом на постоянной основе изучаются определенные действия читателя в интернет-пространстве с книгами: покупка, оценка, просмотр, дочитывание и пр. На основе полученных данных учитываются потребности множества аудиторий, присутствующих на различных интернет-ресурсах, анализируются их читательские предпочтения, интересующие темы, что позволяет сформировать наиболее результативный для каждой сети контент рекомендательного характера. В этом контенте активно используются элементы юмористического содержания: шутки, мемы и пр. [24]. Проводит изучение читательских практик в интернете и фонд Brand Analytics [4].

К сожалению, библиотеки, школы и иные некоммерческие организации и учреждения не располагают возможностями для использования подобных исследовательских технологий и маркетинговых приемов. Однако и традиционное наблюдение над процессами, происходящими в интернет-пространстве, «ручной» анализ значимого контента может дать немало полезного эмпирического материала. Точечные филологические изыскания в технике «скрупулос» также дают бесценные результаты. Для специалистов сферы чтения интернет-пространство должно

стать важнейшим источником сведений о читательских практиках современной молодежи, результативных формах развития взаимодействия с ней в реальном и виртуальном мирах. Здесь содержится немало ценных подсказок о наиболее «работающих» стратегиях стимулирования читательской активности детско-юношеской аудитории на основе выявления глубинных мотивов присутствия на различных ресурсах, значимых для этой категории читателей рекомендующих признаках.

Заключение

Изложенное убеждает, что переживаемая человечеством электронная революция в сфере чтения создала ситуацию, не имеющую исторических аналогов. Никогда еще поколения не были так разобщены и, кроме того, институты инфраструктуры чтения столкнулись с принципиально новыми практиками читательской деятельности, что требует существенного пересмотра усилий, направленных на стимулирование читательской деятельности молодежи, на основе дифференцированного подхода к бесконечному разнообразию субкультур и интерпретативных сообществ.

Однако здесь встает вопрос о ресурсности и компетентности соответствующих, в частности библиотечных специалистов, их умении говорить с молодыми людьми на понятном для них языке и о том, что их действительно интересует. Речь идет о субъект-субъектном взаимодействии, которое требует осмысления идеологии культурного посредничества, предполагающей ненасильственное подталкивание человека на один из благоприятных для него путей развития, содействие самореализации и наиболее полному раскрытию позитивного, созидательного потенциала личности с полным уважением ее права на траекторию индивидуального читательского развития.

Здесь возникает множество вопросов: как реагировать на сетевые читательские практики поколений «зет» и «альфа», каковы границы возможного вмешательства? По каким признакам можно дифференцировать детско-юношескую аудиторию, чтобы выстроить адекватное взаимодействие с каждой из категорий читателей? Какая лексика наиболее адекватна

²⁷ Дебренцева А. Как взлетают «книги-ракеты». URL: <https://texterra.ru/blog/knigi-rakety-labkovskiy-i-chem-prodazhi-na-wildberries-otlichayutsya-ot-prodazh-na-ozon.html> (дата обращения: 05.04.2024).

в общении с молодыми людьми, как найти с ними общий язык, не опускаясь до назидания, потакания, мелкотемья и сниженных норм речевого общения? Как возвысить потребности молодых людей, а не приспособиться к низкой культуре? Способствовать саморазвитию и самореализации молодых людей, не вызывая при этом у них протеста? По каким критериям оценивать успешность своего взаимодействия с этой категорией читателей? Что нужно сделать для того, чтобы вмешательство педагогов, библиотекарей и других коммерчески незаинтересованных специалистов в сетевые читательские практики было желанным и результативным?

Решение обозначенных вопросов позволит преодолеть барьеры непонимания меж-

ду поколениями; путь, пройденный человечеством, показал, что без преемственности культурного опыта, диалога представителей различных миров гармоническое развитие общества невозможно. Тем более, что вопросы воспитания патриотизма, гражданственности, нравственности, трудолюбия, встали перед страной со всей остротой, и на всем протяжении человеческой истории в этом огромную роль играли книга и чтение. Возможно, популярные в молодежной среде сетевые ресурсы и их наиболее результативные акторы – как «умные взрослые», так и сверстники, как раз и помогут найти на ответы на обозначенный круг вопросов. И тогда, возможно, «праздник непослушания» превратится в «праздник сотворчества».

Список литературы

1. Аскарова, В. Я. Чтение молодежи в век цифровых технологий: отражение универсальных смыслов в региональном исследовании : коллективная монография / В. Я. Аскарова, Н. Л. Зыховская, Д. М. Хафизов. — Челябинск : Биб-ка Александра Миллера, 2022. — 219 с.
2. Белозерова, Л. А. Трансформация когнитивной сферы детей «цифрового поколения»: опыт анализа / Л. А. Белозерова, С. Д. Поляков // Известия Саратовского университета. Серия: Акмеология образования. Психология развития. — 2021. — Т. 10. Вып. 1 (37). — С. 23–32.
3. Блюм, А. В. За кулисами «министерства правды»: тайная история советской цензуры, 1917–1929 / А. В. Блюм. — Санкт-Петербург : Акад. проект : Абрис, 1994. — 319 с.
4. Brand Analytics о подкастах в России: популярные платформы, тематики и аудиоблоги // Cossa.ru : сайт. — URL: <https://www.cossa.ru/news/244341/> (дата обращения: 05.04.2024).
5. Бородин, В. А. Культура чтения в контексте матетики Я. А. Коменского / В. А. Бородин // Вестник СПбГИК. — 2023. — № 4 (57). — С. 136–144.
6. Бэкон, Ф. О достоинстве и приумножении наук / Ф. Бэкон // DrevLit.ru : библиотека древних рукописей : сайт. — URL: https://drevlit.ru/texts/b/b_bekon_o_dost.php (дата обращения: 16.11.2024).
7. Войскунский, А. Е. Интернет как пространство познания: психологические аспекты применения гипертекстовых структур / А. Е. Войскунский // Современная зарубежная психология. — 2017. — Т. 6, № 4. — С. 7–20.
8. Восемь и больше способов привлечения «зумеров» к книгам // Университетская книга. — 2021. — № 5. — С. 81.
9. Галактионова, Т. Г. Технология приобщения к чтению с помощью инструмента фанфикшн: замысел и теоретические основания использования / Т. Г. Галактионова, Ю. Л. Мокшина // Научное мнение. — 2017. — № 2. — С. 81–88.
10. Истомин, К. Букварь / К. Истомин. — Москва, 1684. — 42 л.
11. Кургузова, Н. В. «Я — типичный фикрайтер»: фанфикшн как форма игровой деятельности современных школьников / Н. В. Кургузова, М. А. Федочук // Славянская традиционная культура и современный мир. Вып. 18: Детская культура и фольклор в социокультурном пространстве России. — Ульяновск, 2020. — С. 236–244.

12. Локк, Дж. Мысли о воспитании. Что читать и изучать // Дж Локк. Сочинения : в 3 т. Т. 3. — Москва : Мысль, 1988. — С. 407–614.
13. Маршак, С. Я. Мир в картинках // С. Я. Маршак. Собрание сочинений : в 8 т. Т. 7. — Москва, 1971. — С. 274–512.
14. Мид, М. Культура и мир детства / М. Мид. — Москва : Наука, 1988. — 431 с.
15. Мокшина, Ю. Л. Онлайн-пространство фандома как форма читательского общения современных школьников / Ю. Л. Мокшина // Филологические науки. Вопросы теории и практики — 2017. — № 3 (69). — С. 204–207.
16. Монтень, М. О книгах / М. Монтень // Опыты : в 3 кн. Кн. 2. — Москва ; Ленинград : Изд-во АН СССР, 1960. — 652 с.
17. Новиков, Н. И. О воспитании и наставлении детей // Новиков Н. И. Избранные произведения. — Москва ; Ленинград : Гос. изд-во худож. лит., 1951. — С. 417–506.
18. Носкова, Н. В. Духовно-нравственные традиции в философско-педагогическом наследии второй половины XIX века / Н. В. Носкова // Проблемы современного педагогического образования. — 2018. — С. 299–302.
19. Ожиганова, Е. М. Теория поколений Хоума и Штрауса. Возможности ее применения / Е. М. Ожиганова // Бизнес-образование в экономике знаний. — 2015. — № 1. — С. 94–97.
20. Поколение Z: медиапотребление, самореализация, креативность // Университетская книга. — 2021. — № 2. — С. 56–61.
21. Прокопович, Ф. Первое учение отрокам в немже буквы и слоги / Ф. Прокопович. — Санкт-Петербург : Тип. при Синоде, 1764. — 73 л.
22. Российская азбука для обучения юношества чтению : напечатанная для общественных школ по высочайшему повелению. — Санкт-Петербург : При Имп. Акад. наук, 1782. — 101 с.
23. Рубакин, Н. А. Этюды о русской читающей публике // Избранное: в 2 т. Т. I. / Н. А. Рубакин. — Москва, 1975. — С. 35–106.
24. Сергей Анурьев: «Мы постоянно исследуем пользовательские предпочтения, совершенствуем продукт и сервисы» // Университетская книга : сайт. — URL : <http://www.unkniga.ru/face/12433-sergey-anuriev-my-postoyanno-issleduem-polzovatelskie-predpochteniya-sovershenstvuem-produkt-i-servisy.html> (дата обращения: 05.04.2024).
25. Солина, А. В. Фанфикшн как инструмент исследования читательских предпочтений молодежи / А. В. Солина // Социолог и психолог в библиотеке : сб. статей и материалов. — Вып. XII. — Москва : Рос. госуд. д. биб-ка для молодежи, 2021. — С. 87–92.
26. Тиманова, О. И. Отечественная детская и «сказочная» книга XVII века : аспекты взаимодействия / О. И. Тиманова // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. — 2011. — С. 72–77.
27. Черепнева, Л. М. Эволюция детской литературы на примере изданий для детей XVII — начала XVIII вв. / Л. М. Черепнева // Разнообразие ракурсов: детская и юношеская журналистика и литература. — Москва : Фак. журналистики МГУ, 2020. — 179 с.
28. Юности честное зерцало или Показание к житейскому обхождению. — Санкт-Петербург, 1717. — 62 с. — URL: <https://azbyka.ru/otechnik/6/yunosti-chestnoe-zertsalo-ili-pokazanie-k-zhitejskomu-obhozhdeniyu/> (дата обращения: 10.11.2024).
29. Яцушкина, Л. С. Книжный блог как источник сведений о чтении и читателях / Л. С. Яцушкина // Социолог и психолог в библиотеке. Вып. XII. — Москва : Рос. госуд. библиот. для молодежи, 2021. — С. 74–82.
30. McCrindle, M. Four distinctives of Generation Alpha / M. McCrindle. — URL: <https://mccrindle.com.au/article/topic/generation-alpha/four-distinctives-of-generation-alpha/> (дата обращения: 10.11.2024).

31. Rothman, D. A. Tsunami of Learners Galled Generation Z / D. A. Rothman. — URL: https://mdle.net/Journal/A_Tsunami_of_Learners_Called_Generation_Z.pdf (дата обращения: 10.11.2024).

Получено 02.12.2024

Violetta Ya. Askarova

Doctor of Philological Sciences

*Professor of the Library-Information
Activity Chair*

*Chelyabinsk State Institute
of Culture and Arts, Chelyabinsk, Russia*

E-mail: viovita@yandex.ru

Natalya L. Zykhovskaya

*Doctor of Philological Sciences,
professor of the Russian language
and literature Chair*

*South Ural State University
(national research university),
Chelyabinsk, Russia*

E-mail: zykhovskaianl@susu.ru

Vladimir Ya. Rushanin

Doctor of Historical Sciences

*Professor of the History
and Museology Chair*

*Chelyabinsk State Institute of Culture
and Arts, Chelyabinsk, Russia*

E-mail: rushanin@chgaki.r

**Reading as a Tool of Education and Self-Education:
from Edification to “A Celebration of Disobedience”**

The given article considers relationships between the worlds of adults and children in the sphere of reading in the dynamic of social-cultural process: from the Ancient East civilizations to the present days. These relationships are determined by the dominant type of culture, by the certain historical juncture, by the system of particular images and importance of reading for education, cognition, formation of morality and valuables of the younger generation. The authors have thoroughly studied the present situation characterized by the emancipation of children's and youth readers category from the world of adults and from the reading infrastructure institutions; this situation is defined by the Internet orientation, by active participation in different forms of network communication regarding book and reading. The article has also justified the need of regular monitoring of online reading practice of children and youth which allows to harmonize interactions of generations to bring the strategies and practices of the reading infrastructure institutions activity into line with digital age realities.

Keywords: reading, younger generation, postfiguration, co-figurativeness, pre-figuration, Zet, alpha, reading infrastructure institutions, network space, content of goals and reading, stimulating reader activity

For citing: Askarova V. Ya., Zykhevskaya N. L., Rushanin V. Ya. 2024. Reading as a Tool of Education and Self-Education: from Edification to “A Celebration of Disobedience”. *Vestnik kultury i iskusstv [Culture and Arts Herald]*. No 4 (80): 7–25. (In Russ.).

References

1. Askarova V. Ya., Zykhevskaya N. L., Khafizov D. M. 2022. Chtenie molodezhi v vek tsifrovyykh tekhnologii: otrazhenie universal'nykh smyslov v regional'nom issledovanii [Reading of young people in the digital age: reflection of universal meanings in a regional study]. Chelyabinsk. 219 p. (In Russ.).
2. Belozero L. A., Polyakov S. D. 2021. Transformation of the cognitive sphere of children of the “digital generation”: an analysis experience. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Seriya: Akmeologiya obrazovaniya. Psikhologiya razvitiya [Bulletin of the Saratov University. Series: Acmeology of education. Developmental psychology]*. Vol. 10, No 1 (37): 23–32. (In Russ.).
3. Blum A. V. 1994. Za kulisami «ministerstva pravdy»: tainaya istoriya sovetskoi tsenzury, 1917–1929 [Blum, A.V. Behind the Scenes of the “Ministry of Truth”: the secret History of Soviet Censorship, 1917–1929]. St. Petersburg. 319 p. (In Russ.).
4. Brand Analytics o podkastakh v Rossii: populyarnye platformy, tematiki i audioblogi [Brand Analytics on podcasts in Russia: popular platforms, topics and audio blogs]. Available from: <https://www.cossa.ru/news/244341> (accessed: 05.04.2024). (In Russ.).
5. Borodina V. A. 2023. Reading culture in the context of Ya. A. Komensky's Mathematics. *Vestnik SPbGIIK [Bulletin of St. Petersburg State Institute of Culture]*. No 4 (57): 136–144. (In Russ.).
6. Bacon F. O dostoinstve i priumnozhenii nauk [On the dignity and increase of sciences]. Available from: https://drevlit.ru/texts/b/b_bekon_o_dost.php (accessed: 16.11.2024). (In Russ.).
7. Voyskunnyy A. E. 2017. The Internet as a space of knowledge: psychological aspects of the use of hypertext structures. *Sovremennaya zarubezhnaya psikhologiya [Modern foreign psychology]*. Vol. 6, No 4: 7–20. (In Russ.).
8. Eight and more ways to attract “zoomers” to books. 2021. *Universitetskaya kniga [University book]*. No 5: 81. (In Russ.).
9. Galaktionova T. G., Mokshina Yu. L. 2017. Technology of introduction to reading with the help of the fanfiction tool: the idea and theoretical grounds for use. *Nauchnoe mnenie [Scientific opinion]*. No 2: 81–88. (In Russ.).
10. Istomin K. 1684. Bukvar [Primer]. Moscow. 42 p. (In Russ.).
11. Kurguzova N. V., Fedochuk M. A. 2020. “I am a typical fan writer”: fan fiction as a form of play activity for modern schoolchildren [Slavic traditional culture and the modern world. Issue 18: Children's culture and folklore in the socio-cultural space of Russia]. Ulyanovsk. Pp. 236–244. (In Russ.).
12. Locke J. 1988. Thoughts on education. What to read and study. *Sochineniya [Works]*. Vol. 3. Moscow. Pp. 407–614. (In Russ.).
13. Marshak S. Ya. 1971. The World in Pictures. *Sobraniye sochinenij [Collected Works]*. Vol. 7. Moscow. Pp. 274–512. (In Russ.).
14. Mead M. 1988. Kul'tura i mir detstva [The Culture and World of Childhood]. Moscow. 431 p. (In Russ.).
15. Mokshina Yu. L. 2017. Online Space of Fandom as a Form of Reader Communication of Modern Schoolchildren. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki [Philological Sciences. Theory and Practice]*. No 3 (69): 204–207. (In Russ.).
16. Montaigne M. 1960. About Books. *Opyty. [Experiments]*. Book 3. Moscow, Leningrad. 652 p. (In Russ.).
17. Novikov N. I. 1951. On the upbringing and guidance of children. *Izbrannye proizvedeniya [Selected works]*. Moscow, Leningrad. Pp. 417–506. (In Russ.).
18. Noskova N. V. 2018. Spiritual and moral traditions in the philosophical and pedagogical heritage of the second half of the 19th century. *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya [Problems of modern pedagogical education]*. Pp. 299–302. (In Russ.).

19. Ozhiganova E. M. 2015. The theory of generations of Home and Strauss. Possibilities of its application. *Biznes-obrazovanie v ekonomike znaniy [Business education in the knowledge economy]*. No 1: 94–97. (In Russ.).
20. Generation Z: Media Consumption, Self-Realization, Creativity. 2021. *Universitetskaya kniga [University Book]*. No 2: 56–61. (In Russ.).
21. Prokopovich F. 1764. *Pervoe uchenie otrokam v nemzhe bukvy i slogi [The First Teaching to the Youths in Which Letters and Syllables]*. St. Petersburg. 73 p. (In Russ.).
22. Rossiiskaya azbuka dlya obucheniya yunoshchestva chteniyu [Russian ABC for Teaching Youth to Read]. 1782. St. Petersburg. 101 p. (In Russ.).
23. Rubakin N. A. 1975. Etudes on the Russian Reading Public. *Izbrannoe [Selected]*. Vol. 1. Moscow. Pp. 35–106. (In Russ.).
24. Sergei Anur'ev: «My postoyanno issleduem pol'zovatel'skie predpochteniya, sovershenstvuem produkt i servisy [Sergey Anuryev: "We are constantly researching user preferences, improving the product and services"]». Available from: <http://www.unkniga.ru/face/12433-sergey-anuriev-my-pos-toyanno-issleduem-polzovatel'skie-predpochteniya-sovershenstvuem-produkt-i-servisy.html> (accessed: 05.04.2024). (In Russ.).
25. Solina A. V. 2021. Fanfiction as a tool for studying the reading preferences of young people. *Sotsiolog i psikholog v biblioteke [Sociologist and psychologist in the library: collection of articles and materials]*. Iss. XII. Moscow. Pp. 87–92. (In Russ.).
26. Timanova O. I. 2011. Domestic children's and "fairy-tale" books of the 17th century: aspects of interaction. *Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta [Bulletin of the Surgut State Pedagogical University]*. Pp. 72–77. (In Russ.).
27. Cherepneva L. M. 2020. Evolution of children's literature on the example of publications for children of the 17th — early 18th centuries. *Raznoobrazie rakursov: detskaya i yunosheskaya zhurnalistika i literatura [Diversity of angles: children's and youth journalism and literature]*. Moscow. 179 p. (In Russ.).
28. *Honest Mirror of Youth, or Indication for Everyday Life*. 1717. St. Petersburg. 62 p. Available from: <https://azbyka.ru/otechnik/6/yunosti-chestnoe-zertsalo-ili-pokazanie-k-zhitejskomu-obhozhdeniyu/> (accessed: 10.11.2024). (In Russ.).
29. Yatsushkina L. S. 2021. Book blog as a source of information about reading and readers. *Sotsiolog i psikholog v biblioteke [Sociologist and psychologist in the library]*. Iss. XII. Moscow. Pp. 74–82. (In Russ.).
30. McCrindle Mark Four distinctives of Generation Alpha. Available from: <https://mccrindle.com.au/article/topic/generation-alpha/four-distinctives-of-generation-alpha> (accessed: 10.11.2024).}
31. Rothman D. A. Tsunami of Learners Called Generation Z. Available from: https://mdle.net/Journal/A_Tsunami_of_Learners_Called_Generation_Z.pdf (accessed: 10.11.2024).

Received 02.12.2024

Анна Сергеевна Быкова

*соискатель ученой степени
кандидата культурологии*

*заведующая отделением
библиотечного клуба*

*Фундаментальная библиотека
Военно-медицинской академии
им. С. М. Кирова*

*Министерства обороны
Российской Федерации,
Санкт-Петербург, Россия*

E-mail: rickystanf@gmail.com

НАСТАВНИЧЕСТВО В ЗАРУБЕЖНЫХ БИБЛИОТЕКАХ

В последнее время тема наставничества поднимается все чаще, однако, несмотря на возросший к ней интерес и повсеместную распространенность наставничества в библиотечных трудовых коллективах, с научной точки зрения оно освещается редко, особенно на русском языке. С помощью доступных публикаций на английском языке изучен опыт организации наставничества в библиотеках университетов Нигерии и Соединенных Штатов Америки. Выделены черты, характерные для наставничества в разных странах, определено, какое значение ему придают зарубежные коллеги. Описаны кейсы организации и оптимизации наставничества в конкретных библиотеках. Подчеркнута важность наставничества и его положительное влияние на сплочение библиотечного коллектива.

Ключевые слова: *библиотечное наставничество, трудовая адаптация, библиотеки университетов, Соединенные Штаты Америки, Нигерия*

Для цитирования: *Быкова, А. С. Наставничество в зарубежных библиотеках / А. С. Быкова // Вестник культуры и искусств. — 2024. — № 4 (80). — С. 26–32.*

Введение

Важность наставничества, включающего в себя передачу знаний, умений и навыков от более опытного сотрудника менее опытному, становится все очевиднее в современной России. В 2018 г. В. В. Путин инициировал создание системы мотивации наставников и учредил знак отличия «За наставничество», 2023 г. был объявлен в России Годом педагога и наставника.

В трудовых коллективах библиотек явление наставничества довольно распространено. Оно чаще всего встречается в неформальном виде, то есть никак не закреплено документально, хотя отмечаются и обратные случаи [3; 4]. Российская государственная библиотека для молодежи активно занимается продвижением наставничества в библиотечную среду,

проводя цикл вебинаров [1]. Вместе в тем пока отсутствует необходимое теоретическое и организационно-методическое обеспечение осуществления библиотечного наставничества как системы. Его практики развиваются в основном ситуационно, эмпирически, например, нами не было выявлено ни одного случая официального наставничества в библиотеках вузов. Это побуждает в том числе обратиться к опыту иностранных коллег, выявить и оценить их полезные начинания, что является целью данной статьи.

Зарубежный опыт требует обстоятельного изучения, что показывают даже его отдельные примеры, в частности, в США и Нигерии. Обе страны выбраны как крайние противоположности в социально-экономическом, социально-культурном отношениях, что тем

более показательно. Сравнение противоположностей — диалектический метод, позволяющий более глубоко выявлять и оценивать определенные свойства объектов. Для сравнения имеется большая источниковая база, однако мы выбрали исследовательский способ временного среза, т. е. наблюдения в отдельном периоде определенного сегмента библиотек, чтобы выделить его самые актуальные векторы развития и в дальнейшем скорректировать методику его более глубокого его изучения. Публикации для анализа отбирались по следующим критериям: английский язык публикации; период — 2000-е гг., представление опыта коллективов университетских библиотек; описание разных вариантов внедрения или осуществления сложившегося наставничества. Поиск проводился преимущественно в открытой социальной сети для ученых academia.edu, также изучались источники по ссылкам в найденных статьях.

Библиотечное наставничество в Нигерии

Нигерия — страна «третьего мира» с соответствующими характеристиками, но при этом с самой крупной экономикой и самым большим количеством студентов и выпускников университетов в Африке [2]. Вместе с тем здесь сильное библиотечное сообщество, есть Нигерийская библиотечная ассоциация (НБА). Большая часть исследователей изучают библиотечное наставничество на базе университетских библиотек [8; 14]. Судя по их публикациям, наиболее популярная модель наставничества в этих библиотеках — традиционное наставничество опытного и компетентного сотрудника по отношению к менее опытному. Самый непопулярный и редкий вид наставничества — партнерское, наставничество между двумя равными. Активно практикуется и виртуальное наставничество с профессионалами из других библиотек, например, через онлайн-форум НБА. Интересно и ролевое наставничество, популярное среди молодых специалистов: они выбирают среди опытных коллег того, на кого хотелось бы походить в профессиональном плане, и стараются дотянуться до его уровня, развивают схожие навыки и личностные качества.

Нигерийские библиотекари весьма ценят наставничество, отмечая, что оно помогает наладить командную работу в библиотеке; улучшить атмосферу в коллективе, наладить доверительные отношения между коллегами, в том числе между их разными поколениями; обеспечивает преемственность; создает в коллективе культуру обучения, стимулирующую всех саморазвиваться; ускоряет карьерный рост; помогает адаптировать новых сотрудников; повышает уровень удовлетворенности своей работой и даже продлевает жизнь библиотекарей.

Отметим, что в Нигерии исследуется не только наставничество в библиотеках, но и наставничество в отдельных направлениях их деятельности, например, наставничество по улучшению научного мастерства библиотекарей [14], поскольку нигерийские библиотекари публикуются меньше, чем специалисты из других гуманитарных сфер. Одна из причин — отсутствие наставников из более опытных исследователей [7]. Потому наставничество для улучшения исследовательской компетентности подопечных — важное направление для библиотечной науки этой страны. В рамках таких отношений подопечные ожидают, что наставник поможет им с выбором предмета исследования, выбором вида/формата публикаций, установлением их графика. Еще среди ожиданий — обзор и полезная критика наставниками черновиков, объяснение правил подачи публикаций, выбор подходящего журнала для подачи статьи.

Другой вид специализированного наставничества, выявленный в Нигерии — наставничество среди каталогизаторов [8]. Специальные программы наставничества для отделов каталогизации уже давно существуют в большом количестве университетских библиотек. Оценивая эти программы, большая часть участников заключила, что они дают возможность каталогизаторам совершенствовать свои навыки, облегчают выполнение сложных задач и обеспечивают единообразие в работе, помогают наставникам стать видимыми и уважаемыми в коллективе. Отмечается особая важность данного наставничества, поскольку в процессе обучения студенты не получают достаточно

навыков по каталогизации и систематизации, осваивая их уже на рабочем месте, для чего и требуются наставники.

Библиотечное наставничество в Америке

В университетских библиотеках Америки наставничество официально существует уже очень давно. При этом большое количество ставок в университетах Америки не штатные, а контрактные. По истечении контракта специалист должен искать себе другую работу или повторно подавать заявку на должность, доказывая, что соответствует своим притязаниям. Подача заявки — не простая формальность, продление контракта можно и не получить, в силу чего наставничество становится весьма насущным вопросом. Быть подопечным — значит профессионально развиваться, получать новые знания, умения, навыки, подниматься по карьерной лестнице. Быть наставником — также возможность карьерного роста и возможность заработать уважение коллектива и руководства университета и, главное, украсить свою профессиональную биографию.

В американской библиотечной среде популярно так называемое внешнее наставничество, как виртуальное, так и обычное. В США много библиотечных ассоциаций, предлагающих программы наставничества. Американская библиотечная ассоциация имеет свою программу [5]. Такие программы имеют и региональные ассоциации, и ассоциации различных штатов, ассоциации отдельных видов библиотек, например, Ассоциация медицинских библиотек [15], Американская ассоциация юридических библиотек [6]. Есть узконаправленные программы, например, для специалистов, работающих с редкими книгами и рукописями [11]. В ассоциациях существуют специальные программы наставничества, направленные на поддержку этнических меньшинств или на подготовку этих категорий библиотекарей для занятия руководящих должностей.

Возвращаясь к наставничеству на рабочем месте, можно сказать, насколько оно распространено в библиотеках. В 2015 г. проводился опрос, охвативший преимущественно университетские и общедоступные библиотеки и не-

большое количество школьных и специальных библиотек [13]. Согласно нему, 23% библиотек имеют официальную программу наставничества, однако в большинстве случаев, когда ее нет, неформальное наставничество все-таки существует. Спрос на наставничество ощутимо превышает предложение — согласно исследованию 2014 г. 75% библиотекарей, начинающих карьеру в университетских библиотеках США, считают наставничество важным для профессионального роста и ожидают, что оно будет предлагаться на их будущих местах работы [10].

Еще одна характерная черта американского дискурса о библиотечном наставничестве — сравнение эффективности формального и неформального наставничества [11-13]. Неформальное наставничество хвалят за естественные отношения, сложившиеся сами собой по желанию сторон, и добровольность, как важный компонент для успешного наставничества. Однако сторонников формального наставничества больше. Они утверждают, что отношения наставничества сами собой могут и не сложиться, и в таком случае новый сотрудник должен заботиться о себе сам.

Приводится также следующий аргумент: сам подопечный выберет себе наставника, скорее всего, похожего на себя, а полезнее для развития — различия в опыте и личностных качествах наставника и подопечного [11].

Также в статьях встречаются подробные описания создания и введения официальных программ наставничества в конкретных библиотеках, например, в библиотеке Государственного университета Луизиана [12]. Программа была запущена еще в 1998 г. Для руководства программой был создан Комитет по наставничеству, в который входили два штатных библиотекаря со стажем и один стажер — потенциальный подопечный. Это было сделано для того, чтобы руководством программы занимались обе вовлеченные в нее группы библиотекарей.

Программа началась с семинара, который проводил приглашенный внешний эксперт. В течение года были запланированы как общие встречи для всех участников программы, так и отдельные встречи для всех наставников

или всех подопечных. На них предполагалось обсуждать прогресс программы, отдельных сотрудников, возникающие вопросы. В начале наставничества каждая диада «наставник-подопечный» должна была встретиться и поставить себе цели на год, а в течение года должно было произойти не менее девяти встреч. По результатам наставничества подопечные должны были составить краткие отчеты, способные помочь затем скорректировать программу. Также у участников была опция запросить смену наставника или подопечного, если что-то пошло не так.

Несмотря на первоначальную негативную реакцию, в течение пилотного года оценка программы наставничества становилась все более позитивной, что было понятно по общим встречам и отчетам в конце года. Была вынесена на обсуждение серьезная проблема — новые библиотекари получают наставника только через несколько месяцев после начала работы и не могут выбрать его себе в силу того, что не знакомы со всеми, а нуждаются в помощи по обычным бытовым и организационным вопросам. По результатам дискуссии было введено партнерское наставничество — первые три месяца наставником нового сотрудника назначается библиотекарь, способный помочь с самыми простыми вопросами, ввести в коллектив, а заодно познакомиться со всеми потенциальными наставниками.

Другой интересный опыт принадлежит библиотеке Университета штата Канзас [9]. Официальная программа наставничества существовала там уже 20 лет, пока не было выявлено, что она не вполне эффективна. Некоторые диады наставников и подопечных функционировали продуктивно. В других случаях из-за нехватки времени или из-за нежелания сторон участвовать в наставничестве результатом было только разочарование его участников. Тогда Комиссия по профессиональному развитию университета пересмотрела программу наставничества, введя следующие подходы: наставники должны быть добровольцами, наставничество должно включать в себя групповые мероприятия, члены диады не должны быть из одного отдела, оценка и корректировка программы должны проводиться регулярно. Ранее программа была нацелена на достижение

подопечными какой-либо должности, теперь она направлялась на всестороннее профессиональное развитие подопечного. Также была введена возможность смены наставника или подопечного без каких-либо санкций.

В результате этого несколько наставников отказались участвовать в новой программе. Сложившиеся диады оставили неизменными, но рекомендовали им использовать новые подходы. Ежеквартально проводились отдельные встречи для групп наставников и групп подопечных для получения обратной связи, и коррекции программы. Из-за дальнейших кадровых изменений и утвержденного в программе решения, что у одного наставника не может быть больше двух подопечных, вскоре наставников стало не хватать. Тогда в библиотеке ввели групповое наставничество — один наставник работал с небольшой группой подопечных, что оказалось очень успешным. У новых подопечных появилась возможность общаться друг с другом. После группового наставничества подопечным были назначены индивидуальные наставники, что очень скоро стало возможным, так как уже большее количество специалистов вызвалось стать наставниками.

Выводы

Познакомившись выборочно с опытом зарубежных коллег, можно отметить, что наставничество в трудовых библиотечных коллективах достаточно распространено — в большинстве случаев встречается хотя бы в четверти библиотек. Речь идет не только о неформальном наставничестве, но и об официальных программах наставничества, внедренных в деятельность библиотеки или системы библиотек. В разных странах есть свои особенности реализации наставничества, однако весь этот опыт сходится в одном — наставничество крайне полезно для развития библиотечных специалистов и библиотек в целом и, правильно организованное, оно дает только положительные результаты.

Проведенное локальное срезное исследование, несмотря на его ограниченность, позволило выявить тот ценный опыт, который может быть адаптирован или полностью использован в отечественной практике, как в библиотеках вузов, так и в других

заинтересованных библиотеках. На наш взгляд, возможно внедрение внешнего наставничества — как виртуального, так и обычного. Опыт коллег Нигерии и США показывает, что такая практика помогает специалистам расти, заводить профессиональные связи и развивать компетенции. Чаще всего наставничество организуют библиотечные ассоциации, но оно под силу и крупным библиотекам. Также зарубежные исследователи почти единодушны в том, насколько важно официально оформленное наставничество, что подтверждает вер-

ность взятого в российских библиотеках курса на закрепление наставничества в локальных нормативных актах.

Учитывая формирующиеся тренды государственной политики России в сфере наставничества, библиотечному сообществу необходимо обратить внимание на эту важную область формирования, сохранения и межпоколенческой передачи профессиональных ценностей, обмена знаниями и социальным опытом как на стратегический инструмент управления будущим библиотечной отрасли.

Список литературы

1. Вебинар «Наставничество в библиотеке: подводим итоги Года педагога и наставника» // Российская государственная библиотека для молодежи : сайт. — URL: https://rgub.ru/professional/item.php?new_id=34905 (дата обращения: 10.04.2024).
2. Кананыхина, К. С. Становление и развитие научно-образовательного комплекса в Нигерии (1960–2007 гг.) : автореф. дис. ... канд. истор. наук / К. С. Кананыхина. — Москва, 2009. — 24 с.
3. Пирумова, Л. Н. Наставничество как способ адаптации сотрудников в библиотечной среде / Л. Н. Пирумова, Т. А. Сидоренко // Культура: теория и практика. — 2019. — № 2. — С. 19–22.
4. Положение о наставничестве МБУК «Централизованная библиотечная система» Мариинско-Посадского района. — Мариинский Посад, 2019. — 6 с.
5. ALA New Member Roundtable (NMRT) Mentoring program. — URL: <https://www.ala.org/nmrt/oversightgroups/comm/mentor/mentoringcommittee> (дата обращения: 12.10.2024).
6. American Association of Law Libraries (AALL) Mentoring Program. — URL: <https://www.aallnet.org/careers/mentor-program> (дата обращения: 12.10.2024).
7. Anunobi, C. Motivation and encumbrances to research and publication: the case of Nigerian library and information science (LIS) practitioners / C. Anunobi, N. Emerole // Educational Research and Review. — 2008. — No 3. — P. 66–72.
8. Bello, M. A. Mentoring in Libraries and Information Organization, the Catalogue Librarian Perspectives / M. A. Bello, Y. Mansor // Library Philosophy and Practice. — 2013. — URL: <https://digitalcommons.unl.edu/libphilprac/1007> (дата обращения: 12.10.2024).
9. Farmer, D. Revitalizing a Mentoring Program for Academic Librarians / D. Farmer, M. Stockham, A. Trussell // College & Research Libraries. — 2009. — № 1. — P. 8–25.
10. Farrell, B. Addressing Psychosocial Factors with Library Mentoring / B. Farrell, J. Alabi, P. Whaley, C. Jenda // Libraries and the Academy. — 2017. — Vol. 17, No 1. — P. 51–69.
11. Goldman, C. First-Year Library Mentorship Opportunities / C. Goldman // Urban Library Journal. — 2011. — No 1. — URL: <https://academicworks.cuny.edu/ulj/vol17/iss1/5/> (дата обращения: 12.10.2024).
12. Kuyper-Rushing, L. A Formal Mentoring Program in a University Library: Components of a Successful Experiment / L. Kuyper-Rushing // The Journal of Academic Librarianship. — 2001. — Vol. 27, No 6. — P. 440–446.
13. Leuzinger, J. Succession Planning Through Mentoring in the Library / J. Leuzinger, J. Rowe // Library Leadership and Management. — 2017. — No 31. — Pp. 1–22.

14. Tochukwu, V. N. Mentoring of young librarians in South East Nigeria for improved research and scholarly publications / V. N. Tochukwu, P. I. Chika, O. A. Chinedu // *Library Management*. — 2017. — No 38. — Pp. 455–476 (дата обращения: 12.10.2024).
15. Volunteer to Mentor Provisional Academy Members. — URL: <https://www.mlanet.org/volunteer-to-mentor-provisional-academy-members> (дата обращения: 12.10.2024).

Получено 24.10.2024

Anna S. Bykova

*Competitor of Scientific Degree of and
Candidate of Culturology*

Head of the Library Club Section

Fundamental Library of S. M. Kirov

Military-Medical Academy

of the Russian Federation

Defense Ministry, St. Petersburg, Russia

E-mail: rickystanf@gmail.com

Mentoring in Foreign Libraries

Recently the topic of mentoring has been raised more often. However, despite of the increased interest to it and ubiquitous popularity of mentoring among libraries staff from the scientific viewpoint it is not fully highlighted especially in Russian. Due to numerous accessible publications in English the experience of mentoring organization in the University libraries of Nigeria and USA has been studied. The researchers have revealed the characteristic features of mentoring in different countries and found out its significance given by foreign colleagues. The have described monitoring in certain libraries organization and optimization cases. The importance of monitoring and its positive influence on team building have been stressed.

Keywords: library monitoring, labor adaptation, University libraries, the United States of America, Nigeria

For citing: Bykova A. S. 2024. Mentoring in Foreign Libraries. *Vestnik kultury i iskusstv [Culture and Arts Herald]*. No 4 (80): 26–32. (In Russ.).

References

1. Webinar “The State in the Bible Library: let’s bring this year to an end”. *Rossiiskaya gosudarstvennaya biblioteka dlya molodezhi [Russian State Library for Youth]*. Available from: https://rgub.ru/professional/item.php?new_id=34905 (accessed: 04.10.2024). (In Russ.).
2. Kananykhina K. S. 2009. Stanovlenie i razvitie nauchno-obrazovatel’nogo kompleksa v Nigerii (1960–2007 gg.) [Formation and development of the scientific and educational complex in Nigeria (1960–2007)]. Abstract of thesis. Moscow. 24 p. (In Russ.).
3. Pirumov L. N., Sidorenko T. A. 2019. Mentoring as a way to adapt employees in the library environment. *Kul’tura: teoriya i praktika [Culture: theory and practice]*. No 2: 19–22. (In Russ.).
4. The regulations on mentoring MBUK “Centralized library system” of the Mariinsko-Posadsky district. 2019. Mariinsky Posad. 6 p. (In Russ.).
5. ALA New Member Roundtable (NMRT) Mentoring program. Available from: <https://www.ala.org/nmrt/oversightgroups/comm/mentor/mentoringcommittee> (accessed: 12.10.2024).
6. American Association of Law Libraries (AALL) Mentoring Program. Available at: <https://www.aallnet.org/careers/mentor-program> (accessed: 12.10.2024).
7. Anunobi C., Emerole N. 2008. Motivation and encumbrances to research and publication: the case of Nigerian library and information science (LIS) practitioners. *Educational Research and Review*.

No 3: 66–72.

8. Bello M. A., Mansor Y. 2013. Mentoring in Libraries and Information Organization, the Catalogue Librarian Perspectives. *Library Philosophy and Practice*. Available from: <https://digitalcommons.unl.edu/libphilprac/1007> (accessed: 12.10.2024).
9. Farmer D., Stockham M., Trussell A. 2009. Revitalizing a Mentoring Program for Academic Librarians. *College & Research Libraries*. No 1: 8–25.
10. Farrell B., Alabi J., Whaley P., Jenda C. 2017. Addressing Psychosocial Factors with Library Mentoring. *Libraries and the Academy*. Vol. 17, No 1: 51–69.
11. Goldman C. 2011. First-Year Library Mentorship Opportunities. *Urban Library Journal*. No 1. Available from: <https://academicworks.cuny.edu/ulj/vol17/iss1/5> (accessed: 12.10.2024).
12. Kuyper-Rushing L. 2001. A Formal Mentoring Program in a University Library: Components of a Successful Experiment. *The Journal of Academic Librarianship*. Vol. 27, No 6: 440–446.
13. Leuzinger J., Rowe J. 2017. Succession Planning Through Mentoring in the Library. *Library Leadership and Management*. No 31: 1–22.
14. Tochukwu V. N., Chika P. I., Chinedu O. A. 2017. Mentoring of young librarians in South East Nigeria for improved research and scholarly publications. *Library Management*. No 38: 455–476 (accessed: 12.10.2024).
15. Volunteer to Mentor Provisional Academy Members. Available from: <https://www.mlanet.org/volunteer-to-mentor-provisional-academy-members> (accessed: 12.10.2024).

Received 24.10.2024

Борис Данилович Шмыров

кандидат исторических наук

Челябинск, Россия

E-mail: borisdaniil_55@mail.ru

ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКАЯ БАЗА ИЗУЧЕНИЯ ГЕРМАНСКОГО КОНЦЕНТРАЦИОННОГО ЛАГЕРЯ «АУШВИЦ»

Информация о библиографии германского концентрационного лагеря «Аушвиц», действовавшего с июня 1940 по январь 1945 гг. рядом с городом Освенцим, Польша. Краткий анализ публикаций на русском языке различных жанров в газетах, журналах и книгах 1945–2022 гг. о событиях в КЛ «Аушвиц».

Ключевые слова: Аушвиц, Освенцим, Холокост, Шoa, советские военнопленные, узники, «окончательное решение еврейского вопроса», газовая камера, крематорий

Для цитирования: Шмыров, Б. Д. Источниковедческая база изучения германского концентрационного лагеря «Аушвиц» / Б. Д. Шмыров // Вестник культуры и искусств. — 2024. — № 4 (80). — С. 33–41.

К теме Второй мировой войны и системе уничтожения целых народов, выработанной национал-социалистами Германского рейха, исследователи будут возвращаться снова и снова. Становятся доступными ранее засекреченные документы, на разных языках выходят из печати воспоминания и свидетельства очевидцев того времени. Ученые и исследователи анализируют имеющиеся в их распоряжении материалы. Пришло время объединить разрозненные публикации, свести в единый реестр все, что позволит будущим поколениям самостоятельно разобраться и понять, от какой катастрофы спасли мир в 1945 г. Это первый кирпичик будущей стены Памяти, которую рано или поздно возведут равнодушные люди.

В статье автор на основе своего опыта работы по теме «Советские узники в германском концентрационном лагере Аушвиц» попытается рассказать об основных направлениях литературы, посвящённой истории озвученного германского концентрационного лагеря (далее — КЛ). Истории германского КЛ «Аушвиц», описанию событий, происходивших в нём, анализу этих событий посвящено большое количество публикаций в газетах, журналах и книг многих стран мира на английском, немецком, польском, русском, французском, иврите и дру-

гих языках. Количество публикаций и фотографий о данном германском КЛ множество, и у исследователей нет возможности провести их полный анализ. Но даже тот объём информации, который стал известен в ходе изучения истории КЛ «Аушвиц», позволяет историкам, в т. ч. автору данной статьи, сделать свои определённые выводы по результатам работы [61, с. 228, 229].

При этом мы считаем нужным показать на конкретных фактах и примерах политику истребления, основанную на идее расового, идеологического превосходства национал-социалистов Германии над евреями, цыганами, представителями славянского этноса Советского Союза и стран Юго-Восточной Европы. Необходимо понимать и правильно воспринимать тот факт, что в реализации политики истребления в лагерном комплексе «Аушвиц» принимали участие не только подданные III Рейха в лице эсэсовской администрации и уголовных элементов. Добровольными помощниками преступников были жители некоторых европейских стран, в частности Венгрии, Румынии, Словакии, Украины, Польши.

Ряд российских и белорусских историков, некоторые переводчики в своих работах, упоминая данный КЛ, продолжают старую со-

ветскую практику, используя в его названии слово «Освенцим» вместо «Аушвиц» [8; 30; 33; 41, с. 351, 373]. Автор применяет в своих работах название «Auschwitz», которое дало КЛ руководство германских СС. Использование имени старого польского города Освенцим (Oświęcim) в наименовании ранее озвученного германского КЛ автор считает искажением по отношению к памяти жертв массового нацистского террора на территории временно оккупированных Германией европейских стран и Советского Союза в годы Второй мировой войны, к истории польского государства.

Прошло почти восемьдесят лет с момента освобождения частями 1-го Украинского фронта Рабоче-Крестьянской Красной Армии (далее — РККА) германского КЛ Аушвиц, но до сегодняшнего дня не уменьшаются попытки определённой части историков европейских стран и США исказить, а порой и фальсифицировать историю этого концлагеря. К сожалению, свою лепту по искажению истории Аушвица внёс советский писатель Б. Н. Полевой. В годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. он был корреспондентом газеты «Правда» и посетил КЛ «Аушвиц» в первые дни освобождения его частями Красной армии. В своих опубликованных заметках о лагере, писатель привёл ничем не подтверждённые рассказы якобы очевидцев отдельных эпизодов преступной деятельности нацистов в КЛ «Аушвиц» [43, с. 43, 44; 44].

Документальное подтверждение того, что и как происходило в германском КЛ «Аушвиц», приведено в документах, опубликованных в Советском Союзе и Российской Федерации. Во второй половине 1943 г., после закрытия в Польше трёх лагерей уничтожения евреев Германии и оккупированных европейских стран, КЛ «Аушвиц II / Биркенау» стал центром по «окончательному решению еврейского вопроса». Практическое решение этого вопроса, озвученного на конференции 20 января 1942 г. в Ванзее, пригороде Берлина, Германия, нашло воплощение в газовых камерах Биркенау и стало символом Шоа. В КЛ «Аушвиц» три года, с лета 1941 г. до лета 1944 г. доставлялись железнодорожными транспортом с советскими военнопленными [12; 18; 21; 26; 29; 32; 34; 35; 36; 38; 39; 48; 49; 50; 51; 52; 53; 57; 58].

В конце 80-х гг. XX столетия, указанное в советских документах число жертв нацистского режима в КЛ Аушвиц, четыре миллиона человек, было оспорено польскими сотрудниками Государственного музея Аушвиц-Биркенау (далее — ГМА-Б) [54]. По нашему мнению, озвученные польской стороной данные явно занижены, об этом говорит опубликованное позже признание сотрудников ГМА-Б. Таким образом, вопрос о числе жертв преступного режима правительства нацистской Германии в КЛ «Аушвиц» остаётся до конца не изученным.

Ценными для историков, литераторов и психологов, для всего общества являются записи и рисунки, выполненные заключёнными в концентрационном лагере Аушвиц, которые не дожили до освобождения лагеря в январе 1945 г. Это записи еврейских заключённых, в т. ч. членов специальных команд «Sondercommando» по обслуживанию крематориев № II—V КЛ «Биркенау»¹ [46]. Рисунки выполнены тайком безымянным узником в 1943 г. в том же концлагере [2]. Записи членов зондеркоманд, среди которых был Залман Градовский, и рисунки неизвестного узника были найдены в районе крематориев IV и V КЛ «Аушвиц II / Биркенау».

В библиографию КЛ «Аушвиц» входят воспоминания и показания тех, кто с весны 1940 по январь 1945 г. являлся непосредственным исполнителем преступных приказов в КЛ «Аушвиц». При этом исполнители — военные преступники — находились на разных ступеньках должностной лестницы. Это и первый комендант лагеря, и служащий Политического отдела — лагерного Гестапо, и врач, проводивший отбор узников в газовые камеры [3; 40]. В своих воспоминаниях-показаниях бывший комендант КЛ писал об ужасном и варварском отношении эсэсовцев к советским военнопленным и евреям. Убийцам из СС помогали добровольные помощники из числа заключённых немцев и поляков.

Свои работы о советских военнопленных в КЛ «Аушвиц», на основе архивных документов ГМА-Б, посвятили польские

¹ Крематорий № 1 находился на территории так называемого «главного лагеря Аушвица» — КЛ «Аушвиц I».

историки. Это бывший узник КЛ «Аушвиц» Ю. А. Брандхубер и историк Я. Лахендро [9; 23]. В своей работе Я. Лахендро использовал как материалы архива ГМА-Б, так и материалы из других источников, в т. ч. предоставленные автором данной статьи. О судьбе советских военнопленных в германских лагерях в т. ч. в КЛ «Аушвиц» говорится в работе германского историка К. Шрайта [62]. Книга отличается обширной подборкой большого количества документов из различных архивов, и в первую очередь германского Бундесархива и польского ГМА-Б.

Особый интерес, по нашему мнению, представляют публикации в печати узников КЛ Аушвиц оставшихся в живых к победному маю 1945 г. В 1953 г. в Минске был издан сборник воспоминаний двух подпольщиц, арестованных нацистами и отправленными в КЛ «Аушвиц» [10]. Т. Н. Цветкова была автором книги «900 дней в фашистских застенках» в литературной обработке А. Романова. Перу З. К. Лишановой принадлежит работа «В аду Освенцима», переведённая с белорусского языка на русский В. Максимовой.

Северина Шмаглевская (Seweryna Szmaglewska), автор книги «Дым над Биркенау», была узницей КЛ «Аушвиц». В 1946 г. она выступала в качестве свидетельницы в Нюрнберге на процессе над главными немецкими военными преступниками [43, с. 44].

Несмотря на все старания лагерного Гестапо, в КЛ «Аушвиц» действовали группы Сопротивления, в т. ч. советских узников, большинство из которых были советскими военнопленными. В апреле — августе 1944 г. душой советского подполья в КЛ «Биркенау» был генерал-лейтенант инженерных войск Дмитрий Михайлович Карбышев. Члены групп Сопротивления вели трудную и опасную многоплановую работу в лагере, в которую также входили подготовка и осуществление побегов узников из КЛ «Аушвиц». Большая часть советских узников была успешной, о чём пишут в своих воспоминаниях А. А. Погожев, П. А. Стенькин, Н. И. Масленников [17; 32; 42; 47].

В КЛ Аушвиц, кроме взрослых узников, содержались подростки и дети разных национальностей. Были и новорождённые, которые

появились на свет в «ревире» КЛ «Биркенау». Их матерями были молодые женщины разных национальностей, арестованных в III Рейхе и на оккупированных Германией территориях [4; 5; 19; 28; 37; 45]. При этом, как и взрослые, дети и подростки болели и умирали от лишений, голода, от медицинских опытов. Германские врачи насильно использовали в лагерях детей в качестве доноров, забирая у них кровь для раненых военнослужащих Вермахта и СС. Для большинства малолетних доноров эта процедура заканчивалась смертью [8; 30].

Ева Мозес Кор, одна из бывших малолетних узниц КЛ «Аушвиц», рассказала в своих воспоминаниях о нахождении в блоке для близнецов, которых использовал в своих варварских опытах «ангел смерти» И. Менгель. Кроме того, Ева рассказала об участии со своей сестрой Мириам в киносъёмках документального фильма об освобождении КЛ «Аушвиц» [33, с. 120, 121]. На кадрах документального фильма видно, как сёстры-двойняшки, одетые перед киносъёмкой в полосатые куртки взрослых узников, идут, взявшись за руки, вслед за женщиной, военным медиком РККА, которая несёт ребёнка на руках.

О КЛ «Аушвиц» писали не только статьи и книги, писали и стихи. Этот раздел поэзии представлен несколькими стихотворениями о фабрике смерти на территории Польши. Малоизученный, он требует внимания исследователей истории германского КЛ «Аушвиц» [15].

Остаются в центре внимания историков вопросы психологического состояния узников германских КЛ. Авторы книг, осветивших данную тему, пережили ужасы германских КЛ, в т. ч. «Аушвиц II / Биркенау». Они как свидетели трагических событий, произошедших с ними в нацистских КЛ, рассказали о том, что чувствовали заключённые с психологической точки зрения, как проходили этапы принятия нечеловеческих условий, как узники выживали в них. Кроме того, авторы рассказали, что, по их мнению, помогло бывшим узникам концлагерей после ужаса лагерной жизни вернуться в обычный мир и остаться при этом человеком [1; 11; 56].

Мы перечислили только малую часть тематических направлений очень значительного, по

его мнению, информационного массива по германскому лагерному комплексу «Аушвиц». Данный лагерный комплекс в 1940–1945 гг. включал в свой состав КЛ «Аушвиц I», КЛ «Аушвиц II / Биркенау», «КЛ Аушвиц III / Моновицы» и его

лагерные филиалы, так называемые подлагеря, на территории Польши, Германии и Чехословакии. Исследовательская работа будет продолжаться и источниковедческая база изучения германского КЛ «Аушвиц» будет расширяться.

Список литературы

1. Агамбен, Д. Номос сасер. Что остаётся после Освенцима: архив и свидетель / Д. Агамбен. — Москва : Европа, 2015. — 192 с.
2. Альбом зарисовок из Аушвица / сост. А. Серадска. — Освенцим : ГМА-Б, 2016. — 66 с.
3. Аушвиц глазами СС / Р. Гёсс, П. Брод, И. Пауль Кремер ; пер. с пол. Р. Каминской ; предисл. Е. Равича ; послесл. М. Кета. — Освенцим : ГМА-Б, 2008. — 230 с.
4. Бадаев, М. Г. Память хранит все / М. Г. Бадаев. — Смоленск : Смядынь, 1995. — 314 с.
5. Барниковский, Б. Детство в полосатых робах / Б. Барниковский. — Освенцим : ГМА-Б, 2018.
6. Биренбаум, Х. Надежда умирает последней / Х. Биренбаум. — Освенцим : ГМА-Б, 2017. — 244 с.
7. Бойко, В. Я. ...И если на земле есть ад / В. Я. Бойко. — Москва : Советский писатель, 1989. — 392 с.
8. Борисова, А. В. Лагерь смерти Освенцим: живые свидетельства Беларуси / А. В. Борисова, К. И. Козак, Г. Л. Стучинская. — Минск : Літаратура і Мастацтва, 2012. — 400 с.
9. Брандхубер, Ю. А. Советские военнопленные в концентрационном лагере в Освенциме / Ю. А. Брандхубер ; пер. с пол. Е. Дзедзинская. — Освенцим : Гос. музей, 1960. — 64 с.
10. В фашистских застенках : записки. — Минск : Гос. изд-во БССР, Ред. худож. лит., 1953. — 216 с.
11. Вальзер, М. Наш Освенцим / М. Вальзер // Иностранная литература. — 1966. — № 10. — С. 222–227.
12. Вахсман, Н. История нацистских концлагерей / Н. Вахсман. — Москва : Центрполиграф, 2018. — 784 с.
13. Глассер, П. Танцующая в Аушвице. Семейные тайны времён Второй мировой войны / П. Глассер ; пер. с нидерл. Е. Любаровой. — Москва : АСТ, 2015. — 400 с.
14. Дегтярёв, В. И. Побеждая смерть / В. И. Дегтярёв. — Ростов-на-Дону : Ростов. кн. изд-во, 1962. — 267 с.
15. Долг памяти моей. Стихи / ред. И. Чепела ; сост. И. Чепела, А. Зусман. — 2-е изд., доп. — Екатеринбург : КТО, 2009. — 118 с.
16. Живульская, К. Я пережила Освенцим. Историческая книга / К. Живульская. — Москва : Книга по требованию, 2012. — 282 с.
17. Забочень, М. С. Антифашистское подполье Освенцима / М. С. Забочень // Новая и новейшая история. — 1965. — № 3. — С. 108–123.
18. Зэн, Я. Концентрационный лагерь Освенцим-Бжезинка — Auschwitz-Birkenau / Я. Зэн ; пер. с польс. М. Васьковский ; Главная комиссия по расследованию гитлеровских преступлений в Польше. — 2-е изд. — Варшава : Wydawnictwo prawnicze, 1961. — 192 с.
19. Ирошникова, И. И. Здравствуйте, пани Катерина!; Эльжуня / И. И. Ирошникова. — М. : Сов. Россия, 1979. — 285 с.
20. Кедышко, Н. Все круги ада... / Н. Кедышко // Неман. — 1969. — № 12. — С. 137–144.
21. Котек, Ж. Век лагерей, концентрация уничтожение. Сто лет злодеяний / Ж. Котек, П. Ригуло ; пер. с фр. Е. Мурашкинцовой, Н. Малыхиной, Ю. Розенберг. — Москва : Текст, 2003. — С. 347–352, 355–357.

22. Краус, О. Фабрика смерти / О. Краус, Э. Кулка. — Москва : Госполитиздат, 1960. — 296 с.
23. Лахендро, Я. Советские военнопленные в концлагере Аушвиц / Я. Лахендро. — Освенцим : ГМА-Б, 2016.
24. Лебедев, А. Ф. Солдаты малой войны: Записки освенцимского узника / А. С. Лебедев. — Москва : Госполитиздат, 1957. — 76 с.
25. Лебедев, А. Ф. Солдаты малой войны: Записки освенцимского узника / А. С. Лебедев. — 2-е изд., доп. — Москва : Госполитиздат, 1960. — 128 с.
26. Леви, Г. Преступники. Мир убийц времён Холокоста / Г. Леви. — Москва : АСТ : ОГИЗ, 2019. — 336 с.
27. Леви, П. Человек ли это? / П. Леви ; пер. с итал. Е. Дмитриевой ; предисл. М. Швыдкого. — Москва : Текст : Книжники, 2011. — 205 с.
28. Литвинов, В. В. Поезд из ночи: документальное повествование о поиске [бывших малолет. узников фашист. концлагерей], длившемся без малого четверть века / В. В. Литвинов. — Киев : Молодь, 1989. — 544 с.
29. Макнаб, К. Третий Рейх. 1933 — 1945 / К. Макнаб ; пер. с англ. М. Б. Борисов. — Москва : АСТ : Астрель, 2010. — С. 218.
30. Малолетние заложники бесчеловечной войны: живые свидетельства Беларуси / сост. Г. И. Змушко, Л. И. Щеникова ; под ред. К. И. Козака. — Минск : ИП Ловинов И. П., 2011. — 247 с.
31. Масленников, Н. И. Смерть победивши / Н. И. Масленников. — 3-е изд., доп. — Ставрополь : Кн. изд-во, 1982. — 175 с.
32. Мемориал Аушвиц-Биркенау : путеводитель / ред. Г. Никлиборц, Я. Пиндерская-Лех. — Освенцим : ГМА-Б, 2017.
33. Мозес Кор, Е. Близнецы Освенцима. Правдивая история близнецов доктора Менгеле / Е. Мозес Кор ; пер. с англ. М. Хараз. — Москва : АСТ : ОГИЗ, 2022. — 208 с.
34. Немецкие места смерти в Польше / ред. Я. Лахендро. — Марки : ПАРМА ПРЕСС, 2007.
35. Неустрой, Х. Транспорты советских военнопленных в концентрационный лагерь Аушвиц / Х. Неустрой ; пер. с англ. Б. Шмыров // Военно-исторический архив. — 2010. — № 7.
36. Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками : сб. материалов : в 7 т. / под общ. ред. Р. А. Руденко. — Москва : Госюриздат, 1957–1961.
37. Оводов, Ю. В. Родившийся в Освенциме / Ю. В. Оводов // Уральский рабочий. — 2012. — 20 апр.
38. Освенцим // Великая Отечественная война 1941–1945 : энциклопедия / гл. ред. М. М. Козлов. — Москва : Сов. энциклопедия, 1985. — С. 518.
39. Освенцим // Советская Военная Энциклопедия : [в 8 т.]. Т. 6 / гл. ред. Н. В. Огарков. — Москва : Воениздат, 1978. — С. 132.
40. Освенцим глазами СС: Рудольф Гесс, Пери Брод, Иоганн Пауль Кремер / Гос. музей в Освенциме ; ред. кол.: К. Смолен и др. — Варшава : Интерпресс, 1991.
41. Петрова, Н. К. Женские судьбы войны / Н. К. Петрова. — Москва : Вече, 2019. — 413 с.
42. Погожев, А. А. Побег из Освенцима. Остаться в живых / А. А. Погожев, П. А. Стенькин. — Москва : Яуза : Эксмо, 2005. — 288 с.
43. Полевой, Б. Н. В конце концов. Нюрнбергские дневники / Б. Н. Полевой // Роман-газета. — 1969. — № 6 (628). — 110 с.
44. Полевой, Б. Н. Комбинат смерти в Освенциме / Б. Н. Полевой // Правда. — 1945. — 2 февр.
45. Польщикова, А. П. Дети Освенцима / А. П. Польщикова. — Ялта, 1993. — 110 с.
46. Полян, П. М. Свитки из пепла / П. М. Полян. — Москва : АСТ, 2015. — 608 с.

47. Решин, Е. Г. Генерал Карбышев / Е. Г. Решин ; лит. обраб. Л. Д. Давыдова. — 2-е изд., испр. и доп. — Москва : Изд-во ДОСААФ, 1974. — 406 с.
48. Рис, Л. Освенцим: нацисты и «окончательное решение еврейского вопроса» / Л. Рис. — Москва : КоЛибри, 2014. — 456 с.
49. Семиряга, М. И. Тюремная империя нацизма и её крах / М. И. Семиряга. — Москва : Юрид. лит., 1991. — 384 с.
50. Смолень, К. Освенцим 1940–1945 / К. Смолень ; пер. с пол. Е. Дзедзинская. — 3-е изд., испр. и доп. — Освенцим : Гос. музей, 1964. — 109 с.
51. Сообщение Чрезвычайной Государственной Комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников. О чудовищных преступлениях германского правительства в Освенциме // Известия. — 1945. — 8 мая.
52. Смолень, К. Государственный музей в Освенциме Аушвиц-Биркенау : путеводитель. — Освенцим : ГМО, 2005. — 30 с.
53. СС в действии: документы о преступлениях СС / пер. с нем. А. Ларионова, Р. Володина. — Москва : Прогресс, 1969. — 623 с.
54. Тайны Освенцима раскрываются // Известия. — 1990. — 20 июля.
55. Тринда, А. Мужество / А. Тринда // Октябрь. — 1957. — № 8. — С. 157–179.
56. Франкл, В. Сказать жизни «Да»: психолог в концлагере : пер. с нем. / В. Франкл. — 6-е изд. — Москва : Смысл, 2015. — 140 с.
57. Хилберг, Р. Освенцим / Р. Хилберг // Холокост. Энциклопедия. — Москва : РОССПЗН, 2005. — С. 432–444.
58. Чёрная книга / под ред. В. Гроссмана, И. Эренбурга. — Москва : АСТ : CORPUS, 2015. — 1200 с.
59. Шлосс, Е. После Аушвица / Е. Шлосс ; пер. с англ. яз. Е. Есениной. — Москва : АСТ, 2019. — 384 с.
60. Шмаглевская, С. Дым над Биркенау / С. Шмаглевская ; пер. пол. Э. Василевской. — Москва : Худож. лит., 1970. — 288 с.
61. Шмыров, Б. Д. Аушвиц и советские узники : монография : в 3 кн. Кн. 1. Трагедия. Мужество. Героизм / Б. Д. Шмыров. — Челябинск : Библиотека А. Миллера, 2020.
62. Шрайт, К. Они нам не товарищи: Вермахт и советские военнопленные в 1941–1945 гг. — Москва : Русская панорама, 2009. — 480 с.
63. Этого забыть нельзя. Воспоминания узников освенцимского лагеря. — Освенцим : Гос. музей, 1971.

Получено 22.05.2024

Boris D. Shmyrov

Candidate of Historical Sciences

Chelyabinsk, Russia

E-mail: borisdaniil_55@mail.ru

German Auschwitz Concentration Camp Source Base of Learning

Bibliography information about German Auschwitz concentration camp functioning from June 1940 till January 1945 in the suburbs of Krakow, Poland. The article contains a brief analysis of publications about the Auschwitz concentration camp and its activity in different genres in the Russian newspapers, magazines and books covering the period of 1945-2022.

Keywords: Auschwitz, Holocaust, Shoah, Soviet prisoners of war, camp prisoners, “the final solution of the Jewish question”, gas chamber, crematorium

For citing: Shmyrov B. D. 2024. German Auschwitz Concentration Camp Source Base of Learning . *Vestnik kultury i iskusstv [Culture and Arts Herald]*. No 4 (80): 33–41. (In Russ.).

References

1. Agamben D. 2015. Homo sacer. Chto ostaetsya posle Osventsima : arkhiv i svidetel' [Homo sacer. What remains after Auschwitz: archive and witness]. Moscow: Evropa. 192 p. (In Russ.).
2. Sieradzka A. 2016. Al'bom zarisovok iz Aushvitsa [Album of sketches from Auschwitz]. Auschwitz: GMA-B. 66 p. (In Russ.).
3. Goess R., Broad P., Paul Kremer I. 2008. Auschwitz through the eyes of the SS. Auschwitz: GMA-B. 230 p. (In Russ.).
4. Badaev M. G. 1995. Pamyat' hranit vse [Memory save everything]. Smolensk: Smyadyn. 314 p. (In Russ.).
5. Barnikovskiy B. 2018. Detstvo v polosatykh robakh [Childhood in striped robes]. Auschwitz: GMA-B. (In Russ.).
6. Birenbaum H. 2017. Nadezhda umiraet poslednei [Hope Dies Last]. Auschwitz: GMA-B. 244 p. (In Russ.).
7. Boyko V. Ya. 1989. ... I esli na zemle est' ad [...And If There Is Hell on Earth]. Moscow: Sovetskii Pisatel. 392 p. (In Russ.).
8. Borisova A. V., Kozak K. I., Stuchinskaya G. L. 2012. Lager' smerti Osventsim: zhivye svidetel'stva Belarusi [The Auschwitz Death Camp: Living Testimonies of Belarus]. Minsk: Litaratura i Mastatstva. 400 p. (In Russ.).
9. Brandhuber Yu. A. 1960. Sovetskie voennoplennyye v kontsentratsionnom lagere v Osventsime [Soviet Prisoners of War in the Auschwitz Concentration Camp]. Auschwitz: State museum. 64 p. (In Russ.).
10. V fashistskikh zastenkakh: zapiski. [In the fascist dungeons: notes]. 1953. Minsk: State Publishing House of the BSSR, Ed. of Art. Literature. 216 p. (In Russ.).
11. Walser M. 1966. Our Auschwitz. *Inostrannaya literatura [Foreign Literature]*. No 10: 222–227. (In Russ.).
12. Wachsmann N. 2018. Istoriya natsistskikh kontslagerei [History of Nazi concentration camps]. Moscow: Centerpoligraf. 784 p. (In Russ.).
13. Glasser P. 2015. Tantsuyushchaya v Aushvitse. Semeinye тайны времен Vtoroi mirovoi voiny [Dancing in Auschwitz. Family secrets from the times of World War II]. Moscow: AST. 400 p. (In Russ.).
14. Degtyarev V. I. 1962. Pobezhdaya smert' [Defeating Death]. Rostov-na-Donu: Rostov book publishing house. 267 p. (In Russ.).
15. Dolg pamyati moei. Stikhi [Debt to my memory. Poems]. Yekaterinburg: KTO. 118 p. (In Russ.).
16. Zhivul'skaya K. 2012. Ya perezhila Osventsim. Istoricheskaya kniga [I survived Auschwitz. A historical book]. Moscow: Book on Demand. 282 p. (In Russ.).

17. Zabochen M. S. 1965. The anti-fascist underground of Auschwitz. *Novaya i noveishaya istoriya* [New and contemporary history]. No 3: 108–123. (In Russ.).
18. Zen J. 1961. Kонтсентрационnyi lager' Osventsim-Bzhezinka — Auschwitz-Birkenau [The Auschwitz-Brzezinka Concentration Camp. Auschwitz-Birkenau]. Warsaw: Wydawnictwo prawnicze. 192 p. (In Russ.).
19. Iroshnikova I. I. 1979. Zdravstvuite, pani Katerina! El'zhunya [Hello, Mrs. Katerina! Elzhunya]. Moscow : Sov. Rossiya. 285 p. (In Russ.).
20. Kedysheko N. 1969. All the Circles of Hell... *Neman* [Neman]. No 12: 137–144. (In Russ.).
21. Kotek J., Rigoulo P. 2003. Vek lagerei, kontsentratsiya unichtozhenie. Sto let zlodeyanii [The Century of Camps, Concentration, and Extermination. One Hundred Years of Atrocities]. Moscow: Text. Pp. 347–352, 355–357. (In Russ.).
22. Kraus O., Kulka E. 1960. Fabrika smerti [Death Factory]. Moscow: Gospolitizdat. 296 p. (In Russ.).
23. Lahendro Ya. 2016. Sovetskie voennoplennye v kontslagere Aushvits [Soviet prisoners of war in the Auschwitz concentration camp]. Auschwitz: GMA-B. (In Russ.).
24. Lebedev A. F. 1957. Soldaty maloi voyny: Zapiski osventsimskogo uznika [Soldiers of the small war: Notes of an Auschwitz prisoner]. Moscow: Gospolitizdat. 76 p. (In Russ.).
25. Lebedev A. F. 1960. Soldaty maloi voyny: Zapiski osventsimskogo uznika [Soldiers of the Small War: Notes of an Auschwitz Prisoner]. Moscow: Gospolitizdat, 128 p. (In Russ.).
26. Levi G. 2019. Prestupniki. Mir ubiits vremen Kholokosta [Criminals. The World of Holocaust-Era Murderers]. Moscow: AST : OGIZ. 336 p. (In Russ.).
27. Levi P. 2011. Chelovek li eto? [Is This a Man?] Moscow: Text : Knizhniki. 205 p. (In Russ.).
28. Litvinov V. V. 1989. Poezd iz nochi: dokumental'noe povestvovanie o poiske [byvshikh malolet. uznikov fashist. kontslagerei], dlivshemsya bez malogo chetvert' veka [Train from the Night: A Documentary Narrative of the Search [for Former Underage Prisoners of Nazi Concentration Camps] That Lasted Almost a Quarter of a Century]. Kyiv: Molod. 544 p. (In Russ.).
29. McNab K. Tretii Reikh. 1933– 1945 [The Third Reich. 1933–1945]. Moscow: AST : Astrel, 2010. P. 218. (In Russ.).
30. Maloletnie zalozhniki beschelovechnoi voyny: zhivye svidetel'stva Belarusi [Underage hostages of an inhuman war: living evidence of Belarus]. 2011. Minsk: IP Lovinov I. P. 247 p. (In Russ.).
31. Maslennikov N. I. 1982. Smert' pobedivshi [Defeating death]. Stavropol: Book Publishing House. 175 p. (In Russ.).
32. Memorial Aushvits-Birkenau [Auschwitz-Birkenau Memorial]. 2017. Auschwitz: GMA-B. (In Russ.).
33. Mozes Kor E. 2022. Bliznetsy Osventsima. Pravdivaya istoriya bliznetsov doktora Mengele [The Auschwitz Twins. The True Story of Dr. Mengele's Twins]. Moscow: AST, OGIZ. 208 p. (In Russ.).
34. Nemetskie mesta smerti v Pol'she [German Death Places in Poland]. 2007. Stamps: PARMA PRESS. (In Russ.).
35. Neustroy H. 2010. Transporty sovetskikh voennoplennykh v kontsentratsionnyi lager' Aushvits [Transports of Soviet Prisoners of War to the Auschwitz Concentration Camp]. *Military History Archive*. No 7. (In Russ.).
36. Nyurnbergskii protsess nad glavnymi nemetskimi voennymi prestupnikami [The Nuremberg Trial of the Major German War Criminals: collection of articles. materials]. Moscow: Gosyurizdat, 1957–1961. (In Russ.).
37. Ovodov Yu. V. 2012. Born in Oswiecim. *Uralsky Rabochy* [Ural worker]. April 20. Available from: <https://xn----7sbbe6addecj3bpgj0a0fvd.xn--p1ai/news/item/982> (accessed: 12.10.2024). (In Russ.).
38. Oswiencim. 1985. *Velikaya Otechestvennaya voina 1941–1945* [The Great Patriotic War of 1941–1945]. Moscow: Sovetskaya Encyclopedia. P. 518. (In Russ.).
39. Oswiencim. 1978. *Sovetskaya Voennaya Entsiklopediya* [Soviet Military Encyclopedia]. Vol. 6. Moscow: Voenizdat, P. 132. (In Russ.).
40. Osventsim glazami SS: Rudol'f Gess, Peri Broad, Iogann Paul' Kremer [Auschwitz through the eyes of the SS: Rudolf Hess, Peri Broad, Johann Paul Kremer]. 1991. Warsaw: Interpress. 308 p. (In Russ.).
41. Petrova N. K. 2019. Zhenskie sud'by voyny [Women's fates of war]. Moscow: Veche. 413 p. (In Russ.).

42. Pogozhev A. A., Stenkin P. A. 2005. Pobeg iz Osventsima. Ostat'sya v zhivyykh [Escape from Auschwitz. Staying Alive]. Moscow: Yauza : Eksmo. 288 p. (In Russ.).
43. Polevoy B. N. 1969. In the End. The Nuremberg Diaries. *Roman-gazeta [Novel-newspaper]*. No 6 (628). P. 110. (In Russ.).
44. Polevoy B. N. 1945. The Death Factory in Auschwitz. *Pravda [True]*. February 2. (In Russ.).
45. Polshchikova A. P. 1993. Deti Osventsima [Children of Auschwitz]. Yalta. 110 p. (In Russ.).
46. Polyan P. M. 2015. Svitki iz pepla [Scrolls from the Ashes]. Moscow: AST. 608 p. (In Russ.).
47. Reshin E. G. 1974. General Karbyshev [General Karbyshev]. Moscow: DOSAAF Publishing House. 406 p. (In Russ.).
48. Rees L. 2014. Osventsim: natsisty i "okonchatel'noe reshenie evreiskogo voprosa" [Auschwitz: the Nazis and the "Final Solution to the Jewish Question"]. Moscow: KoLibri. 456 p. (In Russ.).
49. Semiryaga M. I. 1991. Tyuremnaya imperiya natsizma i ee krakh [The Prison Empire of Nazism and Its Collapse]. Moscow: Legal Literature. 384 p. (In Russ.).
50. Smolen' K. 1964. Osventsim 1940–1945 [Auschwitz 1940–1945]. Auschwitz: State Museum. 109 p. (In Russ.).
51. Smolen' K. Gosudarstvennyi muzei v Osventsime Aushvits-Birkenau [State Museum in Auschwitz Auschwitz-Birkenau]. Auschwitz: GMO, 2005. (In Russ.).
52. Report of the Extraordinary State Commission for the Establishment and Investigation of the Crimes of the Nazi Invaders and Their Accomplices. On the Monstrous Crimes of the German Government in Auschwitz. 1945. *Izvestiya [News]*. May 8. 30 p. (In Russ.).
53. SS v deistvii: dokumenty o prestupleniyakh SS [SS in Action: Documents on SS Crimes]. 1969. Moscow: Progress. 623 p. (In Russ.).
54. The Secrets of Auschwitz Are Revealed. 1990. *Izvestiya [News]*. July 20. (In Russ.).
55. Trinda A. 1957. Courage. *Oktyabr' [October]*. No 8: 157–179. (In Russ.).
56. Frankl V. 2015. Skazat' zhizni "Da!": psikholog v kontslagere [Saying Yes to Life: A Psychologist in a Concentration Camp]. Moscow: Smysl. 140 p. (In Russ.).
57. Hilberg R. 2005. Auschwitz. *Kholokost [The Holocaust]*. Moscow: ROSSPZN. Pp. 432–444. (In Russ.).
58. Grossman V., Ehrenburg I. 2015. Chernaya kniga [The Black Book]. Moscow: AST, CORPUS. 1200 p. (In Russ.).
59. Schloss E. 2019. Posle Aushvitsa [After Auschwitz]. Moscow: AST. 384 p. (In Russ.).
60. Shmaglevskaya S. 1970. Dym nad Birkenau [Smoke over Birkenau]. Moscow: Art. Literature. 288 p. (In Russ.).
61. Shmyrov B. D. 2020. Aushvits i sovetskie uzniki. Kn. 1. Tragediya. Muzhestvo. Geroizm [Auschwitz and Soviet Prisoners. Book 1. Tragedy. Courage. Heroism]. Chelyabinsk: A. Miller Library. (In Russ.).
62. Shrait K. 2009. Oni nam ne tovarishchi: Vermakht i sovetskie voennoplennyye v 1941–1945 gg. [They are not our comrades: The Wehrmacht and Soviet prisoners of war in 1941–1945]. Moscow: Russian Panorama. 480 p. (In Russ.).
63. Etogo zabyt' nel'zya. Vospominaniya uznikov osventsimskogo lagerya [This cannot be forgotten. Memories of prisoners of the Auschwitz camp]. 1971. Auschwitz: State Museum. (In Russ.).

Received 22.05.2024

*Р*аздел II

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Part II
CULTUROLOGY

Злата Дмитриевна Анисина

аспирант

кафедры философии и культурологии

Челябинский государственный инсти-
тут культуры, Челябинск, Россия

E-mail: anisina.zlata94@gmail.com

АКТУАЛИЗАЦИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО НАСЛЕДИЯ В КОНТЕКСТЕ ЦИФРОВИЗАЦИИ КУЛЬТУРЫ (НА ПРИМЕРЕ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОГО ИСКУССТВА)

В статье затрагиваются проблемы актуализации культурного наследия. Поднимаются вопросы, связанные с сохранением, использованием и государственной охраной объектов культурного наследия. Описываются различные подходы к пониманию актуализации культурного наследия. Затрагиваются проблемы коммодификации и цифровизации культурного наследия. Систематизируются проблемы и перспективы в области актуализации художественного наследия: авторство и подлинность, морально-этическая сторона, низкая насмотренность в изобразительном искусстве — проблемы общественной экспертизы, разница поколений, лакуны профессиональной подготовки и переподготовки кадров, вопросы самообразования, нехватка офлайн-образовательной составляющей образования и самообразования в области теории искусства, огромный пласт изобразительного искусства не оцифрован, рамки закрытости достояния, конфликт специализаций. Делается вывод о том, что несмотря на все вышеуказанные проблемы и вызовы, Россия в XXI веке имеет большой потенциал для актуализации своего культурного наследия и благоприятные перспективы. Важным является объединение государства, научного сообщества и общественности в этом направлении.

Ключевые слова: актуализация, культурное наследие, художественное наследие, актуализация художественного наследия, изобразительное искусство, цифровая культура, цифровизация

Для цитирования: Анисина, З. Д. Актуализация художественного наследия в контексте цифровизации культуры (на примере изобразительного искусства) / З. Д. Анисина // Вестник культуры и искусств. — 2024. — № 4 (80). — С. 43–55.

Введение

Вопросы актуализации материального и нематериального наследия в современной России осознаются на всех уровнях: приоритет государственной культурной политики и формирование уважения к наследию цивилизации в общественном поле. Несмотря на значительный мировой и отечественный опыт постановки и осмысления проблем культурного наследия, обращает на себя внимание на нерешенность ряда проблем, не четко выделенные перспективы дальнейшего решения вопросов сохранения наследия. Актуализация проблем и перспектив сохранения наследия связана, с одной стороны, с пониманием того, что соци-

ум должен владеть информацией о ценности, что базируется на включенности объектов наследия в непосредственное знакомство с ними (музейно-туристская, образовательно-познавательная деятельность общества и др.), с другой стороны, одной из проблем современности является разрушение и даже утрата объектов культурного наследия, определяемая не только временными реалиями (естественное старение памятников), техногенными катастрофами, но и неразумным использованием и интерпретацией объектов наследия. Эти проблемы озвучиваются на многочисленных дискуссиях, в разрабатываемых государственных программах, проводимых научных и экспертных

мероприятия: круглые столы, экспертные панели, общественные слушания и т. п.: «В настоящее время в России насчитывается более 155 тысяч объектов культурного наследия. Состояние порядка 30 тысяч из них характеризуется как неудовлетворительное» [1].

Перспективным направлением в решении выделенных проблем является реализация федеральной программы восстановления объектов культурного наследия, которая стартовала по инициативе Президента Российской Федерации в феврале 2024 г. В рамках данной программы планируется привести в порядок не менее 1000 объектов культурного наследия к 2030 г., расположенных в нескольких «пилотных» регионах — Забайкальский край, Новгородская, Рязанская, Смоленская, Ярославская, Самарская, Нижегородская и Тверская области.

В рамках инициатив по восстановлению культурного наследия и включения в информационное поле современного общества формируется проблема коммодификации, когда культурные ценности становятся «товаром», ориентированным на извлечение прибыли в индустрии туризма. По мнению Г. А. Карповой и Л. В. Хоревой, коммодификация наследия, что является сегодня одной из тенденций развития туристского рынка: «Любой нематериальный объект культурной среды, интересный и притягательный для туристов может быть продан, то есть он может иметь стоимость и быть реализован на рынке как товар» [15, с. 10]. Но авторы подчеркивают, что при использовании культурного наследия в туристических продуктах не стоит отдавать приоритет принципу «развитие туризма любой ценой!». Тем не менее во многом благодаря эффективно выстроенной системе коммерческого продвижения в настоящее время культурный туризм «оживает» и может привлечь людей разнообразным диапазоном активности. Перспективой является то, что культурное наследие вновь начинает играть ключевую роль в развитии туристической отрасли, становится необходимым условием для позиционирования культурного туризма в стране и в конкретных регионах. В целом охрана культурного наследия предстает задачей системного характера

(по Л. Я. Герцберг [7]). Будущее видится в комплексном многоуровневом решении проблем, совместными усилиями государства, бизнеса и общества.

В данной статье мы обратимся к проблематике актуализации художественного наследия (на примере изобразительного искусства), его функционирования в цифровой культуре современности.

Проблемное поле актуализации художественного наследия: вопросы цифровизации

Интерес к проблематике актуализации наследия появлялся во многих областях гуманитаристики в разные временные периоды. Сегодня этот интерес выходит за рамки частных областей и становится вопросом, требующим широкого методологического подхода (по М. В. Логиновой [22]). Исследователи стараются рассматривать понятие «актуализация» разносторонне, что обусловливается трансформацией понимания культурного наследия в целом, задачами современной политики государства в области культуры и трендами социокультурной действительности (практики и формы взаимодействия с культурным наследием). Мы выделим лишь некоторые современные научные толкования понятия «актуализация культурного наследия» в русле культурологического подхода.

Пониманием актуализации наследия в широком смысле, по мысли Т. С. Курьяновой, является «включенность в современную культуру». Только посредством активного использования, «включения» в жизнь, осмысления, наследие обретает актуальность и превращается в живую часть социокультурной реальности. В рамках данного научного взгляда автор рассматривает проблемы современности, на их основании выделяет критерии, которые должны учитываться при актуализации: «адекватность запросам общества; стимулирование социальной адаптации; уникальность объектов» [21] и обозначает наследие как гармонизирующий элемент. Основопологающим методологическим принципом, по мнению исследователя, становится диалог, когда человек, постигаю-

ций смыслы и ценности, оказывается в «большом времени» культуры. То есть наследие рассматривается как необходимое условие существования культур в аксиологическом измерении.

Диалогическую концепцию культуры (обоснованную в трудах М. М. Бахтина) как теоретический фундамент актуализации культурного наследия определяет и Е. Н. Мастеница. Актуализация, по мнению автора, — это «передача опыта его сохранения для современных поколений и включение наследия в современную живую культуру» [24, с. 16]. Диалогичность носит субъект-субъектный характер, а основой выступает «соучастие».

Схожим по смыслу является истолкование понятия Т. Г. Гребенниковой — «деятельность, направленная на сохранение и включение культурного и природного наследия в современную культуру путем активизации социокультурной роли его объектов и их интерпретации» [10, с. 102]. Актуализация осознается в качестве интерпретации, важными составляющими которой выделяются доступность и эмоциональное воздействие на человека. Это постоянный процесс, который протекает в рамках деятельностного подхода (выявление культурных ценностей, раскрытие потенциала, последующая интерпретация и актуализация).

Мы вслед за С. Ю. Каменским под актуализацией будем понимать «процесс превращения культурного наследия в явление современности, характеризующийся внутренним освоением (переживанием) и переосмыслением культуры прошлого, включением ее в ценностно-смысловой, нравственный, эстетический, интеллектуальный, социально-практический потенциал личности и общества» [14]. Данное определение нам кажется наиболее комплексным, отражающим важные аспекты понимания и такого пласта культурного наследия, как художественное.

Процесс актуализации художественного наследия, его «оживление» и «включение» в современную жизнь формирует ряд вопросов, требующих осмысления и выработки решения, в числе которых мы прежде всего выделим цифровизацию.

Цифровизация и новые технологии определили возникновение широкого перечня про-

блем и вызовов современности. Одной из них стало взаимодействие цифровой культуры как культуры глобального типа с «аналоговой» культурой. Как отмечает Л. Н. Мешкова, «консервативные установки традиционного сознания могут становиться препятствием для освоения новых цифровых технологий» [25, с. 53].

В процессе внедрения современных технологий в сферы сохранения, использования и актуализации культурного наследия присутствуют проблемы, ограничивающие возможности эффективной реализации цифровых решений:

- дефицит специалистов в сфере культуры, обладающих знаниями в области цифровых технологий;
- низкий уровень готовности учреждений культуры к освоению новых и достаточно сложных технологий;
- потребность в передовых и зачастую дорогостоящих технических средствах;
- необходимость в стабильном финансировании процессов цифровизации и др.

Тем не менее цифровая реальность уже включена процессы актуализации культурного наследия — процессы «оживления» культурной памяти, перевода наследия из «потенциального» в «актуальное» (по И. В. Кондакову [19]). «Цифра», ставшая неотъемлемой частью нашей жизни, открывает перспективы для общества в области сохранения, трансляции и презентации культурного наследия. Желая посетить онлайн-галерею, выставку или музей, стать участником онлайн-мероприятия, стримингового сервиса, онлайн-аукциона, социальных медиа, ощутить на себе виртуальную реальность, создать цифровую живопись и т. д.

Осмысление концепции цифрового наследия (оцифровка музейных коллекций, использование произведений искусства в современном медиaprостранстве и др.) как происходит на уровне теоретического осмысления, так и подкрепляется системным анализом практического опыта в этой области, так как цифровой компонент присутствует в работе множества государственных и негосударственных организаций и учреждений [9, 5, 29 и др.]. Исследователи сегодня говорят о том, что культурное наследие, представляя для нас материальное

и нематериальное свидетельство памяти, подвергается трансформации в цифровой формат, что приводит к появлению нового феномена «цифрового культурного наследия», «виртуального наследия» или «нового наследия» [20].

Перспективы сегодня связаны с изучением данного феномена, синтеза художественного наследия с виртуальной и дополненной реальностью, искусственным интеллектом, персонализированным контентом и т. д.

Актуализация художественного наследия: систематизация проблем

Выделим те проблемы и вызовы, которые, на наш взгляд, в большей мере подчеркивают остроту вопроса актуализации художественного наследия. Для большей наглядности и конкретизации проявлений мы остановимся на изобразительном искусстве — живописи и графике как значимой части культурного наследия России.

1. *Авторство и подлинность.* Оцифрованная живопись и графика при помощи различных технологий на сегодняшний день широко применяется в мультимедийном сопровождении проектов, виртуальных выставках, образовательных программах, приложениях, при 3D-моделировании предметов и т. д. Интересен вопрос применения оцифрованного культурного наследия в нейронных сетях. Будущее за тем, что нейронные сети дают человеку возможности для художественного самовыражения, динамики, «оживления», «прочувствования», изменения отношений с пространством и временем, «диалога» с автором произведения, «соприкосновения», «соучастия» в создании, синтезе чего-то нового.

Базовые аспекты цифровизации культуры и искусства в России исследуют А. В. Шунков, Л. Г. Тараненко, О. В. Дворовенко обозначают множество преимуществ данной практики [32]: создание цифровых ресурсов культурного наследия; развитие виртуальных пространств; организация и проведение онлайн-мероприятий; развитие образовательных платформ и курсов, связанных с культурным наследием; создание и поддержка социальных сетей и медиаплатформ о культуре и искусстве; разработка и внедрение мобильных приложе-

ний и сервисов и др. Е. А. Колантаевская [18] раскрывает потенциал использования искусственного интеллекта в организациях и учреждениях культуры, а также описывает реальную практику их эффективного применения. Автор указывает на то, что искусственный интеллект может активно применяться в вопросах анализа и реставрации художественных произведений и артефактов.

Но, с другой стороны, возникает проблема соотношения нейронных сетей и искусства. Можно ли «сгенерировать» и не потерять, обесценить ценное? Или же это уже не культурное наследие, а лишь созданные искусственным интеллектом графические изображения, например, имитирующие живописные полотна художников. И кто будет обладать авторством получившегося творческого продукта, иного прочтения взгляда автора произведения, смыслов и ценностей, которые были заложены — разработчики нейронных сетей, художник или человек, который их «сгенерировал»?

Проблемы, связанные с признанием авторского права на изображения, сгенерированные нейронными сетями, поднимаются и обсуждаются в российском научном поле, но вопрос применения оцифрованного культурного наследия при использовании генеративных инструментов проработан мало. С. С. Ипполитов поднимает тему защиты авторских прав в данной области, сохранения национального культурного наследия и исторической памяти от искажения и фальсификации. Автор обеспокоен определением правовых и этических границ использования искусственного интеллекта и подчеркивает, что от этого зависит «образовательный и культурный суверенитет Российской Федерации» [12].

Если рассматривать отношения с художниками-современниками, то вопрос решается путем согласования с ними использования возможностей нейронных сетей. Так, например, на Международном интерактивном фестивале современного искусства ARTLIFE FEST, который состоялся в ноябре 2023 г. в Москве, помимо произведений художников были представлены AR-картины с дополненной реальностью. Посетители через приложение открывали для себя картины с другой стороны, появлялись

дополнительные элементы, герои картин «оживали», можно было увидеть историю, то, что хотел рассказать автор. Данное интерактивное прочтение было согласовано с авторами произведений.

Возвращаясь к культурному наследию, отметим, что несмотря на то, что картины становятся общественным достоянием и их могут использовать все желающие, за ними все равно сохраняется имя автора и то, что он хотел сказать. С вопросом авторства и потери подлинности связан следующий аспект.

2. *Морально-этическая сторона.* Здесь возникает целый ряд вопросов. Может ли картина, созданная нейронной сетью, составить конкуренцию произведению, которое сотворил художник? За тем, что было создано искусственным интеллектом, стоит технология, определенный алгоритм, «неживое», «искусственное». А за искусством, напротив, — «живое» понимание реальности автором (его внутреннее и внешнее), живые герои картин, их история.

Проблему сравнительной оценки произведений, созданных художником и сгенерированных нейронными сетями, анализирует А. Ф. Пантелеев. Автор делает предположение о том, что «человек не способен отличить “созданной” нейросетью картины от созданной рукой художника» [28]. И действительно, многие респонденты не смогли в ходе исследования отличить, какая из картин была сгенерирована нейронной сетью. Но А. Ф. Пантелеев отмечает ряд возможных факторов, повлиявших на восприятие и впечатление людей, и указывает на необходимость продолжения работы в данном направлении. Исследователь признает актуальным высказывание Ю. М. Лотмана о развитии искусства: «...Имитации усваиваются легче, они понятнее» [33, с. 436].

Использование нейронных сетей в процессе оживления картин также имеет неоднозначный характер. Перспектива видится в том, что ожившие картины удивляют, потрясают воображение, заполняя все больше и больше интернет-пространство. Но достаточно яркие, убедительные и впечатляющие изображения и анимация, сгенерированные нейронными сетя-

ми (например, когда оживают реальные люди — герои картин), могут оказывать влияние на чувства и эмоции зрителей, порой отрицательное, зачастую не относящееся к задумке автора.

Разное восприятие возникает и в вопросах применения оцифрованного изобразительного искусства в современной жизни человека, например, уместно ли наносить шедевры на бытовые предметы. Поэтому важным научным направлением сегодня становится изучение этических принципов актуализации культурного наследия. Данные вопросы требуют изучения, исследования и возможных путей решения.

3. *Низкая насмотренность в изобразительном искусстве* — проблемы общественной экспертизы. Об умении видеть, высокой насмотренности в области художественной культуры пишет К. В. Цаликов. По мнению автора, данный термин имеет популярность среди специалистов сфер дизайна или медиакоммуникаций, но крайне редко применяется специалистами и преподавателями в области художественного образования, воспитания и просвещения. Но данный феномен играет немаловажную роль в познании изобразительного искусства, вовлечении и погружении человека в художественно-образное пространство и формировании его визуальной культуры. Насмотренность — это «количество знаний и визуального опыта, которые человек получил в области искусства» [31]. Высокая насмотренность, в отличие от низкой, позволит человеку более точно определить, что перед ним: картина художника или сгенерированное изображение. Субъект видит и оценивает то, что ему предлагается, через призму своего визуального опыта. Положительно влияет на эту способность человека системное приобщение к искусству, его активную, а не пассивную позицию (живое наблюдение, изучение истории искусства, особенностей стилей, техник и жанров, осознание художественной ценности произведения той или иной исторической эпохи и т. д.) Интересна в этом отношении мысль Р. Архнейма в работе «Искусство и визуальное восприятие», где он говорит о том, что «наши глаза превратились в простой инструмент измерения и опознавания — отсюда недостаток идей, которые могут быть выражены в образах,

а также неумение понять смысл того, что мы видим» [2, с. 20].

Перспектива видится в исследовании данного направления, научном обосновании, обозначении и апробации эффективных практик, направленных на формирование насмотренности в изобразительном искусстве. Если мы говорим о детях и молодежи, то это содержание образовательного и воспитательного компонентов программ. Если о взрослых, то это посещение музеев и галерей, прохождение курсов, лекций, участие в челленджах, мастер-классах и т. д.

4. *Разница поколений.* Данный предмет обсуждения описан в рамках теории поколений, основоположниками которой являются два американских исследователя — Нейл Хоуи и Уильям Штраус. Научный подход позволяет условно классифицировать поколения и объяснить отличия во взглядах и восприятии многих вопросов между поколениями. То, что будет понятно, например, поколению X (1967–1984) будет нуждаться в адаптивности подачи материала для поколения альфа (с 2011 г.). Поколение X — это люди, которые участвовали в создании виртуальной реальности, а альфа уже живет в ней с рождения. Для них технологии не пришли, а изначально были. Альфа будет в корне отличаться от предшественников по многим характеристикам и иметь свои отличительные особенности. Для поколений зет и альфа важно корректировать образовательные, воспитательные, просветительские программы и включать в содержание игровые элементы, мемы, использование возможностей искусственного интеллекта, интернет-платформ и др.

Мысль о том, что сегодня важно сокращать дистанцию между культурным наследием и аудиторией, была опубликована в статье редакции «Москвич Маг». «Согласно опросу НАФИ, 95 % посетителей культурных институций — люди старше 55 лет, а молодые россияне признаются, что ни музеи, ни культурные объекты не вызывают у них интереса» [13]. Мультиязычные аудиогиды и экспликации с QR-кодами не удивляют детей и молодежь, по мнению авторов. Игровая форма через гаджеты стала для них привычной, и оптимальным выходом становится обучение через развлечение (edutainment-подход).

Большой спектр научных исследований раскрывает возможные формы актуализации искусства в целом [3; 8; 11 и др.]. Но сегодня встает вопрос о поиске и апробации понятных, уместных форм актуализации культурного наследия для конкретного поколения, особенно для детей и молодежи.

В этом отношении интересен опыт Третьяковской галереи, где для детей проводятся различные занятия, восполняющие дефицит методов и форм работы с детьми. Ключевая особенность — средовой подход. На занятиях дети рисуют, выходят в музейные залы, чтобы посмотреть картины художников, знакомятся со стихотворениями, разными художественными материалами, создают творческие работы и т. д. Прослеживается нестандартный подход к детям, знакомству с произведениями художников (считают оттенки цветов на картинах и др.), диалог с педагогом, искусством, дети становятся активными участниками процесса. Как итог — Третьяковская галерея и ее наследие становятся точкой притяжения для детей и родителей не только города Москвы, но области, а также соседних регионов.

Широко представлен в педагогической науке вопрос форм и методов художественного воспитания, приобщения детей к искусству разного возраста. Методику ознакомления детей дошкольного возраста с произведениями изобразительного искусства рассматривает С. С. Яковлева [34], культурологический подход к изучению искусства современными школьниками поднимает Н. В. Киселева [17], проблему поиска современных технологий приобщения старших дошкольников к изобразительному искусству изучает О. Д. Лукьяненко [23], методические приемы художественной педагогики и воспитательный потенциал русского искусства представлен в работах Е. Н. Бородиной [4], Э. Д. Оганесян раскрывает методы развития эмоционально-ценностного восприятия произведений в младшем школьном возрасте [26] и др. Но вопрос актуализации культурного наследия для детской аудитории по-прежнему мало изучен.

6. *Лакуны профессиональной подготовки и переподготовки кадров, вопросы самообразования* — недостаточное количество

направлений профессиональной подготовки кадров и повышения квалификации в области теории искусств, затрагивающих проблематику актуализации наследия. Кроме того, наблюдается и некоторый разрыв теоретических и практических компетенций специалистов — речь здесь идет о неполноценности теории без практики и наоборот. В связи с вышеобозначенными вопросами важно корректировать уже имеющиеся программы профессиональной подготовки и повышения квалификации педагогов и добавлять новые.

Можно фиксировать и дефицит общепринятых, научно-обоснованных эффективных методик самообразования в области теории искусств. Сегодня это тренд современного мира. Люди испытывают потребности в коротких, ускоренных форматах обучения, микрообучении, растет популярность формата «контент по запросу», происходит трансформация роли педагога-наставника и т. д. Недостает методики самообразовательной ориентации, как организовать самообразование, как понять, что сейчас важно и интересно. Перспектива связана с исследованием этой области, есть ли какая-то системность в этом вопросе, нужна ли она или ее нужно выстраивать?

7. *Нехватка офлайн-составляющей образования и самообразования в области теории искусства.* Люди хотят найти в рамках процесса единомышленников, группы по интересам и быть в «живой» среде. Очное образование становится сегодня элитарным. Кругом большое количество вебинаров, онлайн-курсов, где обратная связь очень скудна или вовсе ее нет. Образование, просвещение и самообразование в таком формате нередко обезличены. А ведь искусство — это диалог живого с живым. Никакая «цифра» не восполнит этот запрос. Очный формат — это размышления, разные мнения. Процесс понимания и восприятия человека невозможно оцифровать. Это должно проходить в среде, культурной и художественной коммуникации.

Научные изыскания представлены как сравнение онлайн и офлайн образования в целом, и ученые сходятся во мнении, что перспективно направление коллаборации данных форматов (онлайн и офлайн). Об

этом пишут Е. А. Гаджиева, С. А. Арутюнян, Н. В. Соловьева [6], Г. В. Сорокина [30] и др. И вопрос изучения нехватки офлайн-составляющей образования и самообразования в области теории искусства остается перспективным для исследования.

8. *Огромный пласт изобразительного искусства не оцифрован.* Парадоксальным образом нехватка офлайн-форматов не восполняется и тотальностью цифровизации. Это означает, что наследие недоступно для широкого пользования в печатной и электронной форме с целью актуализации. И является ли это вообще реальностью? И хотя сегодня государство предпринимает активные попытки по оцифровке имеющихся фондов, все же говорить о том, что художественное наследие сегодня обретает полностью цифровой формат, пока не приходится. Процесс идет медленно и сложно, так как это многоступенчатый процесс, требующий разнообразных ресурсов.

9. *Рамки закрытости достояния* — наблюдается некоторая закрытость государственных учреждений в части продвижения и актуализации культурного наследия; сотрудничества с частными инициативами; распространения мерч-товаров, книжной, сувенирной продукции и др. Примером может служить то, что большинство музеев представляют свою уникальную, самобытную, отсылающую нас к той или иной культурной ценности продукцию только в стенах учреждения и, как правило, не выходят за его пределы. Удобным форматом здесь будет наличие интернет-магазинов или еще более актуальным — выход организаций и учреждений на маркетплейсы. Так, можно найти сувенирную, книжную продукцию и др. Федерального государственного бюджетного учреждения культуры «Государственный Эрмитаж» в Эрмитажном интернет-магазине и на популярных маркетплейсах — Ozon и Wildberries.

Одним из вариантов такой «закрытости» информации может выступать и недостаточная популяризация знаменательных и памятных дат, связанных с искусством в Интернет-пространстве. В связи с этим наблюдается снижение информационной повестки, сдвиг ракурса на более популярные, но при этом не

отвечающие культурологическому аспекту, сведения. Позитивным явлением стало объявление 2022 г. в Российской Федерации Годом культурного наследия народов России. Этот временной период позволил повысить интерес к культурным ценностям, переработать событийный ряд различных организаций и учреждений.

10. *Конфликт специализаций* — то есть несогласованность, порой даже противоборство, конфликт научных точек зрения в вопросах актуализации изобразительного искусства.

Первый лагерь представляют исследователи (как правило, культурологи, педагоги и психологи), предлагающие применять цифровые возможности в постижении искусства. Второй противоборствующий лагерь — своеобразных «экспертов-охранителей» видит во внедрении инновационных технологий путь к культурной атрофии общества. Проблему противоборства обозначают К. И. Олешкевич, Т. М. Авдеева. Такая противоречивость, по мнению авторов, «типичная проблема на первичных этапах роста любых нововведений, вторгающихся в привычный порядок вещей и угрожающих человеческой цивилизации» [27].

Заключение

Цифровая культура, будучи неотъемлемой частью современной культуры, охватывает не только владение и применение современных цифровых технологий, но и формирующуюся систему общественных отношений, обусловленную их использованием, порождает новые социальные нормы, ценности, определенные культурные коды. «Интернет во всем разнообразии его приложений является коммуникативной материей нашей жизни, охватывающей работу, личные связи и социальные взаимодействия в социальных сетях, информацию,

развлечения, общественные услуги, политику и религию», — пишет М. Кастельс [16, с. 83]. Широкое использование цифровых технологий нарушает границы реальности физической и виртуальной, поэтому все чаще используются термины «смешанная реальность», «дополненная реальность», «псевдореальность», отражающие конвергенцию физического и цифрового миров.

Взаимопроникновение жизненной и цифровой реальностей порождает проблему культурной трансформации, точнее, речь идет о проблеме взаимодействия культурных кодов (которые транслируются цифровой культурой) с уже существующими культурными кодами, в определенной степени традиционной, культуры (по Л. Н. Мешковой [25]). Вследствие этого возникает ряд вопросов, связанных с влиянием цифровой культуры на уже сложившуюся систему ценностей, имеющую культурную картину мира, появление новых аксиологических и деонтологических проблем. Актуальной и многогранной проблемой становится взаимодействие цифровой культуры и ценностей региональной, национальной, этнической культур, так как их объединение создает среду, в которой происходит социализация подрастающего, «цифрового», поколения.

Несмотря на все вышеуказанные проблемы и вызовы цифровизации, абсолютно точно можно утверждать, что Россия в XXI в. имеет большой потенциал для актуализации художественного наследия и благоприятные перспективы воздействия на цифровое поколение. Важным является объединение государства, научного сообщества и общественности в этом направлении, а главными шагами, заделом на будущее — ответственность, просветительская деятельность и культурные инициативы.

Список литературы

1. Актуальные вопросы государственной охраны объектов культурного наследия // Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации. — URL: <http://council.gov.ru/activity/activities/roundtables/144243> (дата обращения: 17.11.2024).
2. Арнхейм, Р. Искусство и визуальное восприятие : [пер. с англ.] / Р. Арнхейм. — Стер. изд. — Москва : Архитектура-С, 2007. — 391 с.
3. Архипова, О. Б. Современные формы актуализации художественного наследия в музее: Опыт специальных программ Государственного Эрмитажа : автореф. дис. ... канд. искус-

- ствования / О. В. Архипова ; С.-Петерб. гуманитар. ун-т профсоюзов. — Санкт-Петербург, 2004. — 23 с.
4. Бородина, Е. Н. Нравственно-патриотическое воспитание детей старшего дошкольного возраста в полихудожественной деятельности : автореф. дис. ... канд. пед. наук / Е. Н. Бородина ; Челяб. гос. пед. ун-т. — Челябинск, 2016. — 23 с.
 5. Быкова, П. И. Цифровое искусство как новый канал коммуникации и предмет репрезентации в российских медиа / П. И. Быкова // Международный научно-исследовательский журнал. — 2024. — № 3 (141). — URL: <https://research-journal.org/media/articles/11587.pdf> (дата обращения: 17.11.2024).
 6. Гаджиева, Е. А. Образование будущего: коллаборация онлайн- и офлайн-образования. Проблемы и перспективы / Е. А. Гаджиева, С. А. Арутюнян, Н. В. Соловьева // Экономические системы. — 2020. — № 4. — С. 125–135.
 7. Герцберг, Л. Я. Социально-экономические аспекты сохранения историко-культурного наследия / Л. Я. Герцберг // Народонаселение. — 2016. — № 4. — С. 85–93.
 8. Горелова, Ю. Р. Актуализация культурного наследия как значимая задача культурной политики / Ю. Р. Горелова // Журнал института наследия. — 2016. — № 4 (7). — URL: <https://sciup.org/aktualizacija-kulturnogo-nasledija-kak-znachimaja-zadacha-kulturnoj-politiki-170173253> (дата обращения: 17.11.2024).
 9. Горлова, И. И. Концептуализация и институционализация понятия «цифровое культурное наследие» / И. И. Горлова, А. Л. Зорин, А. В. Крюков // Вестник Томского государственного университета. — 2019. — № 449. — С. 102–108.
 10. Гребенникова, Т. Г. История и методология исследования культурного и природного наследия : учеб. пособие / Т. Г. Гребенникова. — Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2013. — 116 с.
 11. Демина, С. А. Актуализация образовательного потенциала культурного наследия в современном культурно-образовательном пространстве / С. А. Демина // Современная педагогика. — 2014. — № 3. — URL: <https://pedagogika.snauka.ru/2014/03/2149> (дата обращения: 17.11.2024).
 12. Ипполитов, С. С. Искусственный интеллект как деструктивный фактор в гуманитарном образовании, исторической науке и творческих индустриях: к постановке проблемы / С. С. Ипполитов // Новый исторический вестник. — 2024. — № 81 (3). — С. 215–228.
 13. Как используются технологии в музеях и галереях // Москвич Mag. — URL: <https://moskvichmag.ru/gorod/ar-i-nejroseti-kak-ispolzuyutsya-tehnologii-v-muzeyah-i-galereyah/> (дата обращения: 17.11.2024).
 14. Каменский, С. Ю. Актуализация археологического наследия в современных социально-культурных практиках : автореф. дис. ... канд. культурологии / С. Ю. Каменский ; Урал. гос. ун-т им. А. М. Горького. — Екатеринбург, 2009. — 26 с.
 15. Карпова, Г. А. Коммодификация нематериального культурного наследия в системе услуг культурного туризма / Г. А. Карпова, Л. В. Хорева // Сервис в России и за рубежом. — 2016. — № 9 (70). — С. 6–14.
 16. Кастельс, М. Галактика Интернет: размышления об Интернете, бизнесе и обществе / М. Кастельс ; [пер. с англ. А. Матвеева под ред. В. Харитоновой]. — Екатеринбург : У-Фактория : Изд-во Гуманит. ун-та, 2004. — 327 с.
 17. Киселева, Н. В. Культурологический подход к изучению искусства современными школьниками : дис. ... кандидата культурологии / Н. В. Киселева ; Ярослав. гос. пед. ун-т им. К. Д. Ушинского. — Ярославль, 2009. — 189 с.
 18. Колантаевская, Е. А. Использование искусственного интеллекта в работе учреждений социально-культурной деятельности / Е. А. Колантаевская // Актуальные исследования. —

2023. — № 44 (174). — URL: <https://apni.ru/article/7298-ispolzovanie-iskusstvennogo-intellekta-v-rabo> (дата обращения: 17.11.2024).
19. Кондаков, И. В. Культурное наследие: действительное и мнимое / И. В. Кондаков // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. — 2016. — № 2. — С. 9–16.
20. Краснова, Е. Л. Сохранение и трансляция культурного наследия в цифровую эпоху: к построению модели / Е. Л. Краснова // Музей. Памятник. Наследие. — 2022. — № 1 (11). — С. 134–140.
21. Курьянова, Т. С. Сохранение и актуализация культурного наследия : учеб. пособие / науч. ред. О. М. Рындина. — Томск : Изд. дом ТГУ, 2014. — 82 с.
22. Логинова, М. В. Актуализация культурного наследия в контексте задач современной культурной политики / М. В. Логинова // Сфера культуры. — 2021. — № 4 (6). — С. 73–79.
23. Лукьяненко, О. Д. Современные технологии приобщения старших дошкольников к изобразительному искусству (на примере книжной графики) / О. Д. Лукьяненко // Педагогический журнал. — 2022. — № 6-1. — С. 235–243.
24. Мастеница, Е. Н. Актуализация культурного наследия в музее: вызовы современности / Е. Н. Мастеница // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. — 2020. — № 50. — С. 14–22.
25. Мешкова, Л. Н. Цифровые технологии как фактор трансформации культуры / Л. Н. Мешкова // Вестник Бурятского государственного университета. Философия. — 2020. — № 3. — С. 53–60.
26. Оганесян, Э. Д. Методы развития у младших школьников эмоционально-ценностного восприятия произведений изобразительного искусства: практикум по дисциплине «Музей и дети» : учеб. пособие / Э. Д. Оганесян ; Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург : [б. и.], 2018. — URL: <http://elar.uspu.ru/bitstream/uspu/9002/1/uch00246.pdf> (дата обращения: 17.11.2024).
27. Олешкевич, К. И. Современное состояние и перспективы развития технологий искусственного интеллекта в сфере культуры / К. И. Олешкевич, Т. М. Авдеева // Актуальные исследования. — 2021. — № 8 (35). — С. 22–25.
28. Пантелеев, А. Ф. Проблема сравнительной оценки картин, созданных художником и сгенерированных нейросетью / А. Ф. Пантелеев // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Философия. Психология. Педагогика. — 2023. — № 3. — С. 326–330.
29. Сизова, И. А. Цифровизация музеев: трудности, успехи, перспективы (по материалам социологического исследования) / И. А. Сизова, В. Э. Гордин // Информационное общество. — 2022. — № 4. — С. 35–44.
30. Сорина, Г. В. Современное образовательное пространство: взаимодействие между онлайн- и офлайн-образованием / Г. В. Сорина // Ценности и смыслы. — 2019. — № 3 (61). — С. 6–22.
31. Цаликов, К. В. Умение видеть: насмотренность как компонент формирования художественного вкуса / К. В. Цаликов // Научный аспект. — 2024. — № 2. — URL: <https://na-journal.ru/2-2024-kultura-iskusstvo/9442-umenie-videt-nasmotrennost-kak-komponent-formirovaniya-hudozhestvennogo-vkusa> (дата обращения: 17.11.2024).
32. Шунков, А. В. Феномен цифровизации культуры и искусства в России / А. В. Шунков, Л. Г. Тараненко, О. В. Дворовенко // Мир русскоговорящих стран. — 2024. — С. 105–128.
33. Ю. М. Лотман и тартуско-московская семиотическая школа : [сборник]. — Москва : Гнозис, 1994. — 547 с.

34. Яковлева, С. С. Методика ознакомления детей дошкольного возраста с произведениями изобразительного искусства / С. С. Яковлева // Научное обозрение. Педагогические науки. — 2019. — № 4 (1). — С. 138–141.

Получено 20.11.2024

Zlata D. Anisina

Post-graduate student
of the Philosophy and Culturology Chair
Chelyabinsk State Institute
of Culture and Arts, Chelyabinsk, Russia
E-mail: anisina.zlata94@gmail.com

**Artistic Heritage Updating in the Digitalization of Culture Context
(on the Example of Visual Art)**

The article considers the problems of cultural heritage updating. The author raises the questions connected with the protection, usage and state security of the cultural heritage sites. The article describes different approaches to cultural heritage updating understanding. It touches the commodification and digitalization problems of cultural heritage and systematizes the problems and perspectives in artistic heritage updating such as authorship and authenticity, the moral and ethical side, low visibility in visual art as well as the public expertise problems, generations difference, gaps in staff professional training and refresher courses, self-education issues, lack of off-line counterpart in education in the field of art theory when a large layer of visual art hasn't been digitalized, when the heritage framework is rather narrow and sometimes simple closed and some specializations are in conflict. The author draws a conclusion that despite all the above-mentioned problems and challenges, Russia in XXI century possesses a large potential for its cultural heritage updating and rather favorable prospects for the future. The author stresses that the unity of the state, scientific community and the public are of the utmost importance.

Keywords: updating, cultural heritage, artistic heritage, artistic heritage updating, visual art, digital culture, digitalization

For citing: Anisina Z. D. 2024. Artistic Heritage Updating in the Digitalization of Culture Context (on the Example of Visual Art). *Vestnik kultury i iskusstv [Culture and Arts Herald]*. No 4 (80): 43–55. (In Russ.).

References

1. Current issues of state protection of cultural heritage sites. *Sovet Federacii Federal'nogo Sobraniya Rossijskoj Federatsii [The Federation Council of the Federal Assembly of the Russian Federation]*. Available from: <http://council.gov.ru/activity/activities/roundtables/144243> (accessed: 17.11.2024). (In Russ.).
2. Arnheim R. 2007. *Iskusstvo i vizual'noe vospriyatie [Art and visual perception]*. Moscow: Arhitektura-S. 391 p. (In Russ.).
3. Arhipova O. B. 2004. *Sovremennye formy aktualizacii hudozhestvennogo naslediya v muzei: opyt special'nyh programm Gosudarstvennogo Ermitazha [Modern forms of actualization of the artistic heritage in the museum: The experience of special programs of the State Hermitage Museum]*. Abstract of thesis. St. Petersburg. 23 p. (In Russ.).
4. Borodina E. N. 2016. *Nravstvenno-patrioticheskoe vospitanie detej starshego doshkol'nogo vozrasta v polihudozhestvennoj deyatel'nosti [Moral and patriotic education of children of senior preschool age in poly-artistic activity]*. Abstract of thesis. Chelyabinsk. 23 p. (In Russ.).

5. Bykova P. I. 2024. Digital art as a new communication channel and subject of representation in Russian media. *Mezhdunarodnyj nauchno-issledovatel'skij zhurnal* [International Scientific Research Journal]. No 3 (141). Available from: <https://research-journal.org/media/articles/11587.pdf> (accessed: 17.11.2024). (In Russ.).
6. Gadzhieva E. A., Arutyunyan S. A., Solov'eva N. V. 2020. Education of the future: collaboration of online and offline education. Problems and prospects. *Ekonomicheskie sistemy* [Economic systems]. No 4: 125–135. (In Russ.).
7. Gercberg L. Ya. 2016. Socio-economic aspects of the preservation of historical and cultural heritage. *Narodonaselenie* [Population]. No 4: 85–93. (In Russ.).
8. Gorelova, Yu. R. 2016. Actualization of cultural heritage as a significant task of cultural policy. *Zhurnal instituta naslediya* [Journal of the Heritage Institute]. No 4 (7). Available from: <https://sciup.org/aktualizacija-kulturnogo-nasledija-kak-znachimaja-zadacha-kulturnoj-politiki-170173253> (accessed: 17.11.2024). (In Russ.).
9. Gorlova I. I., Zorin A. L., Kryukov A. V. 2019. Conceptualization and institutionalization of the concept of “digital cultural heritage. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Tomsk State University]. No 449: 102–108. (In Russ.).
10. Grebennikova T. G. 2013 *Istoriya i metodologiya issledovaniya kul'turnogo i prirodnogo naslediya* [History and methodology of research of cultural and natural heritage]. Barnaul: Izdatel'stvo Altajskogo universiteta. 116 p. (In Russ.).
11. Demina S. A. 2014. Actualization of the educational potential of cultural heritage in the modern cultural and educational space. *Sovremennaya pedagogika* [Modern pedagogy]. No 3. Available from: <https://pedagogika.snauka.ru/2014/03/2149> (accessed: 17.11.2024). (In Russ.).
12. Ippolitov S. S. 2024. Artificial intelligence as a destructive factor in humanitarian education, historical science and creative industries: towards the formulation of the problem. *Novyj istoricheskij vestnik* [New Historical Bulletin]. No 81 (3): 215–228. (In Russ.).
13. How technology is used in museums and galleries. *Moskvich Mag*. Available from: <https://moskvichmag.ru/gorod/ar-i-nejroseti-kak-ispolzuyutsya-tehnologii-v-muzeyah-i-galereyah> (accessed: 17.11.2024). (In Russ.).
14. Kamenskij S. Yu. 2009. Aktualizaciya arheologicheskogo naslediya v sovremennyh social'no-kul'turnyh praktikah [Actualization of archaeological heritage in modern socio-cultural practices]. Abstract of thesis. Ekaterinburg. 26 p. (In Russ.).
15. Karpova G. A., Horeva L. V. 2016. Commodification of intangible cultural heritage in the system of cultural tourism services. *Servis v Rossii i za rubezhom* [Service in Russia and abroad]. No 9 (70): 6–14. (In Russ.).
16. Kastel's M. 2004. Galaktika Internet: razmyshleniya ob Internetе, biznese i obshchestve [Galactica Internet: reflections on the Internet, business and society. Ekaterinburg: U-Faktoriya. 327 p. (In Russ.).
17. Kiseleva N. V. 2009. Kul'turologicheskij podhod k izucheniyu iskusstva sovremennymi shkol'nikami [Cultural approach to the study of art by modern schoolchildren]. Thesis. Yaroslavl', 189 p. (In Russ.).
18. Kolantaevskaya E. A. 2023. Ispol'zovanie iskusstvennogo intellekta v rabote uchrezhdenij social'no-kul'turnoj deyatel'nosti. *Aktual'nye issledovaniya* [Actual research]. No 44 (174). Available from: <https://apni.ru/article/7298-ispolzovanie-iskusstvennogo-intellekta-v-rabo> (accessed: 17.11.2024). (In Russ.).
19. Kondakov I. V. 2016. Cultural heritage: real and imaginary. *Vestnik RGGU. Seriya: Literaturovedenie. Yazykoznanie. Kul'turologiya* [Bulletin of the Russian State University. Series: Literary Studies. Linguistics. Cultural studies]. No 2: 9–16. (In Russ.).
20. Krasnova E. L. 2022. Preservation and broadcasting of cultural heritage in the digital age: towards building a model. *Muzej. Pamyatnik. Nasledie* [Museum. Monument. Heritage]. No 1 (11): 134–140. (In Russ.).
21. Kur'yanova T. S. 2014. Sohranenie i aktualizaciya kul'turnogo naslediya [Preservation and actualization of cultural heritage]. Tomsk: Izdatel'skij dom TGU. 82 p. (In Russ.).
22. Loginova M. V. 2021. Actualization of cultural heritage in the context of the tasks of modern cultural policy. *Sfera kul'tury* [Sphere of culture]. No 4 (6): 73–79. (In Russ.).

23. Luk'yanenko O. D. 2022. Modern technologies for introducing older preschoolers to fine art (on the example of book graphics). *Pedagogicheskij zhurnal [Pedagogical Journal]*. No 6-1: 235-243. (In Russ.).
24. Mastenitsa E. N. 2020. Actualization of cultural heritage in the museum: challenges of modernity. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv [Bulletin of the Kemerovo State University of Culture and Arts]*. No 50: 14-22. (In Russ.).
25. Meshkova L. N. 2020. Digital technologies as a factor of culture transformation. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya [Bulletin of the Buryat State University. Philosophy]*. No 3: 53-60. (In Russ.).
26. Oganessian E. D. 2018. Metody razvitiya u mladshih shkol'nikov emocional'no-cennostnogo vospriyatiya proizvedenij izobrazitel'nogo iskusstva: praktikum po discipline «Muzej i deti»: uchebnoe posobie [Methods of developing emotional and value perception of works of fine art in younger schoolchildren: a workshop on the discipline "Museum and children"]. Ekaterinburg. Available from: <http://elar.uspu.ru/bitstream/uspu/9002/1/uch00246.pdf> (accessed: 17.11.2024). (In Russ.).
27. Oleshkevich K. I., Avdeeva T. M. 2021. The current state and prospects for the development of artificial intelligence technologies in the field of culture. *Aktual'nye issledovaniya [Current research]*. No 8 (35): 22-25. (In Russ.).
28. Panteleev A. F. 2023. The problem of comparative evaluation of paintings created by the artist and generated by a neural network. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya Filosofiya. Psihologiya. Pedagogika [News of the Saratov University. A new series. Philosophy series. Psychology. Pedagogy]*. No 3: 326-330. (In Russ.).
29. Sizova I. A., Gordin V. E. 2022. Digitalization of museums: difficulties, successes, prospects (based on the materials of a sociological study). *Informacionnoe obshchestvo [Information Society]*. No 4: 35-44. (In Russ.).
30. Sorina G. V. 2019. Modern educational space: interaction between online and offline education. *Tsennosti i smysly [Values and meanings]*. No 3 (61): 6-22. (In Russ.).
31. Tsalikov K. V. 2024. The ability to see: viewing as a component of the formation of artistic taste. *Nauchnyj aspekt [Scientific aspect]*. No 2. Available from: <https://na-journal.ru/2-2024-kultura-iskusstvo/9442-umenie-videt-nasmotrennost-kak-komponent-formirovaniya-hudozhestvennogo-vkusa> (accessed: 17.11.2024). (In Russ.).
32. Shunkov A. V., Taranenko L. G., Dvorovenko O. V. 2024. The phenomenon of digitalization of culture and art in Russia. *Mir russkogovoryashchih stran [The world of Russian-speaking countries]*. Pp. 105-128. (In Russ.).
33. Yu. M. Lotman i tartusko-moskovskaya semioticheskaya shkola [Yu. M. Lotman and the Tartu-Moscow semiotic school]. 1994. Moscow: Gnozis. 547 p. (In Russ.).
34. Yakovleva S. S. 2019. The methodology of familiarization of preschool children with works of fine art. *Nauchnoe obozrenie. Pedagogicheskie nauki [Scientific review. Pedagogical sciences]*. No 4 (1): 138-141. (In Russ.).

Received 20.11.2024

Марина Игоревна Беспалова

аспирант отдела теории
и истории культуры

Научно-исследовательский институт
гуманитарных наук
при Правительстве
Республики Мордовия,
Саранск, Россия

E-mail: mbespalova2013@yandex.ru

ORCID 0000-0003-2739-1956

Ирина Валерьевна Лаптева

доктор философских наук

главный научный сотрудник,
заведующий отделом
теории и истории культуры

Научно-исследовательский институт
гуманитарных наук
при Правительстве
Республики Мордовия,
Саранск, Россия

E-mail: laptevaiv@yandex.ru

ORCID 0000-0002-0444-4237

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ
ПРОДВИЖЕНИЯ ТУРИСТИЧЕСКИХ ПРОЕКТОВ В СМИ**

Актуальность темы выражается в необходимости эффективного продвижения туристических проектов в условиях растущей конкуренции на рынке туристических услуг. В данной статье рассматриваются проблемы и перспективы популяризации туристических предложений в средствах массовой информации. Основное внимание уделено анализу преимуществ и недостатков различных инструментов продвижения туризма. На основе анкетирования потребителей определяются основные барьеры, с которыми сталкиваются представители туристической индустрии при использовании СМИ. В заключении приведены конкретные рекомендации по улучшению медиастратегий.

Ключевые слова: туризм, продвижение туризма, средства массовой информации, СМИ, социальные сети, маршруты, туристические объекты

Для цитирования: Беспалова, М. И. Актуальные проблемы и перспективы продвижения туристических проектов в СМИ / М. И. Беспалова, И. В. Лаптева // Вестник культуры и искусств. — 2024. — № 4 (80). — С. 56–65.

Сегодня индустрия туризма — это важная часть экономики, охватывающая множество отраслей, которые создают и предлагают физические и нефизические туристические продукты. Товары и услуги такого рода предназначены для удовлетворения потребностей туристов и

соответствуют базовым целям туризма — познавательной, развлекательной, рекреационной [2, с. 43].

Развитие туризма в России заметно стимулирует экономический рост. Создание новых рабочих мест и оживление тех или иных

сфер деятельности (например, транспортной и социальной) — вот лишь некоторые из преимуществ данного процесса. В отличие от узконаправленного гостиничного бизнеса, инфраструктура туризма задействует связь, питание, культуру, торговлю, спорт, здравоохранение и другое [2].

Отечественный туризм представляется не просто локальным явлением. Это элемент глобального рынка, способный заинтересовать и привлечь зарубежных гостей со всего мира. За последние два года уровень туристической привлекательности значительно повысился, расширилось и поле деятельности, простираясь далеко за пределы Москвы и Санкт-Петербурга. По утверждению Д. А. Свистуновой, «новые туристические маршруты прокладываются во всех регионах — от Дальнего Востока до Калининграда. Причем география поездок иностранных туристов постоянно расширяется, включая все больше регионов страны. Внутренний туризм также набирает обороты в ряде традиционных мест: Москва, Санкт-Петербург, “Золотое кольцо”, Крым и Краснодарский край. Сибирские регионы (Алтайский край, Кемеровская область, Иркутская область, Бурятия) и Дальний Восток демонстрируют активный рост туристического потока в последние годы» [7, с. 1].

Маркетинговая политика Федерального агентства по туризму (Ростуризм) акцентирует внимание на развитии инфраструктуры как ключевом факторе успешного продвижения туризма в России [6]. Приоритетной задачей становится создание благоприятных условий для туристических маршрутов во всех регионах страны.

Отечественные ученые (Л. А. Бурняшева, А. В. Елисеев, А. И. Зырянов, С. В. Фатова и др.) в своих работах углубленно изучают вопросы создания конкурентоспособных туристических продуктов и разработки эффективных маркетинговых стратегий для их продвижения. При этом выделяются различные аспекты медийности туристических продуктов: проблемы трэвел-журналистики, потенциал инструментов маркетинговых коммуникаций для развития медиаиндустрии, влияние индустрии туризма на социокультурное и эконо-

мическое развитие российских территорий, специфика взаимодействия со **средствами массовой информации** (далее — СМИ) и т. п.

В расширении спектра туристических услуг и продуктов заинтересовано каждое государство, и Россия не является исключением [5]. На внутреннем и внешнем рынках нашей страны вкладываются финансовые средства в законодательную базу туризма благодаря принятым стратегиям, целевым госпрограммам, развитию инфраструктуры, привлечению инвестиций в отрасль и пр.

По указу Президента РФ во всех субъектах Российской Федерации были созданы информационно-туристические центры (ИТЦ), которые в открытом доступе делятся информацией о турпродуктах, экскурсионных маршрутах, достопримечательностях и иных мероприятиях. В ИТЦ продают билеты на общественный транспорт, предоставляют карты и буклеты с важной информацией. Кроме того, посетители могут приобрести сувениры и изделия, сделанные местными ремесленниками.

Медийность туристических проектов заметно поддерживается национальным порталом Russia.Travel, редакционная группа которого тесно взаимодействует с отдаленными от центра территориями, поставляя актуальную и полную информацию. На портале в рубриках выставляются анонсы мероприятий, важные для туристов рекомендации по маршрутам и др.

Помимо создания инфраструктуры и информационного обеспечения, важным аспектом оказывается формирование спроса на туристические услуги. Для этого в настоящее время активно разрабатываются уникальные и интересные туристические маршруты, которые учитывают как культурные, так и природные особенности регионов; открываются туристические офисы, где каждый желающий может получить полную информацию о доступных услугах и консультации по вопросам планирования поездок и выбора наиболее подходящих предложений.

Присутствие туристических организаций в популярных блогах, микроблогах, форумах, сайтах отзывов, а также фото- и видеохостингах позволяет оперативно распространять ин-

формацию о новых туристических предложениях и акциях, проводить прямые трансляции с мероприятий. Социальные сети, такие как «ВКонтакте» и «Одноклассники», обладают рядом свойств, которые делают их особенными. В первую очередь речь об интерактивности — возможности общения и обмена контентом между пользователями в режиме реального времени. Кроме того, социальные сети характеризуются доступностью, мобильностью и удобством для создания и поддержания коммуникации. В них пользователи могут объединяться в сообщества по интересам, что помогает туристическим компаниям улучшить отношения с клиентами. Эти платформы позволяют использовать адресные рассылки и таргетированную рекламу для продвижения туристических услуг, помогают создавать положительный имидж компании за счет активного взаимодействия с аудиторией через посты и лайки. Такие страницы часто привлекают больше внимания, чем обычные сайты, так как их легче найти через поиск или по рекомендациям пользователей в самих сетях [1, с. 160].

В России вопросы информационного сопровождения туризма распределены между федеральными, региональными и местными органами власти, а также самими туристическими объектами. Такой подход обеспечивает системный охват всех аспектов информационной работы и способствует эффективному продвижению туристического потенциала страны [3].

1. Федеральный уровень. Министерство культуры Российской Федерации является главным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере культуры, включая туризм.

В структуре Министерства культуры России туризмом занимается Департамент развития туризма и индустрии народных художественных промыслов.

Федеральное агентство по туризму¹ (далее — ФАТ) является федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию

в сфере туризма. ФАТ разрабатывает Стратегию развития туризма в Российской Федерации на период до 2035 года, где определены цели и задачи отрасли, приоритеты её развития и механизмы достижения результатов.

Агентство реализует Федеральную целевую программу «Развитие внутреннего и въездного туризма в Российской Федерации на 2019–2025 годы», направленную на повышение качества туристических услуг в России, конструирование условий для развития отечественного туризма и увеличение турпотока.

Кроме того, разрабатываются методические материалы для туристической отрасли (рекомендации по разработке туристических продуктов, стандарты качества обслуживания туристов, методические пособия для обучения персонала и пр.), обеспечивается информационное сопровождение федеральных целевых программ в СМИ и освещается ввод в эксплуатацию новых туристических объектов как в России, так и за рубежом.

2. Региональный уровень. Региональные органы власти реализуют федеральные приоритеты развития туризма на местах: разрабатывают региональные программы развития туризма, в которых учитываются особенности и потенциал региона, поддерживают туристические предприятия, предоставляя им налоговые льготы, субсидии и другие виды помощи, создают благоприятный инвестиционный климат для развития туристской инфраструктуры. Они снабжают также образовательные учреждения методическими материалами (программы обучения и учебники по специальности «Туризм»), повышают квалификацию кадров туристической отрасли путем организации курсов повышения квалификации и семинаров, освещают туристические продукты (туристические маршруты, достопримечательности и события) в региональных СМИ (пресс- и пострелизы), на региональных телеканалах и радиостанциях, на туристических выставках и ярмарках, на сайтах и в социальных сетях.

3. Местный уровень. Непосредственно туристические объекты обязаны соблюдать федеральные и региональные приоритеты развития туризма, т. е. разрабатывать продукты, соответствующие предложениям и спросу

¹ URL: <https://tourism.gov.ru>.

на рынке; обеспечивать высокое качество обслуживания туристов; соблюдать санитарные нормы и правила. Доминирующую позицию занимает информационная открытость деятельности: публикация в открытом доступе информации о своих услугах, ценах и контактных данных; соответствие запросам туристов о предоставляемых услугах; участие в опросах и исследованиях, проводимых органами власти.

В дополнение проводятся информационные мероприятия (экскурсии, мастер-классы, дегустации; ярмарки, фестивали и др.) с распространением рекламных материалов и привлечением таким способом туристов. Немаловажную роль играет информирование региональных властей о своей деятельности, мероприятиях и праздниках, то есть предоставление отчетов о своей работе, информации о проводимых мероприятиях и праздниках, участие в разработке и реализации региональных программ развития туризма.

Важнейшим условием эффективного информационного сопровождения туризма является координация действий на всех уровнях управления. Только при слаженной работе федеральных, муниципальных органов власти, а также туристических объектов возможно создание единого информационного (в сфере туризма) пространства, способствующего развитию туристического потенциала российских территорий и привлечению потребителей.

Результативность формирования туристического имиджа России, крупных городов и провинций сегодня во многом зависит от работы средств массовой информации. СМИ активно создают привлекательный образ страны, способствуя экспорту туристических услуг. Одним из ключевых инструментов продвижения является освещение событийного туризма, благодаря которому туристы могут окунуться в уникальную атмосферу различных регионов. Это положительно влияет на социокультурное развитие территорий и привлекает дополнительных инвесторов с финансовыми ресурсами.

Абсолютно все виды СМИ могут способствовать развитию туризма, но при этом необходимо учитывать особенности и возможности их влияния. Последние также зависят от объекта, который продвигается через СМИ [3].

Так, в сфере туризма выделяют несколько главных объектов продвижения:

1. Конкретный туристический продукт.

В таком случае продвигается туристическое предложение определенного туристического оператора. С этой целью используется прямая реклама, которая может быть размещена в печатных СМИ, на радио и телевидении, в интернет-СМИ и т. д.

2. **Определенное туристическое предприятие.** В таких случаях говорят о так называемой имиджевой рекламе, целью которой выступает формирование благоприятного образа компании в глазах потребителей, укрепление лояльности уже существующих клиентов и т. д. С целью такого продвижения могут также использоваться различные виды СМИ. При этом зачастую используется механизм как прямой, так и косвенной (скрытой) рекламы, освещение в СМИ событийных мероприятий с участием конкретной туристической организации.

3. **Туристские дестинации** (пер. с англ. — место назначения или местонахождение), вошедшие в середине 1980-х гг. в современную науку благодаря Лейперу и закрепленные в конце XX в. как «территория прибытия» Всемирной туристской организации [9, с. 139–140], имеют территориальный смысл (регион, ареал, физико-географический объект, пункт, топоним и т. п.) [3, с. 258]. Для продвижения туристских дестинаций могут использоваться все виды СМИ, но наиболее перспективными в данном направлении являются:

- развлекательные печатные издания, которые публикуют фото из туристических дестинаций и размещают на своих страницах объемные статьи с описанием возможностей отдыха в тех или иных регионах мира или страны;
- телевизионные программы о путешествиях и туризме, которые наглядно демонстрируют красоту природы и возможности проведения досуга в той или иной туристской дестинации;
- интернет-СМИ, в частности видеоблоги, каналы, которые также предлагают зрителям видео с демонстрацией отдыха в различных регионах страны или мира.

Так, в зависимости от поставленной цели и объекта продвижения в туризме могут использоваться различные виды СМИ: телевидение, радио, печатные издания, интернет-СМИ (онлайн-издания, блоги, соцсети и т. д.) [4, с. 259].

Эффективность популяризации туристических объектов и регионов зависит от верного определения сегмента потребителей (целевой аудитории) в соответствии с их потребностями в период как высокого, так и низкого спроса на туристические услуги. Значимую роль играет действенная маркетинговая программа и своевременное информационное освещение в СМИ [8].

В современной медиаиндустрии существует значительное количество актуальных инструментов продвижения, которые могут успешно использоваться как самостоятельно, так и в комплексе. Успешный специалист по продвижению должен тщательно разбираться в особенностях каждого из них, осознавая его возможности с точки зрения охвата аудитории, частоты показов и силы воздействия на потенциальных клиентов [7, с. 71]. С целью выявления проблем и перспектив использования СМИ для развития туризма нами было организовано анкетирование потребителей — потенциальных туристов.

Исследование было проведено в одном из крупных торговых центров г. Саранска. В анкетировании приняло участие 100 респондентов разного возраста и пола.

Для проведения исследования была подготовлен опрос, анкета включала 12 вопросов:

- *Какие источники информации о туризме вы используете чаще всего? (Телевидение / интернет / социальные сети / печатные издания / другие).* Этот вопрос помог выявить то, что основными источниками для респондентов являются интернет и социальные сети, что подтверждает их важность в распространении туристической информации.
- *Насколько вы доверяете информации о туризме, предоставляемой различными СМИ? (Полностью доверяю / скорее доверяю / нейтрально / скорее не доверяю / совсем не доверяю)* Анализируя

ответы, мы пришли к заключению, что многие респонденты выражают недоверие к информации в СМИ, а это, в свою очередь, указывает на необходимость улучшения качества контента.

- *Как вы оцениваете полноту информации о туристических маршрутах в выбранных вами источниках? (Достаточно / в основном достаточно / нейтрально / в основном недостаточно / совсем недостаточно)* Высокий уровень ответов о недостаточности информации подчеркивает необходимость более глубокого освещения туристических возможностей.
- *Какие типы информации о туристических маршрутах вам наиболее интересны? (Конкретные маршруты / цены на услуги / достопримечательности / отзывы туристов / рекомендации по организации поездки)* Интерес к конкретным маршрутам, ценам и отзывам показывает, что потребители ищут практическую и конкретную информацию для планирования путешествий.
- *Как бы вы оценили качество сервиса, о котором сообщают в СМИ? Соответствует ли он реальности, когда вы пользуетесь предложенными услугами? (Полностью соответствует / в основном соответствует / нейтрально / в основном не соответствует / совсем не соответствует)* Ответы на этот вопрос демонстрируют существующий разрыв между ожидаемым и реальным качеством услуг. Требуется более точное представление последних в СМИ.
- *Насколько информация, предоставляемая в СМИ, помогает вам выбирать туристические маршруты и агентства? (Очень помогает / скорее помогает / нейтрально / скорее не / совсем не помогает)* Респонденты не находят информацию достаточно полезной для принятия решений.
- *Какие темы, связанные с туризмом, вам хотелось бы видеть в СМИ чаще? (Новые маршруты, информация о ценах, отзывы путешественников, полез-*

ные советы по организации поездки, другие) Потребность в новых маршрутах и ценах отражает важность актуального контента.

- Как часто вы ищете информацию о туризме в Интернете? (Каждый день / несколько раз в неделю / раз в неделю / реже / никогда) Большинство респондентов активно используют интернет для поиска информации, доказывая тем самым значимость цифровых каналов.
- Как вы относитесь к информации, предоставляемой блогерами и инфлюенсерами в социальных сетях? (Полностью доверяю / скорее доверяю / нейтрально / скорее не доверяю / совсем не доверяю) Высокий уровень доверия к блогерам по сравнению с традиционными СМИ свидетельствует о смене предпочтений в источниках информации.
- На что вы обращаете внимание при выборе туристического продукта? (Реклама в СМИ / отзывы пользователей / цены на услуги / качество обслуживания, другие) Отзывы пользователей и реклама играют ключевую роль в принятии решения.
- Какую информацию о стоимости поездки вы хотите видеть в СМИ? (Цены на отели / цены на транспорт / цены на экскурсии / полный бюджет путешествия / другие) Указание на потребность в конкретных ценах говорит о недостатке такой информации в текущем медийном контенте.
- Есть ли у вас какие-либо предложения по улучшению информации о туризме в СМИ? (Свободный ответ) Открытый вопрос позволил респондентам высказать свои мысли о необходимом улучшении, в том числе перечислить больше конкретных деталей о маршрутах и услугах.

В рамках данной темы важно отметить, что все опрошенные ответили, что интересуются информацией о туризме, путешествиях, интересных местах мира, нашей страны и региона. Это свидетельствует о востребованности соответствующей информации в СМИ.

Опрос среди потребителей туристических проектов позволил обнаружить следующие проблемы взаимодействия со СМИ:

- освещенные в СМИ темы туризма большей частью вызывают у населения недоверие;
- в СМИ недостаточно раскрыта информация о туристическом потенциале отдельных регионов Российской Федерации;
- в СМИ отсутствует информация, которая наиболее интересует потребителей (конкретные маршруты путешествий с указанием мест отдыха, заведений общественного питания, магазинов с сувенирами, музеев для посещения, интересных локаций);
- в СМИ отсутствует информация о ценах на отдых в конкретных отелях, на посещение конкретных музеев, дорогу в конкретные города, питание в конкретных туристических местах и отзывы.

Так, среди других ответов респондентов было указано, что в СМИ мало информации о конкретных маршрутах путешествий с указанием точных мест для остановки, питания, ночевки, с описанием интересных локаций, фотозон и т. д. Также среди таких ответов были замечания о недостаточной информации в СМИ о точных ценах на отдых и путешествия, включая все расходы — как прямые, так и дополнительные (на транспорт, проживание, питание, посещения музеев и других культурных объектов и т. д.).

Проведя анализ поисковых запросов (просмотр, обсуждения, комментарии, обратная связь и т. п.), мы составили кластеризованный список по целевым группам, который показывает высокий интерес к направлениям «Туры по России» (11 535 запросов), «Туры в Дагестан» (7889 запросов), «Туры на Байкал» (6545 запросов) и «Горящие туры из Санкт-Петербурга» (4439 запросов). На основе собранных данных был сформирован рейтинг лидеров в тематике «Туры по России», в который вошли сайты с высокой видимостью в поисковых системах, такие как bolshayastrana.com (71 % видимости), coral.ru (47 % видимости) и russiadiscovery.ru (38 % видимости).

Учитывая результаты проведенного опроса и анализа, резюмируем, что для развития туризма важно более эффективно использовать возможности СМИ. Следует отметить, что социальные сети и блоги могут быть использованы не только для продвижения туристских дестинаций, но и для продвижения отдельных туристических компаний. Группа или страница туристической организации в социальной сети, а лучше в нескольких, поможет показать открытость для своей аудитории, повысить лояльность потребителей. Клиентам и потенциальным клиентам удобней будет задавать вопросы и общаться в пределах этого сообщества. Кроме того, многие сейчас пользуются поиском в социальной сети «ВКонтакте» даже активней, чем Яндексом или Google. Но группа — это еще не все. Еще один из методов интернет-продвижения туристических компаний в социальной сети — это посты пользователей в виде отзывов с информацией о работе компании у себя на стене. Это увеличивает охват аудитории и привлекает новых клиентов на сайт организации.

Электронные газеты и журналы также можно использовать не только в качестве площадок для рекламы, но и в качестве площадок для размещения пресс-релизов и вирусных имиджевых статей о туристской организации. Создать интересный журналистский материал на актуальную тему — это намного экономичней, чем размещение баннерной рекламы в СМИ. Кроме того, если материал действительно полезный и интересный, то он подействует на аудиторию сильнее, чем самая яркая реклама.

Сейчас все медийные личности и успешные компании не только представлены в социальных сетях, но и активно ведут блоги, в которых делятся интересной и полезной информацией со своими клиентами, а также новостями, которые не всегда получается оперативно опубликовать на сайте, зато блог позволяет максимально быстро распространять информацию. Пик популярности компании наступает тогда, когда на ее сообщество в социальных сетях и на блог подписаны тысячи человек, которые репостят новости, цитируют статьи и оставляют на своих страницах ссылки на сайт и блог компании.

Для этого наполнение блогов и постов в социальных сетях должно быть интересным для широкой аудитории. То есть, для формирования туристской активности потребителей важно размещать в СМИ именно такую детальную информацию с указанием конкретных мест посещения и цен на товары и услуги. Это поможет потенциальным путешественникам более точно спланировать свои расходы, уточнить бюджет путешествия, что будет стимулировать их туристскую активность.

Можно сделать вывод о том, что современные СМИ на сегодня недостаточно эффективно используются для развития туризма. Важной проблемой в этой сфере выступает низкий уровень доверия потребителей к информации в СМИ (особенно в местных газетах и глянцевых журналах), а также недостаточное раскрытие в СМИ информации о туристическом потенциале отдельных регионов России. Среди проблем продвижения туристической информации в СМИ — недостаток информации о местах отдыха, музеях и иных культурно-образовательных локациях, заведениях общественного питания, магазинах с сувенирами и т. п.

С учетом результатов проведенного исследования можно отметить, что для совершенствования взаимодействия «СМИ — туристический объект» важно интенсивнее использовать блоги и соцсети, уровень доверия к которым сравнительно выше. Перспективным в этом контексте является размещение телепрограмм о туризме в глобальной сети, в частности, на Rutube-канале и «ВКонтакте». При таком комплексном воздействии на потребителя постепенно будут формироваться культура полезного времяпрепровождения и развиваться туристская активность.

Важно также размещать в СМИ видеоотчеты о путешествиях, рекомендации и отзывы конкретных туристов. Для стимулирования туристической активности граждан целесообразно наполнять материалы в СМИ конкретными данными о маршрутах, туристических объектах, гиперссылками на стоимость товаров и услуг в описываемых объектах (кафе, рестораны, отели, магазины и т. д.).

В целом, Россия обладает высоким потенциалом в продвижении туристических про-

дуктов, который ещё долго не будет исчерпан. Совершенствование туристической отрасли может привести к улучшению качества жизни населения, созданию новых рабочих мест и развитию инфраструктуры как таковой. Для реализации широких возможностей отече-

ственного туризма необходимо его всестороннее развитие, которое предполагает создание новых туристических товаров и услуг, их перманентное информационное сопровождение и активную реализацию на внутреннем и зарубежном рынках.

Список литературы

1. Амет-устаева, Д. М. Социальные сети как инструмент продвижения туристической услуги / Д. М. Амет-устаева // Молодой ученый. — 2019. — № 16 (254). — С. 159–161.
2. Бурняшева, Л. А. Влияние индустрии туризма на социально-экономическое развитие российских регионов / Л. А. Бурняшева, Е. Н. Романов // Социально-гуманитарные знания. — 2023. — № 3. — С. 43–45.
3. Елисеев, А. В. Продвижение российского туристского продукта. Специфика взаимодействия туристского бизнеса со СМИ / А. В. Елисеев // Правительство и право: информационно-аналитический портал. — URL: <https://lexandbusiness.ru/view-article.php?id=1318> (дата обращения: 16.06.2024).
4. Зырянов, А. И. Профильные туристские дестинации / А. И. Зырянов // Вестник Санкт-Петербургского университета. — 2017. — № 3. — С. 254–265.
5. Об основах туристской деятельности в Российской Федерации : Закон РФ № 132-ФЗ : [принят Государственной Думой 4 октября 1996 г.]. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_12462/4f44ca336bacdad62f06498dcd0070ce107bdfc7/ (дата обращения: 24.06.2024).
6. Об утверждении Концепции федеральной целевой программы «Развитие внутреннего и въездного туризма в Российской Федерации (2011–2016 годы)» : распоряжение № 1230-р [издано Правительством Российской Федерации 19 июля 2010 г.] // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов : офиц. сайт. — URL: <https://docs.cntd.ru/document/902227359> (дата обращения: 24.06.2024).
7. Свистунова, Д. А. Стратегия развития туристической сферы через освещение в средствах массовой информации: проблема ликвидации «болезненных точек» / Д. А. Свистунова // Огарёв-Online. — 2017. — № 6 (95). — С. 1.
8. Фатова, С. В. Роль современных инструментов маркетинговых коммуникаций для развития медиаиндустрии / С. В. Фатова // Петербургский экономический журнал. — 2018. — № 3. — С. 68–76.
9. Цыганова, В. О. Современные методы продвижения туристского продукта / В. О. Цыганова // Colloquium-journal. — 2020. — № 9 (61). — С. 139–140.

Получено 23.07.2024

Marina I. Beshpalova

Post-graduate student of the Section of
Culture Theory and History

Humanities Research Institute
patronized by the Republic
of Mordovia Government, Saransk, Russia

E-mail: mbeshpalova2013@yandex.ru

ORCID 0000-0003-2739-1956

Irina V. Lapteva

Doctor of Philosophical Sciences

Chief Scientific Officer,
Head of the Culture Theory
and History Section

Humanities Research Institute
patronized by the Republic
of Mordovia Government, Saransk, Russia

E-mail: laptevaiv@yandex.ru

ORCID 0000-0002-0444-4237

Current Problems and Prospects of Tourist Projects in Mass Media Promotion

The relevance of the topic is expressed in the necessity of effective promotion of tourist projects in the conditions of growing competition on the market of tourist services. The authors of the given article consider the problems and prospects of tourist proposals popularization in mass media. They pay special attention to the analysis of advantages and drawbacks of different tools in tourism promotion. On the basis of the consumers surveys the authors determine main barriers which the tourist industry representatives face when using mass media. In conclusion the article gives certain recommendation to be followed in order to improve media strategies.

Keywords: tourism, tourism promotion, mass media, social networks, routes, tourist sites

For citing: Beshpalova M. I., Lapteva I. V. 2024. Current Problems and Prospects of Tourist Projects in Mass Media Promotion. *Vestnik kultury i iskusstv [Culture and Arts Herald]*. No 4 (80): 56–65. (In Russ.).

References

1. Amet-ustayeva D. M. 2019. Social networks as a tool for promoting tourist services. *Molodoi uchenyi [Young Scientist]*. No 16: 159–161. (In Russ.).
2. Burnyasheva L. A., Romanov E. N. 2023. Influence of tourism industry on socio-economic development of Russian regions. *Social'no-gumanitarnye znaniya [Social and Humanitarian Knowledge]*. No 3: 43–45. (In Russ.).
3. Eliseev A. V. 2012. Promotion of the Russian tourist product. Specifics of interaction of tourism business with the media. *Pravitel'stvo i pravo [Government and law]*. Available from: <https://lexandbusiness.ru/view-article.php?id=1318> (accessed: 16.06.2024). (In Russ.).
4. Zyryanov A. I. 2017. Profile tourist destinations. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta [Bulletin of St. Petersburg University]*. No 3: 254–265. (In Russ.).
5. Ob osnovakh turistskoi deyatel'nosti v Rossiiskoi Federatsii [On the bases of tourist activity in the Russian Federation]. Available from: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_12462/4f44ca336bacdad62f06498dcd0070ce107bdfc7/ (accessed: 24.06.2024). (In Russ.).
6. Ob utverzhdenii Kontseptsii federal'noi tselevoi programmy «Razvitie vnutrennego i v"ezdnogo

- turizma v Rossiiskoi Federatsii (2011–2016 gody)» [On approval of the Concept of the federal target program “Development of domestic and incoming tourism in the Russian Federation (2011–2016)”]. Available from: <https://docs.cntd.ru/document/902227359> (accessed: 24.06.2024). (In Russ.).
7. Svistunova D. A. 2017. Strategy for the development of the tourism sphere through media coverage: the problem of eliminating “pain points”. *Ogaryov-Online*. No 6 (95): 1–5. (In Russ.).
 8. Fatova S. V. 2018. The role of modern marketing communication tools for the development of the media industry. *Peterburgskii ekonomicheskii zhurnal [St. Petersburg Economic Journal]*. No 3: 68–76. (In Russ.).
 9. Tsyganova V. O. 2020. Modern methods of promoting a tourist product. *Colloquium-journal*. No 9 (61): 139–140. (In Russ.).

Received 23.07.2024

Ба Ваньли

аспирант

Санкт-Петербургский
государственный университет,
Санкт-Петербург, Россия

E-mail: st091489@student.spbu.ru

ТРАДИЦИИ В СОВРЕМЕННОЙ АРХИТЕКТУРЕ БУДДИЙСКИХ ХРАМОВ В КИТАЕ

В последние сорок лет современная архитектура Китая стремительно развивалась. Различные типы зданий отвечают потребностям современного образа жизни. Можно выделить здания, обслуживающие сферу потребления, здания учебно-воспитательных организаций, здания, предназначенные для культурно-досуговой деятельности, здания, являющиеся объектами культурного наследия, здания коммерческого назначения, здания для отправления культа и т. д. Развитие современной архитектуры определяется уровнем развития современной науки и техники, уровнем промышленного развития, характеризуется применением инновационных технологий и материалов. Но также верно, что современная архитектура прочно укоренена в традиции, использует модели, которые были выработаны в культуре тысячи лет назад. Современная архитектура объектов религиозного назначения является важной частью всей современной архитектуры. Китай — страна, где сосуществуют различные религии (даосизм, буддизм, христианство, ислам и т. д.), их конфессии, школы мысли, культы и т. д. Буддизм имеет долгую историю и большое количество верующих в Китае, а буддийская архитектура долгое время развивалась в Китае. На примере храмовой архитектуры «Дворца Уиниша» в Нанкине, храма Гоцин в Шанхае и комплекса «Путошань Гуаньинь Дхарма Реалм» в городе Чжоушань анализируются черты национальной архитектурной традиции, проявившиеся в современных буддийских храмовых зданиях.

Ключевые слова: современная буддийская архитектура в Китае, храмовая архитектура, традиция, инновация, современная архитектура

Для цитирования: Ба Ваньли. Традиции в современной архитектуре буддийских храмов в Китае / Ба Ваньли // Вестник культуры и искусств. — 2024. — № 4 (80). — С. 66–75.

Под современной архитектурой в данной статье понимается совокупность зданий, построенных с конца XX — начала XXI веков. Современная архитектура может быть авангардна и лаконична или же сложна и креативна. Основана она на научных и рациональных принципах, а потому отличается от традиционной архитектуры. Предпосылки появления современной архитектуры — развитие промышленности и технологий, повышение производительности труда, а также изменение условий жизни людей. Современная архитектура призвана удовлетворять потребности людей, соответствовать их стилю жизни. Прогресс социального мышления влияет на развитие архитектуры, способствуя развитию миро-

вого современного архитектурного художественного движения. Понятие «современная архитектура» имеет различные определения, современная архитектура может быть понята как современное мировое архитектурное художественное движение, которое охватывает модернизм, интернационализм, деконструктивизм, возникший под влиянием деконструктивистской философии, неоклассицизм, постмодернизм и так далее [14, с. 16].

Хотя современная архитектура имеет инновационные черты, она также отражает традицию. Поскольку традиционная архитектура является основой для современных архитектурных инноваций, о современной архитектуре также можно сказать, что она формируется на

основе развития традиционной архитектуры, благодаря непрерывному развитию науки и техники, повышению эстетического уровня людей. Традиционные элементы становятся важной частью современной архитектуры [18, с. 138]. Например, многие работы Питера Айзенмана, всемирно известного архитектора-деконструктивиста, основаны на работе с линией, фрагментации привычных форм, изменении традиционных архитектурных элементов. Обращение к традиции прослеживается как в его теоретических работах, так и в реализованных проектах. Первый масштабный архитектурный проект Питера Айзенмана — Центр визуальных искусств и библиотека Векснера (Wexner Center for the Visual Arts and Fine Arts Library) Университета штата Огайо, расположенный в городе Колумбус, США — был завершен в 1989 г. Центр является публичной галереей и международной лабораторией по исследованию и развитию современного искусства. Дизайн центра стал знаковым, он основывается на архитектурных идеях деконструктивизма. Центр визуальных искусств находится на границе между кампусом и городом, Айзенман совмещает геометрию городской сетки с геометрией исторического центра кампуса, так называемого «Овала»¹, стирая грань между внутренним и внешним, задавая новые траектории и создавая дополнительное напряжение между узором городских улиц и геометрией кампуса. Архитектор также работает с элементами традиционной архитектуры — слияние традиционного и современного проявляется, например, в использовании различных материалов. При строительстве главного здания Айзенман использовал красный кирпич, который резко контрастирует с внешней белой решетчатой структурой здания. Такой контраст фактур и материалов оказывает сильное ви-

зуальное воздействие на зрителя. Айзенман берет за основу архитектурный объем старого Арсенала и выполняет серию разрезов, совмещая фрагментированную массу с невесомой сетчатой структурой. Так в современном деконструктивистском проекте обыгрывается контраст между прошлым и настоящим, между традиционным и инновационным.

Китай имеет многовековую историю зодчества. Во время бурного развития современной архитектуры не обошлось без обращения к традиции. Современное отстраивается от традиционного. Это особенно верно в области архитектуры. Традиции находят отражение в различных типах зданий как культового, так и светского назначения. Например, отсылки к традиционному зодчеству можно увидеть в архитектуре современных университетов. Так, традиции легли в основу архитектуры нового кампуса Лунцзыху Хэнаньского университета (Henan University Longzi Lake campus), построенного в городе Чжэнчжоу в 2021 г. Примечательной особенностью архитектуры кампуса являются крыши зданий. Китайское зодчество начиная с древних эпох располагало богатым репертуаром силуэтных форм крыши — с расширенными скатами и седловидной коньковой частью, скирдоподобными, в форме лодочного днища и т. д. Но все они имеют ряд общих характерных особенностей: широкие нерасчлененные поверхности крутых скатов, сильный вынос карнизов и вытянутые приподнятые углы, которые облегчают массив кровли. Формирование данного архитектурного типа приходится на иньскую эпоху» [6, с. 839].

При строительстве музеев в Китае архитекторы часто выбирают традиционные планировочные решения. «В китайском зодчестве минимальной архитектурной единицей является не отдельное здание, а определенный комплекс построек. Выделяются три главные категории таких архитектурных комплексов: частная усадьба (чжао), дворцовый и храмовый ансамбли». Рассмотрим Исторический музей провинции Шэньси (Shaanxi History Museum) в Сиане, строительство которого было завершено в 1991 году. Архитектор, г-жа Чжан Цзиньцзю, создает сдержанный величественный архитектурный ансамбль в

¹ Первоначальный дизайн кампуса соответствовал дизайну английского поместья: находился в тихом месте, был окружен лужайками, садами, лесными массивами и другими ландшафтными объектами. «Овал» — это лужайка, примыкающая к ряду академических зданий. Со временем на ней появились точки притяжения — валуны, памятные деревья, таблички и т. д., а преподаватели и студенты вытоптали тропинки, из которых образовался особый геометрический рисунок. Место хранит историю университета и является символом штата Огайо.

стиле Тан (618–907 гг.) с павильоном в центре и башенными зданиями по четырем углам. Главное здание выстроено по оси север-юг (обращено на юг), оно имеет 9 пролетов и увенчано вальмовой крышей² с двумя карнизами, прилегающие здания имеют 3 пролета³ и более простые четырехскатные крыши (по более простой конструкции визуально читается более низкий ранг постройки) также симметрично сгруппированы. Здесь четко прослеживаются отличительные особенности традиционного проектирования, выражены устойчивые пространственные представления — подчеркнуто меридиальное направление (ось «север-юг»), пространство замкнуто, обнесено оградой, имеет строгую геометрию — в плане образует квадрат, композиция построена по принципу зеркальной симметрии, открывается центральными воротами, пространство по центральной оси выделяется как наиболее важное. Прослеживаются нумерологические корреляции. Использован традиционный для данной местности колорит — темно-серые черепичные крыши, белые стены.

Традиционный компонент в современной культовой архитектуре Китая также очевиден. Буддизм широко распространен в Китае, поэтому и буддийская архитектура распространена повсеместно. В последние годы в Китае также было построено множество современных буддийских зданий, которые отражают традиционную природу китайской современной архитектуры.

Основы традиционного буддийского культового зодчества были заложены в Китае во времена эпохи Восточная Хань (25–220 гг.) — эпоху Шести династий (220–589 гг.). Буддийская архитектура в основном включает в себя буддийские храмы, монастыри, пагоды. Приме-

чательно, что изначально китайская культовая архитектура типологически практически ничем не отличалась от светских построек. Китайско-буддийское культовое зодчество также не содержало «никаких уникальных по сравнению с местными архитектурными ансамблями планировочных или строительных деталей. Одной из возможных причин подобной китаизации буддийского зодчества, думается, послужил высочайший уровень развития местного архитектурно-инженерного искусства, которое не нуждалось в новых для себя планировочных принципах и моделях» [6, с. 858]. К специфическому компоненту можно отнести разве что пагоды⁴, однако и они имели прототипы в виде национальных высотных и ярусных сооружений (например, павильоны-дянь и башни-лоу).

Буддийская культовая архитектура развивалась вместе с буддийской деятельностью, которая включает религиозно-обрядовые практики, чтение сутр, созерцание, медитацию, проповедь Учения, а также повседневную жизнь монахов, послушников и мирян [16, с. 47]. Помимо религиозной деятельности, буддийские центры также функционировали как социальные, политические и экономические институты (были зернохранилищами, сокровищницами, образовательными центрами, местами для торговли и проведения общественных фестивалей и т. д.).

Буддийские храмовые и монастырские комплексы спроектированы таким образом,

² Вальмовая крыша — разновидность четырехскатной крыши, где торцовые скаты имеют треугольную форму (называются «вальмы») и простираются от конька до карниза, а два других ската имеют трапециевидную форму. Является самой высокой разновидностью крыши в традиционной древнекитайской архитектуре.

³ Количество пролетов (расстояние между опорами) определяло ранг постройки, всегда выбиралось нечетное число. Один пролет был у вспомогательных построек, беседок. Для храма было достаточно иметь 3 пролета.

⁴ Обязательный компонент буддийских храмовых комплексов. Архитектурно-семантическим прототипом пагод является особый тип древнеиндийских культовых сооружений, известный как ступа. Исходно ступы являлись погребальными памятниками, состояли из постамента, размещенной на нем полусферической части и верхнего каменного куба, служившего реликварием, завершал сооружение центральный шпиль с зонтичным навершием, также ступы обносились каменной. В Китае были разработаны несколько конструктивно-композиционных вариантов пагод, однако все они обязательно состояли из трех архитектурных частей — основания, тела и навершия, которые должны были символизировать три основные вертикально ориентированные зоны буддийского космоса: «чувственный мир», «мир форм» и «мир-не-форм». Пагоды служили местами хранения буддийских реликвий, вотивных предметов, книгохранилищами, однако внутренняя часть могла и отсутствовать [6, с. 868–870, 875–876].

чтобы воплощать «Три Сокровища» буддизма — Будду, его Учение и монашескую общину (сэнце, сангха), образовавшуюся вокруг учения, они разделены на три основные части, каждая из которых несет свою смысловую нагрузку. Главные здания — ворота, зал Будды, пагода — символически соответствуют Будде. Два других сокровища представляли залы, предназначенные для передачи Учения (зал песнопений, зал писаний и т. д.), а также помещения, предназначенные для повседневной жизни монахов и управления общиной (дом смотрителя, дом настоятеля).

Современная буддийская культовая архитектура в Китае может быть в большей степени быть основана на традиции или же может использовать приемы контраста, обыгрывать традиционные элементы. Современную буддийскую архитектуру в Китае можно разделить на следующие виды:

Во-первых, здания, архитектурная форма которых полностью совпадает с традиционными буддийскими образцами. Большинство из этих зданий — исторические буддийские храмы и монастыри, которые были реконструированы или были восстановлены на своих первоначальных местах. Хотя внешне архитектурные формы этих буддийских храмов соответствуют традиционным, в их внутреннюю планировку могут быть внесены изменения, чтобы здания отвечали потребностям современной жизни (комфорт, безопасность, доступность и прочее). Например, визуально комплекс может не выбиваться из общей исторической среды, но может иметь подземный паркинг и вспомогательные помещения, где спрятаны инженерно-технические коммуникации).

Второй тип современной буддийской храмовой архитектуры сочетает в своей архитектурной форме традицию с достижениями модернизма и других современных архитектурных стилей. Это буддийские храмовые здания, которые адаптировались к развитию буддизма, они выражают учение языком современной архитектуры. При их возведении использованы современные строительные материалы, применены передовые технологии строительства, технологические инновации, а дизайн основан на инновационных стратегиях визуального восприятия.

Современный буддийский комплекс «Дворец Ушниша» (Usnisa Palace), Ньюшоушань, Нанкин, Китай

Нанкинский «Дворец Ушниша⁵», также известный как дворец Фодин (Foding Palace), расположен в культурно-туристической зоне Ньюшоушань (The Niushou Mountain Cultural Tourist Area, район Цзяннин, Нанкин, провинция Цзянсу). В 2012 г. официально началось строительство культурно-туристической зоны, а в 2015 г. комплекс был официально открыт для посетителей. Гора Ньюшоу⁶ почитается в буддизме и является традиционным центром паломничества. На протяжении веков здесь было построено множество буддийских храмов. Согласно различным данным, буддизм на горе Ньюшоу зародился во времена Южных династий (420–589 гг.) и достиг своего расцвета во времена династии Тан (618–907 гг.). Первый храм был построен здесь во времена династии Южная Лян (502–557 гг.). Гора Ньюшоу является местом становления чань-буддистской секты Ньютоу цзун⁷. Среди основных достопримечательностей — храм Фодин/Ушниша, пагода Фодин/Ушниша, дворец Фодин/Ушниша, пагода храма Хунцзюэ и т. д.

Главной достопримечательностью «Дворца Ушниша» является древняя реликвия — фрагмент теменной кости Будды Сиддхартхи Гаутамы⁸. Кость хранилась во внутренней золотой шкатулке, которая, в свою очередь, была помещена во внешнюю шкатулку из серебра, которая была спрятана внутри модели ступы⁹, именуемой «Пагода царя Ашоки», изготовленной из сандалового дерева, серебра и золота, а затем помещена во внешний каменный сундук. На каменном сундуке имелась длинная надпись, которая гласила, что более 2200 лет назад индийский царь Ашока отправил теменную кость Будды в Китай. Реликвия сначала демонстрировалась в храме Цися, затем ее постоянным местом хранения стал «Дворец Ушниша». Дворец был назван в честь характерного возвышения на затылке Будды, которое символизирует мудрость и на санскрите называется «Ушниша¹⁰».

Общая площадь всего Дворца Ушниша составляет почти 130 000 м², длина около 220 м,

ширина 160 м и высота 90 м. Дворец имеет 9 этажей — три надземных этажа и шесть подземных этажей.

Внешняя структура состоит из двух основных частей — большого купола цвета розового золота и малого купола цвета желтого золота. Большой сетчатый купол простирается на 120 метров в длину. Пространственная сетчатая купольная конструкция из алюминиевого сплава по форме напоминает одеяние Будды и покрывает небольшой купольный дворец овальной формы, символизируя безграничные благословения Будды. Нижняя часть малого купола выполнена из белого камня и имеет форму лotosового трона¹¹, а верхняя часть — жемчужины мани¹², верхняя и нижняя части объединены в священный образ «лотоса, держащего сокровище».

Большой купол на опорах накрывает внутренний двор (конструкция пропускает дневной свет), где располагается ландшафтно-скульптурная композиция «Наскальные рельефы Ушнisha — священная гора Манджушри¹³» в виде горы, у подножия которой собрались животные, а наверху располагается Будда. Здание с малым куполом по периметру частично окружено водой. В основании здания с малым куполом находится крытая галерея, что типично для национальной храмовой архитектуры. Стены и кессонированный потолок обильно покрыты резьбой по камню и рельефами.

Внутреннее пространство состоит из трех ключевых помещений: Зал, посвященный чань-буддизму («чаньцзин дагуань»), Главный зал реликвий («шэли дадянь»), Дворец реликвий («шэли цангун»).

Зал, посвященный буддистской культуре, имеет овальную форму. Его площадь превышает 6000 м² (112 м с севера на юг и на 62 м с востока на запад), а высота составляет 46,5 м. В центре зала находится окутанная искусственным туманом величественная вращающаяся 9-метровая статуя лежащего Будды в Паранирване¹⁴. Статуя сделана из меди и покрыта искусственным мрамором. В каменных

стенах проделано множество ниш разных размеров, в которые помещены сияющие статуи Будды. Такое декоративное решение напоминает о ранней буддийской традиции вырезать в скалах пещерные храмы. Алюминиевый каркас купольного потолка зала выполнен в виде сложного ажурного узора и пропускает дневной свет. Визуальную программу дополняют мультимедийные эффекты.

Зал реликвий включает в себя Зал Тысячи Будд и Галерею Десяти тысяч Будд. В центре Зала Тысячи Будд находится пагода, высота которой составляет 21,8 м, а ее форма основана на форме позолоченной пагоды царя Ашоки из Великого храма Баоэнь. Пагода инкрустирована буддийскими «семью сокровищами», такими как позолота, хрусталь, цветная глазурь и драгоценные камни. Декоративная отделка объединяет десятки традиционных ремесел (искусство бронзы, позолоты, перегородчатой эмали, гравировки и т. д.).

За пределами Зала Тысячи Будд находится Галерея Десяти Тысяч Будд. Галерея занимает третий, четвертый и пятый подземные этажи. Третий подземный этаж посвящен китайской буддийской культуре, украшен 16-ю картинами на шелке стиле китайской живописи гунби. На четвертом подземном этаже представлена индийская буддийская культура. В круглом коридоре размещены семь лаковых картин на темы индийского буддийского учения и истории. Пятый подземный этаж посвящен жизни Будды и культуре реликвий, украшен десятью фарфоровыми панно.

К комплексу также относятся вполне традиционного вида постройки. Например, рядом с дворцом находится 88-метровая квадратная пагода Ушнisha в девять этажей, выполненная в стиле Тан. Храм Фодин/Ушнisha представляет собой комплекс из 7 залов в стиле Тан, расположенных симметрично относительно оси, залы имеют традиционную скатную крышу. Таким образом, «Дворец Ушнisha» представляет новое поколение культурных достопримечательностей Нанкина, умело работающих с историческим контекстом места, гармонично сочетающих традиционное буддийское искусство, зодчество, современные строительные технологии и дизайн.

¹⁴ «Лежащая» поза используется исключительно для изображений «спящего Будды», т. е. Будды, пребывающего в паранирване [6, с. 443].

Храм Гоцин в Шанхае, Китай

Храм Гоцин (Guoqing Temple) в Шанхае — это современное храмовое здание, построенное шэньчжэньской компанией Motai Architecture (MultiArch), строительство было завершено в 2023 году, и сейчас храм открыт для посетителей. Храм расположен в районе Пудун на пересечении улиц Наньцао и Цияй и имеет прямоугольную планировку с ориентацией на северо-восток и юго-запад. Он был возведен на месте пришедшего в упадок храма Юйгун, построенного в 1580 году в честь Юя Даю (1503–1579 гг.), знаменитого генерала и мастера боевых искусств династии Мин. С согласия муниципального правительства Шанхая он был перепланирован и превращен в «Чжуншэн чаньюань» — комплекс, объединяющий храм Гоцин и общественный парк, это первый в Китае современный храм паркового типа. Е. И. Варова отмечает, что «главным для традиционной китайской архитектуры является гармония соотножаемых объектов и окружающей среды. На протяжении всей истории единство человека и природы в культовой архитектуре являлось основополагающей философской мыслью Китая в строительстве [2, с. 170]. Таким образом, современный проект воплощает традиционные установки и художественную концепцию.

Храм Гоцин отличается от других храмов минимализмом, простотой и естественностью и визуально больше напоминает музей современного искусства.

Идеи буддизма выражаются языком современной архитектуры, через создание особой атмосферы гармонии, покоя и уединения. Храм имеет лаконичную гнутую крышу, напоминающую по форме традиционную скатную черепичную, и выразительную планировку, совмещающую симметрию и асимметрию. Входная группа расположена по центру, что является устойчивым композиционным решением для всей китайской архитектуры. Планировка главного здания храма Гоцин напоминает пространственное устройство традиционных китайских жилищ, где помещения компоновались вокруг внутреннего дворика (двор «сыхэюань»)¹⁵, образуя в плане квадрат.

¹⁵ Двор «сыхэюань» (в переводе «четыре [дома] с общим двором») — это комплекс жилых помещений с

Колористическое решение — спокойные природные оттенки (светло-серый, золотистый). При отделке широко использованы природные фактуры.

При строительстве использованы высокотехнологичные материалы: крыша выполнена из титаново-цинковых панелей, стены — из лицевого бетона с деревянной опалубкой. Архитекторы также использовали натуральные материалы (бамбук, вишневое дерево) и традиционные материалы с улучшенными свойствами: серый гранит, подвергшийся термообработке огнем, глубоко обработанный камень. Выбор материалов подчеркивает идеальное сочетание современности и традиций.

В храме создана уникальная система освещения, основанная на игре дневного света. В крыше проделан гигантский световой люк в форме квадрата, так что естественный свет проникает во внутренний двор. В храме имеется коридор для медитации, куда проникает солнечный свет, он представляет собой идеальное место для духовных практик и обретения внутреннего покоя. В крыше главного здания храма, Зале Самбодхи, проделано множество небольших отверстий — когда солнце светит на запад, солнечные лучи проходят сквозь эти отверстия, падают на золотую статую Самбодхи и создают непередаваемую атмосферу.

В отличие от традиционных храмов, в храме Гоцин есть публичная библиотека, она построена наполовину под землей. Доступ к текстам делает буддийскую культуру открытой для более широкой аудитории. Храм Гоцин — это не только место поклонения, но также удачный пример сочетания архитектуры с природной средой, современного искусства и традиционной культуры.

Заключение

Современная архитектура в Китае активно развивается, различные типы современных строений отвечают потребностям современного образа жизни. Важное место в современном строительстве занимает культовая архитектура.

открытым внутренним двориком, окружным постройками со всех сторон. В плане всегда был прямоугольной формы, был обнесен стеной и сориентирован строго по частям света.

В статье рассматривалась современная буддийская храмовая архитектура в Китае. Был проанализирован традиционный компонент, заложенный в современной буддийской архитектуре. Можно отметить использование устойчивых архитектурно-инженерных, планировочных, декорационных и колористических решений. Например, широко используются элементы, характерные как светского, так и культового национального зодчества — скатные крыши, «летающие карнизы», покрытие черепицей. Комплексы чаще ориентированы на юг, имеют ось симметрии, входную группу по центру, главное здание выделяется высотой, размерами и формой крыши, более сложной отделкой. Современные храмы гармонично сочетаются с природной средой, дополняют местный исторический контекст. Используются элементы буддийского зодчества (например, «трон Сумеру», «алмазный трон»,

буддийские фрески, скульптура, барельеф), в декоре используется буддийская символика (например, цветок лотоса, драгоценный сосуд), присутствуют числовой символизм, отсылки к базовым понятиям буддизма. Конечно, не обошлось и без инноваций: использовались высокотехнологичные материалы, применялись технологии компьютерного моделирования, позволяющие более свободно работать с формой и конструкцией зданий, появились культурно-образовательные пространства (библиотека) и рекреационные зоны — детские комнаты отдыха, кафетерии, VIP-комнаты и т. д. Рассмотренные выше современные буддийские здания построены для удовлетворения потребностей современных посетителей, с учетом современного образа жизни, они объединяют традиции и новации и служат ценным ориентиром для дальнейшего развития современной буддийской архитектуры.

Список литературы

1. Адыгбай, Ч. О. Сакральные аспекты буддийских монастырей Тувы / Ч. О. Адыгбай, А. А. Конгу // Вестник КалмГУ. — 2016. — № 3 (31). — С. 4–12.
2. Варова, Е. И. Концепция единства человека и природы в культовой архитектуре Китая / Е. И. Варова // Известия АлтГУ. — 2014. — № 2 (82). — С. 168–171.
3. Варова, Е. И. Исследование традиционной концепции единства человека и природы в культовой архитектуре Китая в трудах современных ученых / Е. И. Варова // Манускрипт. — 2016. — № 6–2 (68). — С. 55–57.
4. Варова, Е. И. Храмовая архитектура Китая как триада Космос — Человек — Дао // Вестник ЧГАКИ. — 2014. — № 2 (38). — С. 62–65.
5. Глебова, Н. М. Современный храм в структуре города как символ культурной идентичности и общественное пространство / Н. М. Глебова, М. Кламер // Известия вузов. Инвестиции. Строительство. Недвижимость. — 2022. — № 2 (41). — С. 256–274.
6. Кравцова, М. Е. История искусства Китая / М. Е. Кравцова // Мировая художественная культура. — 2004. — 960 с.
7. Сафронова, Е. С. Современный буддизм в России как часть буддийской цивилизации / Е. С. Сафронова // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. — 2009. — № 1. — С. 73–78.
8. Чаажытмаа, А. Б. Синкретизм буддизма и шаманизма в Туве // Новые исследования Тувы. — 2012. — № 3 (15). — С. 129–132.
9. Монгуш, Е. Д. Буддийские храмы как объекты религиозного туризма в России // Новые исследования Тувы. — 2015. — № 3 (27). — С. 101–110.
10. Жамсуева, Д. С. Историко-архитектурная самобытность бурятских храмовых сооружений / Д. С. Жамсуева // Власть. — 2021. — № 5. — С. 217–221.
11. Житенев, Т. Е. Буддизм в России: вехи истории / Т. Е. Житенев // Вестник ВУиТ. — 2011. — № 7. — С. 192–203.
12. Янгутов, Л. Е. Буддизм в социокультурной традиции России / Л. Е. Янгутов, Ч. Ц. Цыренов // Вестник БГУ. — 2016. — № 6. — С. 108–119.

13. Гао Вэймин. Имитация традиционных строительных технологий в современной храмовой архитектуре / Гао Вэймин // *Building Construction* — 2019. — № 41 (09). — С. 1673–1675.
14. Янь Чэнь. Исследование внешних морфологических характеристик больших и средних современных храмовых зданий в Китае : диссертация / Янь Чэнь. — Ухань: Уханьский технологический университет, 2015.
15. Лю Си. Исследование феномена сохранения туристического ландшафтного дизайна храмовой архитектуры Гуанчжоу : диссертация. — Гуанчжоу : Университет Гуанчжоу, 2013.
16. Люй Цзянбо. Размышления о дизайне современной буддийской храмовой архитектуры в Китае — на примере буддийского храма Чжунтай и горы Фафэн на Тайване / Люй Цзянбо, Чжан Ци // *Архитектура Центрального Китая*. — 2011. — № 29 (09). — С. 45–48.
17. Тун Нана. Исследование декоративного искусства храмовой архитектуры Чаошань: диссертация / Тун Нана. — Хунань : Хунаньский технологический университет, 2017.
18. Лю Ин. Предварительное исследование новой стандартизированной практики строительства зданий, построенных в древнем стиле / Лю Ин // *Строительные материалы и отделка*. — 2018. — № (6). — С. 138.
19. Чжан Юйхуань. Лекции по архитектуре буддийских монастырей в Китае: магистерская диссертация / Чжан Юйхуань. — Пекин : Современное китайское издательство, 2007.
20. Го Цзюньхун. Китайские храмы : магистер. дис. / Го Цзюньхун. — Пекин : Издательство сельского чтения, 2009.
21. Дуань Юймин. Китайская храмовая культура : магистер. дис. / Дуань Юймин. — Шанхай : Шанхайское народное издательство, 1994.
22. Ли Синьцзянь. Предварительное исследование планирования и дизайна современных буддийских храмов / Ли Синьцзянь, Чжу Гуанъя // *Журнал архитектуры Юго-Восточного университета*. — С. 68–71.

Получено 25.06.2024

Ba Wanli

post-graduate student

St. Petersburg State University,

St. Petersburg, Russia

E-mail: st091489@student.spbu.ru

Modern Architecture Traditions of Buddhist Temples in China

Modern architecture of China has been developing during the last forty years. Different types of buildings meet the requirements of modern lifestyle. We may point out the buildings of the consumption sphere, buildings of educational institutions and establishments, buildings for cultural and leisure activities, buildings which are the sites of cultural heritage, buildings for commercial activity, buildings for religious worship etc. Development of modern architecture is determined by the development level of modern science and technology, of industrial development level. It is characterized by the use of innovational technologies and materials. We must admit by saying that modern architecture follows the traditions of the past and uses the samples which appeared in culture thousands of years ago. Modern architecture of the buildings for religious worship is an important part of the whole modern architecture. China is a country of different religions (Taoism, Buddhism, Christianity, Islam etc.), their confessions, schools of thought, religious cults etc. Buddhism in China has a very long history and the biggest part

of the religious people and Buddhist architecture was developing in China for many years. Features of national architectural tradition which appeared in the constructions of modern Buddhist temples are analyzed on the samples of temple architecture of Ushan Palace in Nanjing, Guoqing Temple in Shanghai and Putuoshan Guanyin Dharma Realm complex in Zhoushan

Keywords: modern Buddhist architecture in China, temple architecture, tradition, innovation, modern architecture

For citation: Ba Wanli. 2024. Modern Architecture Traditions of Buddhist Temples in China. *Vestnik kultury i iskusstv [Culture and Arts Herald]*. No 4 (80): 66–75. (In Russ.).

References

1. Adygbai, Ch. O., Kongu A. A. 2016. Sacred aspects of Buddhist monasteries of Tuva. *Vestnik KalmGU. [Bulletin of KalmSU]*. No 3 (31): 4–12. (In Russ.).
2. Varova E. I. 2014. The concept of the unity of man and nature in the cult architecture of China. *Izvestiya AltGU [News of the AltSU]*. No 2 (82): 168–171. (In Russ.).
3. Varova E. I. 2016. The study of the traditional concept of the unity of man and nature in the cult architecture of China in the works of modern scientists. *Manuskript [The Manuscript]*. No 6-2 (68): 55–57. (In Russ.).
4. Varova E. I. 2014. Temple architecture of China as a triad of Space — Man — Tao. *Vestnik ChGAKI [Bulletin of the CHGAKI]*. No 2 (38): 62–65. (In Russ.).
5. Glebova N. M., Klamer M. 2022. A modern temple in the structure of the city as a symbol of cultural identity and public space. *Sovremennyyi khram v strukture goroda kak simvol kul'turnoi identichnosti i obshchestvennoe prostranstvo [Izvestiya vuzov. Investment. Construction. Realty]*. No 2 (41): 256–274. (In Russ.).
6. Kravtsova M. E. 2004. The History of Chinese Art. *Mirovaya khudozhestvennaya kul'tura. [World Art Culture]*. 960 p. (In Russ.).
7. Safronova E. S. 2009. Modern Buddhism in Russia as a part of Buddhist civilization. *Gosudarstvo, religiya, tserkov' v Rossii i za rubezhom [State, religion, church in Russia and abroad]*. No 1: 73–78. (In Russ.).
8. Chaazhytmaa A. B. S/ 2012. Syncretism of Buddhism and shamanism in Tuva. *Novye issledovaniya Tuvy [New studies of Tuva]*. No 3 (15): 129–132. (In Russ.).
9. Mongush E. D. 2015. Buddhist temples as objects of religious tourism in Russia. *Novye issledovaniya Tuvy [New studies of Tuva]*. No 3 (27): 101–110. (In Russ.).
10. Zhamsueva D. S. 2021. Historical and architectural identity of Buryat temple structures. *Vlast' [Power]*. No 5: 217–221. (In Russ.).
11. Zhitenev T. E. 2011. Buddhism in Russia: Milestones of history. *Vestnik VUiT [Bulletin of VUiT]*. No 7: 192–203. (In Russ.).
12. Yangutov L. E., Tsyrenov Ch. Ts. 2016. Buddhism in the socio-cultural tradition of Russia. *Vestnik BGU [Bulletin of the BSU]*. No 6: 108–119. (In Russ.).
13. Gao Weiming. 2019. Imitation of traditional building technologies in modern temple architecture. *Building Construction*. No 41 (09): 1673–1675.
14. Yan Chen. 2015. Issledovanie vneshnikh morfologicheskikh kharakteristik bol'shikh i srednikh sovremennykh khramovykh zdaniy v Kitae [A study of the external morphological characteristics of large and medium-sized modern temple buildings in China]. Thesis. Wuhan: Wuhan University of Technology. (In Chinese).
15. Liu Xi. 2013. Issledovanie fenomena sokhraneniya turisticheskogo landshaftnogo dizaina khramovoi arkhitektury Guanchzhou [A study of the phenomenon of preserving the tourist landscape design of Guangzhou Temple architecture]. Thesis. Guangzhou: Guangzhou University. (In Chinese).
16. Lu Jianbo, Zhang Qi. 2011. Reflections on the design of modern Buddhist temple architecture in China — using the example of the Zhongtai Buddhist Temple and Mount Fafeng in Taiwan. *Arkhitektura Tsentral'nogo Kitaya [Architecture of Central China]*. No 29 (09): 45–48.
17. Tun Nana. 2017. Issledovanie dekorativnogo iskusstva khramovoi arkhitektury Chaoshan' [A study of the decorative art of Chaoshan Temple Architecture]. Thesis. Hunan: Hunan University of Technology. (In Chinese).

18. Liu Ying. 2018. A preliminary study of a new standardized practice for the construction of buildings built in the ancient style. *Stroitel'nye materialy i odelka* [Building materials and finishing]. No (6): 138.
19. Zhang Yuhuan. 2007. *Leksii po arkhitekture buddiiskikh monastyrei v Kitae* [Lectures on the architecture of Buddhist monasteries in China]. Thesis. Pekin : Modern Chinese Publishing House. (In Chinese).
20. Guo Junhong. 2009. *Kitaiskie khramy* [Chinese temples]. Thesis. Pekin : Publishing House of Rural Reading. (In Chinese).
21. Duan Yuming. 1994. *Kitaiskaya khramovaya kul'tura* [Chinese Temple Culture]. Thesis. Shanghai: Shanghai People's Publishing House. (In Chinese).
22. Li Xinjian, Zhu Guangya. A preliminary study of the planning and design of modern Buddhist temples. *Zhurnal arkhitektury Yugo-Vostochnogo universiteta* [Journal of Architecture of South-eastern University]. Pp. 68–71. (In Chinese).

Received 25.06.2024

Александр Львович Капилов

кандидат искусствоведения, доцент

ректор

Института современных знаний

имени А. М. Широкова,

Минск, Республика Беларусь

E-mail: zao@isz.minsk.by

РОЛЬ ВЫПУСКНИКОВ РОССИЙСКИХ КОНСЕРВАТОРИЙ В МУЗЫКАЛЬНОЙ ЖИЗНИ БЕЛАРУСИ (1880–1917 гг.)

Рассмотрена концертно-исполнительская деятельность ярких выпускников российских консерваторий, внесших вклад в развитие белорусской музыкальной культуры в конце XIX — начале XX в. Творческий потенциал исполнителей и певцов подтверждается мнениями и рецензиями современников, высказываемые ими на страницах местной печати, в рекламных объявлениях, афишах конца XIX — начала XX в., выявленных автором в государственных архивах России и Беларуси и вводимых им в научный оборот, в опубликованных воспоминаниях творческих деятелей-соратников. Подчеркивается, что представители российской исполнительской школы создавали своеобразное культурное пространство белорусских городов, формировали культуру восприятия музыки, а также, в свою очередь, выступали организаторами местных музыкальных обществ и образовательных институтов. Отмечено, что творчество выпускников российских консерваторий XIX — начала XX в. можно рассматривать как уникальную часть белорусской музыкальной культуры, оно предопределило в целом ее потенциал и последующее развитие.

Ключевые слова: концертная деятельность, исполнительская деятельность, творческая деятельность, педагогическая деятельность, консерватория, белорусская музыкальная культура, А. Ф. Боркус, Ф. Д. Левинсон-Тейтельбаум, И. А. Генко, Е. С. Чижевский, Н. С. Рубинштейн, Н. М. Муранская, А. Г. Жеребцова, С. И. Мигай

Для цитирования: Капилов, А. Л. Роль выпускников российских консерваторий в музыкальной жизни Беларуси (1880–1917 гг.) / А. Л. Капилов // Вестник культуры и искусств. — 2024. — № 4 (80). — С. 76–87.

Постановка проблемы

Научно-исследовательский ракурс изучения взаимовлияния культур и искусств соседних территорий актуален сегодня. Научное сообщество с позиций междисциплинарности и межтерриториальности уже включилось в его обсуждение в отношении изобразительного, хореографического и др. искусств в контексте русской системы профессионального образования и формирования творческих школ в разные исторические периоды [см., например: 1; 2; 4; 8]. Основополагающей для рассуждений могут быть положения статьи С. Б. Синецкого и М. Л. Шуб, в которой авторы констатировали, что «разнообразие и идентичность объективно находятся в диалектическом единстве. Одна-

ко данное единство неравновесно: в разные исторические периоды и в разных социумах может доминировать одна из соответствующих культурных парадигм: поддерживающая идентичность или стимулирующая разнообразие» [29, с. 76]. Именно условия неравновесности в одних случаях и равновесия в других интересуют научное сообщество, важен каждый конкретный исторический пример для определения вектора современных действий.

Цель статьи — проанализировать концертно-исполнительскую деятельность выдающихся выпускников российских консерваторий как уникальную часть белорусской музыкальной культуры и представить уникальность взаимовлияний и парадигмы поддержа-

ния идентичности национальных культур и их равновесия.

К концу XIX в. количество выпускников российских консерваторий исчислялось многими десятками. Среди них было немало выдающихся талантов; формировали уникальное культурное пространство не просто одаренные исполнители, закончившие консерваторию со званием «свободного художника», но блистательные артисты, удостоенные золотых и серебряных медалей, престижных наград. Многие из них являлись уроженцами белорусских земель и после окончания учебы в консерватории как правило возвращались домой. О них с гордостью говорили, писали восторженные отзывы в местных газетах. Некоренных жителей (прежде всего уроженцев России) также встречали всегда радушно: в большинстве случаев они находили применение своим способностям и возможности для реализации таланта. По сути, для многих из них белорусская земля стала второй родиной.

**Абрис творческого потенциала
и вклада исполнителей —
выпускников консерваторий
в формирование музыкальной
культуры белорусских городов**

Среди ярких представителей русской фортепианной школы, работавших на белорусской земле в конце XIX — начале XX в., почетное место занимает воспитанник Московской консерватории, ученик В. И. Сафонова Александр Федорович Боркус. Прекрасный музыкант, много и с большим успехом гастролировавший по России, он в 1908 г. выбрал в качестве постоянного места жительства город Могилев. Главной причиной такого решения было открытие свободным художником Владимиром Ивановичем Ерихайловым (соучеником А. Ф. Боркуса в Московской консерватории) музыкальной школы. В пользу выбора Могилева сыграло и еще одно обстоятельство — город А. Ф. Боркусу был уже знаком. Здесь он неоднократно гастролировал в 1907 г. и не забыл того теплого приема, который был устроен ему местными любителями искусства.

21 октября 1908 г. уже в качестве штатного преподавателя могилевской музыкальной

школы А. Ф. Боркус выступал в зале местного чиновничьего клуба. Музыкальный рецензент газеты «Могилевский вестник» писал по этому поводу: «Всякий, присутствовавший на концерте, мог воочию убедиться в высоком таланте г. Боркуса, — как истинно великий художник и мастер музыкального искусства, г. Боркус исполнял номера своего концерта. Выдающаяся техника исполнения на рояле и самый выбор музыкальных номеров доставили публике наивысшее удовольствие прослушать выдающегося артиста» [22]. Далее подчеркивалось, что А. Ф. Боркус «всей душой предан своему делу, любит музыкальное искусство и может быть вполне отнесен к разряду первоклассных артистов» [Там же]. Репертуар А. Ф. Боркуса был огромен, но выделяло его, несомненно, исполнение произведений Ф. Шопена. Местные критики писали: «Пианист г. Боркус влюблен в Шопена. Мало у нас вообще настоящих шопенистов, которые могли бы передать звуковые глубины шопеновской музыки! Но г. Боркус успешно справляется с этой нелегкой задачей» [23].

В Витебске в начале XX в. заметно выделялась пианистка Фрида Давидовна Левинсон-Тейтельбаум. Ученица А. Г. Рубинштейна и профессора С. А. Малоземовой по окончании Санкт-Петербургской консерватории была удостоена одной высочайших наград: премии им. А. Г. Рубинштейна — рояля, который по завещанию великого музыканта присуждался лучшему из оканчивающих консерваторию пианистов. По словам уроженца Витебска дирижера Г. Я. Юдина, «обязательное условие, поставленное завещателем, требовало, чтобы такую премию получал только один пианист из каждого выпуска и действительно лишь достойный кандидат. Награжденный Рубинштейновской премией получал звание лауреата Петербургской консерватории» [40, с. 32].

Пианистка принимала активное участие в различных концертных мероприятиях, проходивших в ту пору в Витебске и Минске. После одного из концертов, состоявшегося 12 января 1906 г. в зале Общественного собрания, корреспондент «Витебского голоса» писал: «Нельзя не отметить исполнение на рояле пианистки Ф. Д. Левинсон-Тейтельбаум, доставившей

слушателям истинное удовольствие» [30]. 1 октября 1910 г. в Минск с лекцией-концертом о творчестве Шопена приехал профессор Санкт-Петербургского университета Алексей Федорович Каль. Для иллюстрации своего доклада он пригласил именно пианистку из Витебска, хотя прекрасно знал, что в Минске имеется широчайший выбор профессиональных исполнителей.

Следует также заметить, что Ф. Д. Левинсон-Тейтельбаум вместе с местными музыкантами В. С. Кармиловым (певец) и А. Л. Бессмертным (скрипач) принимала активное участие в создании и открытии в Витебске регионального отделения Русского музыкального общества. Усилия увенчались успехом; 29 мая 1915 г. постановлением Главной дирекции Русского музыкального общества Ф. Д. Левинсон-Тейтельбаум и В. С. Кармилов были назначены директорами Отделения в Витебске [5].

Подчеркнем, что у Ф. Д. Левинсон-Тейтельбаум с 1906 по 1912 г. брала уроки (два-три раза в месяц) одна из лучших пианисток XX века Мария Вениаминовна Юдина. Заметим, для этого ученице нужно было каждый раз проделывать стокилометровый путь на поезде из Невеля в Витебск, а затем обратно. Но занятия с Ф. Д. Левинсон-Тейтельбаум, как видно, стоили того.

Пожалуй, самой выдающейся исполнительницей в Минске на рубеже XIX–XX вв. была пианистка и педагог Ида Александровна Генко, учившаяся в Санкт-Петербургской консерватории сначала у Луи Брассена, а после его смерти у Софии Ментер. По завершении выпускных экзаменов (все на «отлично») она была удостоена диплома на звание свободного художника и награждена малой серебряной медалью.

После окончания консерватории И. Генко некоторое время жила в Вильно, где ее заметили минские меломаны. В 1889 г. она получила приглашение принять участие в исполнении увертюры Бетховена «Эгмонт», переложенной для фортепиано в 16 рук. Принимали ее очень тепло, и она долго вспоминала ту атмосферу понимания, которую ее талант нашел в кругу белорусских музыкантов.

В середине 1890-х гг. И. Генко приняла

решение о переезде в Минск. Музыкальные критики радостно приветствовали появление в городе еще одной профессиональной пианистки, и уже в первых своих рецензиях называли ее «искусной исполнительницей» и «весьма серьезной пианисткой» [34].

И. Генко сразу же активно включилась в музыкальную жизнь Минска: выступала с сольными концертами, а со скрипачом Евгением Чижевским и виолончелистом Николаем Пестриковым — как участник различных ансамблей [21; 26]. Она приложила немало усилий для того, чтобы Минск посетили с концертами ее педагог София Ментер и ее соученики по Петербургской консерватории Василий Сафонов и Василий Сапельников. Подвижная творческая деятельность И. А. Генко в Минске становилась образцом не только для ее многочисленных учеников, но и для всех местных исполнителей, которые видели в ней мощный стимул для совершенствования собственного профессионального мастерства.

Среди представителей инструментальной музыки заметно выделялись минские музыканты Е. С. Чижевский и Н. С. Рубинштейн. Анализируя многочисленные отзывы минской прессы на игру Евгения Станиславовича Чижевского, можно попытаться в какой-то мере воссоздать его исполнительский облик, выявить наиболее характерные черты его артистического дарования. Так, на первый план в его игре всегда выходили певучесть и задушевность исполнения (что было особенно характерно для славянских исполнителей), необычайная красота и полнота скрипичного тона, тончайшая нюансировка. Музыкальный рецензент «Минского листка» писал: «Г-н Чижевский подкупает слушателей своим тоном, чрезвычайно мягким, сочным, певучим, а вместе с тем густым; ясность и чистота исполнения не заставляют желать лучшего, игра вполне прочувствованная» [20].

Е. С. Чижевский был истинным апологетом солидной русской скрипичной школы, одним из наиболее последовательных ее представителей на рубеже веков. И показательно, что в минской прессе главные достоинства его исполнительского стиля отмечались постоянно: «Г. Чижевский проявляет благородное стремление

к высокому идеалу скрипичной игры: ширине тона и достоинству певучего стиля. В этом направлении он выказывает преимущественную талантливость в кантиленах самого нежного и мелодичного свойства. *Sérénade mélancolique* и *Air de Bach* сыграны им прекрасно» [36]. Примечателен и отзыв рецензента газеты «Голос провинции» на мастерское исполнение Е. Чижевским партии первой скрипки в квартете Гайдна на третьем музыкальном вечере камерной музыки, состоявшемся 10 декабря 1906 г. в Общественном собрании: «Вечера эти надолго останутся в памяти у серьезных любителей искусства... Его чудные звуки, которые так умело извлекает из своего прекрасного инструмента, лились обильной струей, за ним все остальные партнеры его оказались на высоте своего призвания. Посвятив себя исключительно одному жанру, они в нем достигли идеального совершенства» [Там же].

Творческая деятельность Е. С. Чижевского — одна из наиболее ярких страниц в истории музыкально-исполнительского искусства Беларуси конца XIX — начала XX вв. Прекрасный музыкант, он на протяжении двадцати лет был лучшим солистом и ансамблистом в Минске. Его исполнительский стиль, отличавшийся выразительностью и культурой звучания, поэтичностью фразировки и тонкостью нюансировки, незаурядным техническим мастерством, а, главное, полным подчинением совершенной техники задачам музыкальной выразительности, воплотил в себе наиболее характерные черты московской скрипичной школы. Вся деятельность Е. С. Чижевского была направлена на распространение этих ценностей в среде минских музыкантов, что имело огромное значение для формирования художественной направленности и развития высокого профессионализма в белорусском музыкальном исполнительском искусстве.

С 1903 г. активное участие в музыкальной жизни города стал принимать уроженец Минска скрипач Натан Рубинштейн, обучавшийся на тот момент в Петербургской консерватории в классе профессора Н. В. Галкина. Молодой музыкант произвел на публику приятное впечатление и, по отзывам прессы, в игре его «не трудно было заметить богатую технику и боль-

шое искусство владеть инструментом» [10]. С этого времени начинаются его относительно регулярные выступления в минских концертах, поскольку он совмещал продолжающуюся учебу с участием во всех городских мероприятиях, в частности, в концертном зале «Париж» 15 сентября 1904 г. он исполнял концерт Мендельсона и «Цапатеадо» Сарасате, имевшие «особливый успех» [28]. Заметим, что Н. Рубинштейн с блеском окончил Петербургскую консерваторию, был удостоен звания «свободного художника» и награжден большой серебряной медалью.

В минской прессе тех лет сохранилось множество свидетельств его плодотворной исполнительской деятельности. Приведем только некоторые из них: «Рубинштейн зарекомендовал себя за этот вечер не только как хороший альтист, но и превосходный скрипач. Тон его широкий, сочный; манера игры благородная, во всем проглядывает простота, что подкупает слушателя» [25]; «...он предстал перед нами как солист с чудным скрипичным концертом d-moll Венявского, сыгранным им образцово. Тон, манера исполнения, понимание деталей, вообще благородство стиля в передаче, составляли отличительные черты исполнения его» [19]; «Мы не будем хвалить г. Рубинштейна: он хорошо известен минской публике и его репутация, как отличного скрипача, у нас твердо установлена» [3].

Место певцов — выпускников консерваторий в становлении культурного пространства белорусских городов

Русская вокальная школа на белорусской земле нашла своих достойных представителей в лице талантливых певцов, воспитанников Петербургской консерватории.

Надежда Матвеевна Муранская (Муретова) в сентябре 1885 г. была зачислена в Санкт-Петербургскую консерваторию в класс знаменитого итальянского профессора Камилло Эверарди [39]. По окончании учебы в 1888 г. она была приглашена для гастролей в городах России, после чего возвратилась в Петербург и в течение одного сезона выступала в частной опере, организованной известным

антрепренером А. Ф. Картавовым.

28 октября 1889 г. в музыкальной жизни Петербурга состоялось важное событие с участием Н. Муранской — открытие серии русских симфонических концертов. Программа первого концерта была составлена очень интересно. В нее вошли: увертюра М. И. Глинки «Князь Холмский», сюита А. П. Бородина, Первая симфония А. К. Глазунова, «Испанское каприччио» Н. А. Римского-Корсакова. Из вокальных номеров (все в исполнении Н. Муранской) были представлены ариозо Ярославны из оперы А. П. Бородина «Князь Игорь» и два романса: «Дитя, будь я царем» Ц. А. Кюи и «В порыве нежности сердечной» Н. А. Римского-Корсакова. При этом Ариозо Ярославны исполнялось в Петербурге впервые. Обозреватель журнала «Артист» писал: «Романсы и ариозо Ярославны исполнила г-жа Муранская, молодая начинающая певица. Голос ее — сопрано, довольно красивый, свежий и сильный... Пение ее тщательное, не лишенное выразительности...» [37, с. 155].

После такого отзыва выступления в оперных спектаклях в главных ролях вместе с ведущими русскими певцами, участие в престижных концертах, премьерные исполнения вокальных произведений крупнейших русских композиторов того периода стали частыми. Казалось, все шло к тому, что Н. Муранская в самом ближайшем будущем займет ведущее место в петербургском музыкальном мире. Но судьба распорядилась по-иному. Ее антрепренер А. Ф. Картавов в то время был увлечен идеей продвижения своей антрепризы в Минске и Вильно. Он был наслышан о любви минских любителей искусства к музыкальному театру, со многими из них был знаком лично, помогая реализовать мечту о выходе на профессиональную сцену. Знал он и о том, что в Минске в ту пору не имелось не только специальных музыкальных учебных заведений, но даже каких-нибудь специализированных курсов обучения искусству. И он порекомендовал Н. Муранской в преддверии открытия оперного сезона подумать об открытии в Минске ее курсов пения. Идея Н. Муранской понравилась, и за два месяца до начала сезона она дала в газету «Минский листок» объявление

следующего содержания: «Артистка русской оперы, окончившая курс в Санкт-Петербургской консерватории с дипломом свободного художника по классу известного профессора Камилло Эверарди Н. М. Муранская (по сцене) открывает курсы пения оперного, концертного и салонного на языках русском, французском, немецком и итальянском» [16].

13 января 1891 г. на сцене минского театра ставился «Демон» А. Г. Рубинштейна с участием И. С. Виноградова (Демон), М. Д. Агулина (Синодал), Г. П. Измайлова (Гудал). В роли Тамары выступала «дебютантка г-жа Муранская». Дирижировал В. И. Сук. Публике дебютантка очень понравилась. В прессе отмечалось: «Г-жа Муранская, обладая хорошим звучным сопрано, очень мягким и довольно симпатичным, проявила хорошую школу и сильную драматическую игру» [17].

Впоследствии Н. М. Муранская принимала участие в большинстве оперных спектаклей, шедших на минской сцене. Наибольший успех у публики имели ее выступления в русских операх: в роли Татьяны в опере П. И. Чайковского «Евгений Онегин», в роли Антонида в опере М. И. Глинки «Жизнь за Царя», в роли Тамары в опере А. Г. Рубинштейна «Демон» и в роли Наташи в опере А. С. Даргомыжского «Русалка» [15; 18; 32; 33]. В частности, после ее выступления в «Евгении Онегине» корреспондент «Минского листка» писал: «В «Онегине» самая главная и трудная роль Татьяны была проведена г-жею Муранской в драматическом отношении превосходно, в особенности сцена в спальне с няней. Публика была в восторге. При своей изящной сценической наружности и приятном в нижнем и среднем регистре голосе г-жа Муранская была обворожительна» [34].

С готовностью откликнулась певица и на предложение участвовать в спектаклях оперной труппы в Витебске и Минске. За один из сезонов (сентябрь — декабрь) только в Витебске было дано около 30 русских и иностранных опер. Информация об успешных выступлениях труппы М. Ф. Кнауф-Каминской довольно часто появлялась даже в российских газетах и журналах [31]. Для открытия сезона была выбрана опера Дж. Верди «Аида» с участием

Н. М. Муранской, Е. В. Шау, Е. Э. Евгеньева-Дарского, М. Г. Рышкова, В. А. Гагаенко и др. В местной газете «Северо-Западный край» была опубликована рецензия, в которой были отмечены все солисты и дирижер С. М. Суходрев [24]. В период с 18 декабря 1902 г. по 26 января 1903 г. Н. М. Муранская принимала участие в большинстве спектаклей, исполняя главные партии в «Аиде», «Африканке», «Гальке», «Гугенотах», «Демоне», «Дубровском», «Евгении Онегине», «Кармен», «Лакме», «Мазепе», «Отелло», «Паяцах», «Пиковой даме», «Риголетто», «Русалке», «Травиате», «Трубадуре» и др. При этом она находила время и для участия в музыкальных вечерах минских любителей. Так, 2 февраля 1903 г. она вместе с баритоном С. Л. Сливинским пела на вечере, организованном Обществом любителей изящных искусств при участии местных музыкантов, исполнив романс П. И. Чайковского «Травушка» и дуэт из оперы Моцарта «Дон Жуан» [27]. В местной прессе отмечалось, что благодаря ее участию «семейные вечера в Обществе любителей изящных искусств привлекают с каждым разом все больше публики... Все исполненные номера вызвали шумный восторг многочисленных слушателей» [Там же]. Через 10 дней в том же зале Общества любителей изящных искусств состоялся «прощальный» концерт Н. М. Муранской и С. Л. Сливинского в Минске при участии местных музыкантов. И что примечательно: для минской публики, любившей и ценившей ее искусство, хорошо знающей ее еще с 1890 г., оперная примадонна европейской величины с удовольствием пела в дуэте с местным певцом-любителем В. И. Чаусовым (бас) под аккомпанемент местной пианистки С. П. Хованской.

Конец своей жизни Н. М. Муранская провела в Петербурге (Ленинграде) в Доме ветеранов сцены [9]. Здесь она и скончалась в 1934 г.

Выдающихся успехов в вокальном искусстве добилась уроженка Гродно меццо-сопрано Анна Григорьевна Жеребцова (1868–1944). В 1892 г. она окончила Петербургскую консерваторию по классу вокала у замечательного педагога Натальи Александровны Ирецкой, которая, как известно, «брала себе в класс только музыкально одаренных учениц с выда-

ющимися, сильными голосами и яркой сценической внешностью» [6, с. 33]. При этом одним из главных и необходимых вокалисту качеств, по мнению Н. А. Ирецкой, была «способность тонко чувствовать и воспринимать музыку» [Там же].

Обладая многими достоинствами, Анна Жеребцова в 1891 г., будучи еще студенткой консерватории, обратила на себя внимание Н. А. Римского-Корсакова, который пригласил ее выступить в организованном им консерваторском концерте и сразу увидел в ней достойную исполнительницу партии Леля в его опере «Снегурочка». Впоследствии знаменитый композитор не один раз будет привлекать А. Г. Жеребцову к исполнению и своих новых сочинений, и сочинений своих учеников. Она станет постоянной участницей музыкальных вечеров у Л. И. Кармалиной (прекрасной исполнительницы романсов Глинки и Даргомыжского), познакомится с Балакиревым, чуть позднее с Глазуновым, Лядовым, Черепниным и другими выдающимися музыкантами, а также с М. П. Беляевым и В. В. Стасовым.

Незадолго до окончания консерватории А. Г. Жеребцова в очередной раз была приглашена для участия в музыкальном вечере у Кармалиных, где она наряду с другими произведениями должна была исполнять песню М. И. Глинки «Жаворонок». Именно этот вечер стал для нее особо памятным. Впоследствии она вспоминала: «На вечере Кармалиных, после того, как я спела, Римский-Корсаков подвел меня к старушке с живыми глазами, — это была сестра М. И. Глинки, Л. И. Шестакова. Я долго слушала ее рассказы, как ее великий брат сам чудесно пел свои сочинения. На другой день после разговора со мною Людмила Ивановна прислала мне книжечку своих воспоминаний о М. И. Глинке с надписью: «Звонкому жаворонку А. Г. Жеребцовой от сестры Глинки» [11, с. 100]. Это лестное прозвище «Звонкий жаворонок» закрепилось за А. Г. Жеребцовой на долгие годы.

Мастерством Анны Григорьевны восторгались лучшие петербургские музыканты, ей посвящали свои произведения многие русские композиторы. Достаточно назвать романс на стихи М. Ю. Лермонтова «По небу полуночи»

(«Ангел») Н. А. Римского-Корсакова, романс на стихи А. А. Фета «И тебе не грустно?» молодого композитора А. В. Щербачева, два романса С. С. Прокофьева на стихи К. Д. Бальмонта «В моем саду» и на стихи Н. Я. Агнивцева «Кудесник». Романс «Поэзия» А. С. Аренского она впервые исполнила под аккомпанемент самого автора [38]. При этом в большинстве своем эти произведения еще не были изданы и исполнялись ею по рукописям авторов.

Со временем Анна Григорьевна Жеребцова-Андреева стала играть важную роль в музыкальной жизни Петербурга: выступала в симфонических вечерах, многочисленных концертах, большинство из которых сама же и устраивала, являясь членом Петербургского камерного общества. Велико значение Жеребцовой-Андреевой и для развития русской вокальной школы: с 1907 г. она становится старшим преподавателем в консерватории, а с 1913 г. — профессором [14]. За время своей плодотворной педагогической деятельности Анна Григорьевна воспитала немало талантливых певиц, среди которых М. И. Бриан, Л. В. Кича, З. Н. Артемьева-Леонтьевская, Е. М. Малинина и др.

Почетное место в ряду выдающихся вокалистов начала XX в. занимает уроженец Могилева баритон Сергей Иванович Мигай (ставший народным артистом РСФСР). С. И. Мигай был солистом Большого театра в Москве, где пел вместе с К. Г. Держинской, А. В. Неждановой, И. А. Алчевским, Л. В. Собиновым, Ф. И. Шаляпиным и др. В Петербурге (Петрограде) его партнерами по сцене были С. В. Акимова, О. Ф. Мшанская, И. В. Ершов, Г. М. Нэлепп и др. Примечательно, что С. И. Мигай выступал и на московской, и на петербургской сценах, а такое право в России получали лишь самые выдающиеся певцы.

Уроженец Могилева пользовался безусловным уважением как великолепный мастер и неповторимый певец. Его высокохудожественная эмоциональная выразительность в сочетании с блестящей вокальной техникой принесли ему заслуженную славу одного из лучших баритонов отечественной оперной сцены. Память о выдающемся певце бережно хранят на его родине. В настоящее время Соборный переу-

лок в Могилеве, где он с родителями жил в молодые годы, назван в его честь — переулок Мигая.

Между тем, ранний — могилевский — период его творческой деятельности, в конце которого он уже достиг высочайшего исполнительского мастерства, совершенно выпал из поля внимания и российских, и белорусских авторов. Даже его ученик П. П. Гусев, опубликовавший в 1975 г. отдельную небольшую книжку «Сергей Иванович Мигай. Очерк жизни и творческой деятельности» [7], не приводит практически никаких данных о его жизни и творческой деятельности в Могилеве. Лишь в аннотации к грампластинке «Сергей Иванович Мигай (1888–1959)», выпущенной Всесоюзной фирмой грампластинок «Мелодия» и включающей записи 1937–1948 гг., имеется краткое упоминание о первых годах его могилевской жизни. Полагаем необходимым восполнить этот существенный пробел в биографии выдающегося певца.

Из материалов могилевской прессы становится известно, что с 1 сентября 1906 г. в городе начали работу курсы пения бывшей артистки русской и итальянской оперы Ю. А. Рейдер. Одним из первых ее воспитанников оказался Сергей Мигай. Исключительная природная одаренность ученика и незаурядное мастерство педагога довольно быстро принесли плоды: 5 декабря того же года юный певец уже принимал участие в благотворительном концерте в пользу Николаевского детского приюта вместе с местными музыкантами, как авторитетными профессионалами, так и любителями. 22 февраля 1907 г. в Могилеве состоялся вечер в честь 50-летия со дня смерти М. И. Глинки. Главными исполнителями стали ученики Ю. А. Рейдер. С. И. Мигай исполнил арию Руслана («О поле, поле») из оперы «Руслан и Людмила», а кроме того, вместе с Ю. А. Рейдер, Е. А. Каптелевой и Н. Н. Миной заключительную сцену 1-го действия из той же оперы. Местная пресса с восторгом отзывалась о состоявшемся вечере и «с чувством глубокого удовольствия» безоговорочно относил его «к выдающимся событиям нашей довольно однообразной жизни». Отметим, что с этого времени выступления Ю. А. Рейдер и ее учеников

в Могилеве становятся регулярными (как минимум два раза в год) и всегда вызывают повышенный интерес у местной общественности. 28 марта 1908 г. в городском театре Могилева состоялся «традиционный концерт» учащихся курсов пения Ю. А. Рейдер с участием лучших ее учеников — Эмилии Мейнгардт (Николаевой), Сергея Мигая и Николая Мины, «которые в сущности и составляли соль концерта». Особенно крупный успех имел г. Мигай в «Прологе» из оперы «Паяцы». С этого времени и до конца 1908 г., живя в Могилеве, С. Мигай принимал участие и в концертах выдающихся гастролеров, приезжавших в Могилев.

В дополнение к материалам, опубликованным в белорусской периодической печати начала XX в. приведем два красноречивых отзыва об исполнительском искусстве С. И. Мигая. Так, Наталья Дмитриевна Шпиллер, советская оперная певица, педагог, народная артистка РСФСР, одна из выдающихся представительниц «золотой эпохи» Большого театра СССР, с особой теплотой вспоминала о белорусском баритоне: «Для меня, как и для всех знавших С. И. Мигая, каждое упоминание о нем драгоценно и вызывает какое-то особенное чувство прекрасного, ассоциирующееся с его вдохновенным пением, красотой голоса, выразительностью музыкально-художественного исполнения. Если может существовать такое определение, как «русское бельканто», то оно, бесспорно, относится к пению Мигая» [13, с. 47].

Сергей Яковлевич Лемешев, советский оперный певец, оперный режиссер, педагог, народный артист СССР, впервые услышал пение С. Мигая, еще будучи студентом Московской консерватории. Он вспоминал: «Мы, студенты консерватории, особенно любили те спектакли, где Степанова пела вместе с Мигаем, — это был неподражаемый ансамбль двух блестящих вокалистов. Они бесконечно волновали нас своим выразительным пением, голосами замечательной красоты». По словам С. Лемешева, он всегда восторгался неотразимой силой воздействия голоса белорусского певца, подчеркивая, что «Мигай увлекал широкой волной своего действительно «бархатного» звука» [12, с. 130].

Исследовательские позиции и потенциал нового знания

Изучение вклада выпускников российской системы музыкального консерваторского образования рубежа XIX–XX в. и советского периода актуально в последние годы и происходит в достаточно быстром темпе. Это происходит по многим причинам. Активизированы исторические исследования: повседневности, биографические, библиографические — на основе ввода в научный оборот многих источников (профессиональной печати, СМИ, архивных документов, афиш, объявлений, театральных и концертных программ, устных историй, воспоминаний и пр.), многие из которых оставались в течение длительного периода вне поля зрения ученых; это обеспечивает формальное расширение и качественное обогащение научного пространства. Важно понимание истоков и воссоздание обоюдного влияния российской и белорусской исполнительской, концертной, организационной, образовательной культур для определения проекций будущих взаимодействий. Крайне необходимо сегодня определение путей и конкретных практик формирования культуры исполнительства и, главное, — восприятия музыки, пения, сценического движения, в целом оперного и исполнительского искусства при формировании личности XXI века, века в том числе цифровой культуры. Исторические знания, открывающие современному поколению принципы функционирования культуры, опыт исполнительского мастерства, роль личности в истории и традиции служения искусству и выбранному пути дают молодому поколению существенные нравственные опоры, моральные и мировоззренческие скрепы, позволяя определять вектор развития и следования жизненному предназначению.

Даже схематично представленные (в данной статье, но исследования и публикации продолжают) жизненные и творческие траектории А. Ф. Боркуса, Ф. Д. Левинсон-Тейтельбаум, И. А. Генко, Е. С. Чижевского, Н. С. Рубинштейна, Н. М. Муранской, А. Г. Жеребцовой, С. И. Мигай и др. белорусских деятелей искусства и выпускников российских консерваторий, школ, направлений демонстрируют неразрывность связей двух

народов, их исторически определенное взаимодействие, взаимоопределение и единство в служении искусству и культуре. Благодаря усилиям талантливых выпускников российских консерваторий закладывались основы белорусского музыкального профессионализма. Они в значительной мере способствовали формированию национальной исполнитель-

ской культуры, создавали необходимые условия для расцвета белорусского музыкального искусства в советское время. Сформированные традиции гарантируют и дальнейшее сотрудничество и со-бытие, главное — видимые перспективы содружества представителей искусства из разных стран, объединяемых одной целью служения слушателю, зрителю.

Список литературы

1. Ахмедова, Э. Р. Значение советской художественной школы для живописи Узбекистана / Э. Р. Ахмедова // Искусство Евразии. — 2022. — № 4 (27). — С. 214–225.
2. Батхулэг, Э. Роль монгольских художников — выпускников Института имени И. Е. Репина в развитии театрално-декорационного искусства Монголии (на примере творчества Лувсангийн Гаваа) // Э. Батхулэг // Искусство Евразии. — 2023. — № 3 (30). — С. 58–71.
3. Вечер, А. Я. Театр и музыка / А. Я. Вечер // Окраина. — 1907. — № 109. — 8 дек.
4. Галиенко, В. Вклад представителей русской балетной школы в становление профессионального хореографического искусства в Узбекистане / В. Галиенко // Вестник Академии Русского балета им. А. Я. Вагановой. — 2024. — № 2 (91). — С. 6–18.
5. Государственный исторический архив Ленинградской области. Ф. 408 (Русское музыкальное общество). Оп. 1. Д. 806. Л. 4.
6. Головнина, Н. Наталия Александровна Ирецкая — педагог Божьей милостью / Н. Головнина // Малоизвестные страницы истории Консерватории : альманах / сост. Э. С. Барутчева. — Вып. 10. — Санкт-Петербург, 2009. — С. 33–58.
7. Гусев, П. П. Сергей Иванович Мигай. Очерк жизни и творческой деятельности / П. П. Гусев. — Ленинград : Музыка, Ленинградское отделение, 1975. — 54 с.
8. Дандамаева, З. Э. Становление и развитие дагестанского изобразительного искусства в контексте русской художественной школы / З. Э. Дандамаева // Вестник культуры и искусств. — 2024. — № 2 (78). — С. 37–44.
9. Дорохов, А. Ветераны сцены / А. Дорохов // Советский театр. — 1936. — № 9. — С. 32–37.
10. Ежедневные семейные вечера // Северо-Западный край. — 1903. — № 61. — 14 янв.
11. Жеребцова-Андреева, А. Г. Мои встречи с Николаем Андреевичем Римским-Корсаковым / А. Г. Жеребцова-Андреева // Русская песня в Риге. К 75-летию русского певческого общества «Баян» в Риге : сб. ст. / под ред. А. Перова. — Рига : Изд-во о-ва «Баян», 1939. — С. 97–122.
12. Лемешев, С. Я. Путь к искусству / С. Я. Лемешев. — Москва : Искусство, 1974. — 157 с.
13. Маршкова, Т. И. Большой театр. Золотые голоса / Т. И. Маршкова, Л. Д. Рыбакова. — Москва : Алгоритм, 2011. — 384 с.
14. Минская газета-копейка. — 1913. — № 196. — 2 марта.
15. Минские губернские ведомости. — 1891. — № 38. — 10 апр.
16. Минский листок. — 1890. — № 91. — 13 нояб.
17. Минский листок. — 1891. — № 27. — 2 апр.
18. Минский листок. — 1891. — № 93. — 19 нояб.; № 95. — 26 нояб.
19. Минское слово. — 1907. — № 322. — 21 дек.
20. Музыкальный вечер // Минский листок. — 1898. — № 124. — 5 нояб.
21. Музыкальный вечер // Минский листок. — 1899. — № 31. — 11 марта.

22. Наблюдатель. Концерт Боркуса / Наблюдатель // Могилевский вестник. — 1908. — № 194. — 24 окт. (6 нояб.).
23. Один из публики. Благотворительный спектакль // Могилевский вестник. — 1914. — № 283. — 20 дек. (2 янв.).
24. Открытие оперного сезона // Северо-Западный край. — 1902. — № 44. — 20 дек.
25. Первый вечер камерной музыки // Голос провинции. — 1906. — № 171. — 24 окт.
26. Провинциальная летопись // Театр и искусство. — 1897. — № 12. — 23 марта. — С. 247.
27. Семейные вечера в Обществе любителей изящных искусств // Северо-Западный край. — 1903. — № 79. — 4 февр.
28. Симфонический вечер // Минский листок. — 1904. — № 553. — 17 сент.
29. Синецкий, С. Б. Культурная политика в контексте противоречий разнообразия и идентичности / С. Б. Синецкий, М. Л. Шуб // Вестник культуры и искусств. — 2021. — № 3 (67). — С. 75–84.
30. Студенческий вечер // Витебский голос. — 1906. — № 14. — 14 янв.
31. Театр и искусство. — 1902. — № 37. — 8 сент. — С. 674;
32. Русская музыкальная газета. — 1902. — № 32–33. — 11–18 августа. — С. 764; 1903. — № 2. — 12 янв. — С. 52.
33. Театр и музыка // Минский листок. — 1891. — № 7. — 22 янв.
34. Театр и музыка // Минский листок. — 1891. — № 8. — 25 янв.
35. Театр и музыка // Минский листок. — 1896. — № 69. — 22 марта.
36. Театр и музыка // Минский листок. — 1901. — № 135. — 30 окт.
37. Третий вечер камерной музыки // Голос провинции. — 1906. — № 213. — 13 дек.
38. Филонов, А. Современное обозрение / А. Филонов // Артист. — 1889. — Кн. 4. — Декабрь. — С. 154–156.
39. Хроника // Гродненские губернские ведомости. — 1892. — № 33. — 25 апр.
40. Центральный государственный исторический архив (г. Санкт-Петербург). Фонд 361. Оп. 2 (Личные дела учениц). Д. 4722 (Муретова Надежда Матвеевна).
41. Мария Вениаминовна Юдина. Статьи. Воспоминания. Материалы / сост. подготовка текста и прим. А. М. Кузнецова ; общ. ред. С. В. Аксюка ; предисл. Г. М. Когана. — Москва : Сов. композитор, 1978. — 237 с.

Получено 14.11.2024

Alexander L. Kapilov*Candidate of Art History,
Associate Professor**Rector of the Shirokov's Institute
of Contemporary Knowledge,
Minsk, Republic of Belarus**E-mail: zao@isz.minsk.by*

Role of Russian Conservatoires Graduates in Musical Life of Belarus (1880–1917)

The article considers concert and performing activities of the bright graduates of Russian conservatoires having contributed to the development of Byelorussian musical culture at the end of XIX – beginning of XX centuries. Creative potential of the musicians and singers have been proved by numerous viewpoints and reviews of the contemporaries which they have

left in local newspapers, magazines and other publications, advertisements, posters at the end of XIX – beginning of XX centuries discovered by the author in the state archives of Russia and Belarus and introduced into scientific circulation, as well as in the printed memoirs of his creative collaborators. The article also stresses that representatives of the Russian performing art school have created peculiar cultural space of Byelorussian cities and formed the culture of music perception and also in their turn initiated the formation of local music societies and educational institutions. The author emphasizes that creative activity of the Russian conservatoires graduates of the end of XIX – beginning of XX centuries can be considered as a unique part of Byelorussian musical culture, it has predestined its potential and further development on the whole.

Keywords: concert activities, performing activities, creative activities, teaching activities, conservatoire, Byelorussian musical culture, A. F. Borkus, F. D. Levinson-Teitelbaum, I. A. Genko, E. S. Chizhevsky, N. S. Rubinstein, N. M. Muranskaya, A. G. Zherebtsova, S. Ш. Migai

For citation: Kapilov A. L. 2024. Role of Russian Conservatoires Graduates in Musical Life of Belarus (1880–1917). *Vestnik kultury i iskusstv [Culture and Arts Herald]*. No 4 (80): 76–87. (In Russ.).

References

1. Ahmedova R. 2022. Importance of the Soviet art school. *Iskusstvo Evrazii [The Art of Eurasia]*. No 4 (27): 214–225. (In Russ.).
2. Batkhulegh E. 2023. The Role of Mongolian Artists — Graduates of the I. E. Repin Institute in the Development of the Theatrical and Decorative Arts of Mongolia (based on the work of Luvsangiin Gavaa). *Iskusstvo Evrazii [Art of Eurasia]*. No. 3 (30): 58–71. (In Russ.).
3. Veher A. Ya. 1907. Theater and Music. Okraina [Outskirts]. No 109. Dec. 8. (In Russ.).
4. Galienko V. 2024. The contribution of representatives of the Russian ballet school to the development of professional choreographic art in Uzbekistan. *Vestnik Akademii Russkogo baleta im. A. Ya. Vaganovoi [Bulletin of the Vaganova Academy of Russian Ballet]*. No 2 (91): 6–18. (In Russ.).
5. Gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Leningradskoi oblasti. F. 408 (Russkoe muzykal'noe obshchestvo). Op. 1. D. 806. L. 4 [State Historical Archive of the Leningrad Region. F. 408 (Russian Musical Society). Op. 1. D. 806. L. 4]. (In Russ.).
6. Golovnina N. 2009. Natalia Aleksandrovna Iretskaya, a teacher — divine mercy. *Maloizvestnye stranitsy istorii Konservatorii [Little-known pages in the history of the Conservatory]*. Iss. 10. St. Petersburg. P. 33–58. (In Russ.).
7. Gusev P. P. 1975. Sergei Ivanovich Migai. Ocherk zhizni i tvorcheskoi deyatelnosti [Sergei Ivanovich Migay. Essay on life and creative work]. Leningrad: Music, Leningrad branch. 54 p. (In Russ.).
8. Dandamaeva Z. E. 2024. Formation and development of Dagestan fine art in the ninth Russian art school. *Vestnik kul'tury i iskusstv [Culture and Arts Herald]*. No 2 (78): 37–44. (In Russ.).
9. Dorokhov A. 1936. Veterans of the stage. *Sovetskii teatr [Soviet theater]*. No 9: 32–37. (In Russ.).
10. Everyday family evenings. 1903. *Severo-Zapadnyi kraj [North-West Territory]*. No 61, January 14. (In Russ.).
11. Zherebtsova-Andreeva A. G. 1939. My meetings with Nikolai Andreevich Rimsky-Korsakov. *Russkaya pesnya v Rige. K 75-letiyu russkogo pevcheskogo obshchestva «Bayan» v Rige [Russian song in Riga. On the 75th anniversary of the Russian singing society “Bayan” in Riga]*. Riga: Publishing house of the “Bayan” society. Pp. 97–122. (In Russ.).
12. Lemeshev S. Ya. 1974. Put' k iskusstvu [The path to art]. Moscow: Iskusstvo. 157 p. (In Russ.).
13. Marshkova T. I., Rybakova L. D. 2011. Bolshoi Theater. Golden voices. Moscow: Algorithm. 384 p. (In Russ.).
14. Minskaya gazeta-kopeika [Minsk newspaper-kopeck]. 1913. No 196, March 2. (In Russ.).
15. Minskies gubernskie vedomosti [Minsk Provincial Gazette]. 1891. No 38, April 10. (In Russ.).
16. Minskii listok [Minsk Leaflet]. 1890. No 91, November 13. (In Russ.).
17. Minskii listok [Minsk Leaflet]. 1891. No 27, April 2. (In Russ.).

18. Minskii listok [Minsk Leaflet]. 1891. No 93, November 19; No 95, November 26. (In Russ.).
19. Minskoe slovo [Minsk Word]. 1907. No 322, December 21. (In Russ.).
20. Musical Evening. Minskii listok [Minsk Leaflet]. 1898. No 124, November 5. (In Russ.).
21. Musical Evening. Minskii listok [Minsk Leaflet]. 1899. No 31, March 11. (In Russ.).
22. Observer. 1908. Borkus's concert. *Mogilevsky Vestnik [Bulletin of Mogilev]*. No 194, October 24 (November 6). (In Russ.).
23. One of the publications. Charity performance. 1914. *Mogilevsky Vestnik [Bulletin of Mogilev]*. No 283, December 20 (January 2). (In Russ.).
24. Opening of the opera season. 1902. *Severo-Zapadnyi krai [North-West Territory]*. No 44, December 20. (In Russ.).
25. First evening of chamber music. 1906. *Golos provintsii [Voice of the city]*. No 171, October 24.
26. Provincial Chronicle. 1897. *Teatr i iskusstvo [Theater and Art]*. No 12, March 23: 247. (In Russ.).
27. Family Evenings in the Society of Fine Arts Lovers. 1903. *Severo-Zapadnyi krai [North-West Territory]*. No 79, February 4. (In Russ.).
28. Symphony Evening. 1904. *Minskii listok [Minsk Leaflet]*. No 553, September 17. (In Russ.).
29. Sinetsky S. B., Shub M. L. 2021. Cultural Policy in the Twentieth Contradiction of Diversity and Identity. *Vestnik kul'tury i iskusstv [Culture and Arts Herald]*. No 3 (67): 75–84. (In Russ.).
30. Student Evening. 1906. *Vitebskii golos [Vitebsk Voice]*. No 14, January 14. (In Russ.).
31. *Teatr i iskusstvo [Theater and Art]*. 1902. No 37, September 8: 674. (In Russ.).
32. *Russkaya muzykal'naya gazeta [Russian Musical Newspaper]*. 1902. No 32–33, August 11–18: 764; 1903. No 2, January 12: 52. (In Russ.).
33. Theater and Music. 1891. *Minskii listok [Minsk Leaflet]*. No 7, January 22. (In Russ.).
34. Theater and Music. 1891. *Minskii listok [Minsk Leaflet]*. No 8, January 25. (In Russ.).
35. Theater and Music. 1896. *Minskii listok [Minsk Leaflet]*. No 69, March 22. (In Russ.).
36. Theater and Music. 1901. *Minskii listok [Minsk Leaflet]*. No 135, October 30. (In Russ.).
37. The Third Evening of Chamber Music. 1906. *Golos provintsii [Voice of the City]*. No 213, December 13. (In Russ.).
38. Filonov A. Contemporary Review. 1889. *Artist*. Book 4, December: 154–156. (In Russ.).
39. Chronicle // Grodno Provincial Gazette. — 1892. — № 33. — April 25. (In Russ.).
40. Tsentral'nyi gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv (g. Sankt-Peterburg). Fond 361. Op. 2 (Lichnye dela uchenits). D. 4722 (Muretova Nadezhda Matveevna) [Central State Historical Archives (St. Petersburg). Collection 361. Op. 2 (Personal Files of Female Students). D. 4722 (Muretova Nadezhda Matveyevna)]. (In Russ.).
41. Mariya Veniaminovna Yudina. Stat'i. Vospominaniya. Materialy [Maria Veniaminovna Yudina. Articles. Memories. Materials]. 1978. Moscow: Sov. composer. 237 p. (In Russ.).

Received 14.11.2024

Александр Петрович Марков

доктор педагогических наук, доктор
культурологии

заслуженный деятель науки РФ

профессор кафедры философии
и культурологии

Санкт-Петербургского гуманитарного
университета профсоюзов,
Санкт-Петербург, Россия

E-mail: markov_2@mail.ru

**«УПРАВЛЯЕМАЯ ЭВОЛЮЦИЯ»
КАК ГЛОБАЛЬНЫЙ ПРОЕКТ
ПОСТКАПИТАЛИСТИЧЕСКОГО БУДУЩЕГО:
ЗАМЫСЛ, СТРАТЕГИИ, РЕЗУЛЬТАТЫ
(часть 1)**

Автор предлагает цикл из двух статей, посвященных анализу стратегии «Управляемой Эволюции» как сценария грядущего мироустройства, инициированного западной элитой и лидерами транснациональных компаний, поддерживаемого глобальным финансовым капиталом, институтом масс-медиа и цифровыми корпорациями. В данной статье представлен анализ декларируемых задач и подлинного замысла проекта «управляемой эволюции», дана характеристика приоритетов, институтов и технологий его реализации в глобальном масштабе. Идея проекта — утверждение «нового мирового порядка» путем тотального контроля над мировыми ресурсами, духовными факторами эволюции, знанием и структурами его производства, сознанием и поведением людей. А его финальный результат — «депопуляция», то есть принудительное сокращение избыточной массы населения, «лишней» в грядущем мире искусственного интеллекта и цифровой экономики. Приоритетные направления сценария «управляемой эволюции»: деиндустриализация мира; дестабилизация ключевых институтов и структур, обеспечивающих воспроизводство и устойчивость социально-культурных систем; «антропологическая регрессия» — целенаправленное снижение ключевых характеристик человека как существа духовного, морально ответственного и интеллектуально вменяемого, в том числе путем деформации традиционных оснований социально-культурной идентичности. Откровенный антихристианский пафос стратегии «управляемой эволюции» превращает данный проект в орудие разрушения опорных культурно-антропологических «столбов» цивилизации Логоса, в источник эволюционной регрессии и деградации, а, в конечном счете — в средство «антропологической эвтаназии» человечества.

Ключевые слова: сценарии будущего, проект «управляемой эволюции», мировая гегемония, деиндустриализация мира, «антропологическая регрессия», глобальная сеть, блогосфера, неправительственные общественные организации

Для цитирования: Марков, А. П. «Управляемая эволюция» как глобальный проект посткапиталистического будущего: замысел, стратегии, результаты (часть 1) / А. П. Марков // Вестник культуры и искусств. — 2024. — № 4 (80). — С. 88–101.

1. Проект «управляемой эволюции» как ответ транснациональных структур на глобальные вызовы времени: декларируемые задачи и подлинный замысел

Тревожным нервом публикаций и научных форумов последнего времени становится осмысление глобальных вызовов, угрожающих существованию человечеству в его привычных параметрах. Развитие современного человечества поистине напоминает «движение тела, брошенного по склону и продвигающегося тем быстрее, чем ближе оно к низу» (Р. Генон). Приближающийся пик глобального кризиса по своим масштабам и последствиям превосходит «Осевое время» (К. Ясперс) в истории человеческой цивилизации. Гуманитарное сообщество приходит к осознанию экономической и гуманистической ущербности капитализма, который вошел в фазу «злонамеренного перерождения» (М. Жутиков), угрожая человечеству глобальным экологическим кризисом и духовно-нравственной деградацией. Доминирующая в последние годы неолиберальная идеология существенно деформировала образ человека, сотворенный текстами «Осевого времени» и транслируемый ключевыми институтами культуры более 2 тыс. лет. Сегодня она завершает процесс «освобождения индивида» от всех классических оснований идентичности — национально-культурной, религиозной, духовно-нравственной, социальной, и даже от заданной природой половой идентичности. «Последний шаг» этой идеологии — «освобождение» человека от всего того, что составляет человеческую сущность (А. Дугин), с перспективой «денатурализации» антропоса (А. Назаретян). Человечество подходит к «точке невозврата», означающей начало транзита к новому мировому порядку и созданию новой модели мироустройства. «Взрывной» этап прогресса, стремящегося к бесконечности, рождает потенциально широкий спектр моделей будущего с непредсказуемыми последствиями, в том числе возможный переход от земной эволюции к космической¹. Формиро-

вание искусственных биологических форм и вмешательство в человеческую природу «перешагивает пределы самого человека» — оно становится ключевым вызовом, способным существенно деформировать первичные биологические инстинкты, изменить традиционные отношения к рождению и смерти, семье и браку [1, с. 154]. На этом фоне высочайшую планку актуальности обретает проблема поиска конструктивных сценариев развития, альтернативных исчерпавшей свои цивилизационные ресурсы неолиберальной идеологии и капиталистической модели. При этом будущее в ситуации впечатляющего масштаба грядущих перемен все чаще видится не как улучшенное настоящее, а «нечто качественно иное» (А. Гусейнов). В частности, в системе гуманитарного дискурса последних десятилетий набирает популярность трансгуманистический (постчеловеческий) тренд, «одухотворяющий» грядущую эпоху «мутантов» и преимущества «киборг-сапиенс». Страх перед будущим становится фактором пессимистических настроений и движущей силой человеческих поступков, существенным мотиватором политических решений.

Альтернативу «классическим» сценариям завтрашнего дня, идеи которых рождались в системе гуманитарного знания, представляет созданный сообществом транснациональной элиты «революционный» проект «Управляемой Эволюции», идеологи которого берут на себя «трудную миссию» тотального контроля над мировыми ресурсами, духовными факторами производства, сознанием и поведением людей. Концепция «управляемой эволюции» (преимущественно на материале истории возникновения и развития ключевых институтов европейской цивилизации) фундаментально проработана в публикациях А. И. Фурсова [19–21]. Автор показывает, что ключевую роль

¹ Сущность грядущей эволюционной модели описывает «Кривая Снукса — Панова», фиксирующая экспоненциальную логику прогресса цивилизации, который удваивается в каждый следующий период

времени, при этом временной шаг удвоения в каждой следующей фазе становится все короче. Прогрессирующее увеличение угла линии подъема над горизонтальной осью исторического времени в определенный миг устремляется, по законам математики, вертикально вверх. Момент перехода кривой в вертикальное положение — это «точка сингулярности», отрицающая предыдущие законы и логику развития и фиксирующая переход цивилизации в неведомое будущее.

в широкомасштабных исторических процессах всегда играли «наднациональные структуры»: интеллектуально интегрированные и мировоззренчески консолидированные группы транснациональной элиты: а) понимающей логику исторических процессов и трактующие смену этапов мировой истории как результат замысла, рождающегося в умах духовной элиты; б) выстраивающей на основе анализа глобальных вызовов времени сценарии «оптимального будущего»; в) имеющей ресурсы для их практического воплощения. Сегодняшний проект «управляемой эволюции», по замыслу его творцов, предполагает перевод неуправляемой и слабо контролируемой в последнее время исторической динамики в русло целенаправленной и долгосрочной стратегии, способной минимизировать настоящие и грядущие проблемы цивилизации. Концепция А. И. Фурсова полностью вписывается в культурологическую систему координат. Дело в том, что методология анализа мировой динамики как результата целенаправленно сконструированных проектов будущего (или пророческих откровений) лежит в основе известных культурологических теорий европейских и отечественных гуманитариев — К. Ясперса, О. Шпенглера, А. Тойнби, П. Сорокина, Г. Джемаля, В. Степина и др. Ее формула такова: ключевым источником зарождения и развития цивилизаций является Образ будущего, который формируется духовной элитой и становится проектом для практического воплощения². Не случайно великие мировые культуры, рожденные «Осевым временем», гуманитарная мысль символизирует

² Да и в религиозном плане миром — начиная с этапа его создания — правит Логос. «Творец приводил творение в бытие тем, что окликал вещи, обращался к ним, дерзнем сказать — разговаривал, заговаривал с ними; и они начинали быть, потому что бытие — это пребывание внутри разговора, внутри общения» [3, с. 816]. На одной из «Останкинских встреч» в конце 1980-х Дмитрий Сергеевич Лихачев, размышляя об уникальности русской культуры и условиях ее сохранения, сказал примерно следующее: гениально неточно с древнегреческого на древнеславянский перевели начальные строчки Евангелия от Иоанна: «В Начале было Слово...». Дело в том, что в древнегреческой версии текста Нового Завета использовался концепт Логос, глубинный смысл которого — Идея, Замысел. Академик говорил о том, что в русском мире евангельский Логос передал свои творящие функции Слову.

как логоцентричные, т. е. культуры, сотворенные Логосом: великих греков ранней античности, пророками Ветхого завета, доктриной Будды и этико-социальной программой Конфуция, «Нагорной проповедью» Христа, заложившей духовно-нравственную матрицу христианских цивилизаций. Результатом проектного замысла является и русская цивилизация — формулу ее духовной миссии, которую прописал инок Филофей в своем послании великому князю Василию III: «Москва — Третий Рим, а четвертому не бывать...», стала национальной идеей русского мира и была положена в основу геополитической стратегии российского государства.

В контексте вышесказанного отрицание возможностей человеческого разума проектировать и контролировать историческую динамику является интеллектуальным недоразумением или ошибкой. Реалистичность концепции «управляемой эволюции» (в ее различных формулировках и версиях) разделяют известные отечественные гуманитарии: С. Е. Кургинян, А. Г. Дугин, журналист В. К. Мамонтов, в границах ее методологии выполнены фундаментальные исследования А. С. Панарина, А. А. Зиновьева. «Проектно-конструкторские» амбиции, скрывающиеся от общественного сознания «борцами» за мировую гегемонию, контролирующими мировое богатство, власть и информацию, иногда всплывают в информационном пространстве. Например, например, в таких заявлениях: «Судьба Европы находится в руках всего лишь трёхсот человек, каждый из которых знает всех остальных. Своих преемников они выбирают из собственного окружения. Эти люди имеют средства для того, чтобы положить конец той государственной форме, которую они считают неоправданной»³. Подобный исход истории допускали и ученые с мировым именем. В частности, нобелевский лауреат П. Кругман показал, как небольшая группа правых радикалов в США в течение целой эпохи контролировала Белый дом, Конгресс, юстицию, СМИ, определяя стратегии реформирования не только американской, но и мировой

³ Из доклада Вальтера Ратенау, промышленника и министра иностранных дел Веймарской республики. [Цит. по: 20].

системы. «Современная политическая экономика учит нас, что маленькие, хорошо организованные группы зачастую превалируют над интересами более широкой публики» [12, с. 322].

Сегодня организационную основу проекта «управляемой эволюции» составляет сеть закрытых для государственного и общественного контроля наднациональных структур «клубного типа», объединяющих представителей правящих династий мира, богатейших банковских кланов (династии Ротшильдов, Рокфеллеров, Дюпонов), хозяев сетевых интернет-ресурсов. В эту сеть входят: Римский клуб, Фонд Сороса; Бильдербергский клуб, объединяющий влиятельную элиту мира; Хороший клуб (его основатели — миллиардеры Гейтс, Сорос, Рокфеллер, Тенер, Броуд) и др. Суммарный бюджет этих организаций превышает государственные бюджеты США и всех стран Западной Европы⁴. Исполнительские функции возложены на МВФ, ООН, МОК, ВОЗ, Всемирный Банк (с паутиной филиалов по всему миру), Федеральную Резервную систему. Эти структуры активно поддерживаются спецслужбами, транснациональными финансовыми корпорациями, хозяевами сетевых Интернет-ресурсов, институтом масс-медиа, а также Ватиканом, давно озабоченным созданием «мировой религии» (не так давно Папа Римский призвал молиться за искусственный интеллект — оригинальная инициатива католического гегемона). Именно эти структуры и силы являются ключевым субъектом мировой истории, определяющим стратегию и политику государств, включая США. Миром сегодня управляет агрессивный «моральный релятивист», хорошо обеспеченный средствами бесконтактной войны и возможностью манипулировать армиями наемников и «пятыми колоннами»⁵.

⁴ Это не значит, что есть некое «Мировое правительство» — чаще всего эти структуры действуют в режиме конкуренции, но в целях максимальной концентрации ресурсов они устанавливают базовые партнерские отношения. В частности, нормативными отношениями консолидированы стратегии и ресурсы ООН, Всемирного Экономического Форума, МВФ и других структур геополитического доминирования (А. И. Фурсов).

⁵ Характеристика авантюры идеологов «управляемой эволюции» и их последствий содержится в докладах участников 9-го Всероссийского Конгресса поли-

Главный проектировщик «сценариев будущего» — Всемирный экономический форум, объединяющий десятки лауреатов Нобелевской премии по экономике. В частности, автором стратегии «Великой перезагрузки» на базе ресурсов 4-й Промышленной Революции является Клаус Шваб, создатель и руководитель ВЭФ («говорящая голова» нескольких десятков идеологов «управляемой эволюции», по мнению А. И. Фурсова). Еще в 1971 г. он опубликовал основные контуры «стэйкхолдерской экономики», которая на этапе четвертой промышленной революции (4ПР) должна сменить капиталистическую модель: сокращение, а в дальнейшем устранение частной собственности, включая движимое и недвижимое имущество; минимизация или полное устранение контроля над своим бизнесом; ликвидация среднего класса и поляризация общества: один процент управляющего олигархата и тотальная бедность остального населения; вытеснение человека из технологического производства в результате цифровизации, роботизации и развития искусственного интеллекта; переход на цифровую валюту и отмена налички, обеспечивающий беспрецедентный контроль над финансами человека [18]. Идеи К. Шваба поддержали транснациональные корпорации, выступающие в роли исполнителей проекта. В рамках стратегии «Великой перезагрузки» идеологи ВЭФ сотворили проект «Международного разделения труда», который (руками наших же реформаторов 1990-х) почти уничтожил отечественное производство (это стало очевидно после объявленных США экономических «санкций из ада»). Эти «экономические гении» спроектировали и воплотили в жизнь наднациональную банковскую систему — зловещего спрута, опутавшего мир, бандитской структуры, которая откровенно сегодня пытается ограбить Россию, лишив ее золотых и валютных резервов.

Интеллектуальное ядро «хозяев» мировой истории: а) откровенно признает тупиковый вариант капиталистического развития⁶; б) тологов (который состоялся в декабре 2021 г. в МГУ), массированно представлена в сетевых публикациях.

⁶ О наступлении «терминальной», завершающей стадии капитализма было заявлено уже в конце 1980-х гг. — в докладах «Римского клуба», междуна-

утверждает необходимость разработки глобальной стратегии сокращения численности населения в ситуации усиливающейся борьбы за уменьшающиеся ресурсы — продовольствие и воду; в) пессимистически оценивает «классические» сценарии будущего, реалистичность которых минимизирует биологическая и моральная деградация антропоса, а также снижение интеллектуально-волевой планки нынешних национальных элит⁷. Проект «управляемой эволюции», по замыслу «аристократии будущего», может предупредить два неблагоприятных для Запада сценария будущего: первый предполагает оформление на европейской территории мусульманских и африканских анклавов как переходных структур от гетто к некоему подобию государственных образований; второй сценарий прописывает алгоритмы прихода к власти правых, националистических диктатур, ничего хорошего не обещающих сегодняшней транснациональной финансовой олигархии, удушающей национальные экономики и институты власти (А. И. Фурсов).

Но истинный замысел создателей «нового мирового порядка» другой: в условиях истощения природных ресурсов и перехода цивилизации к VI технологическому укладу необходимо сокращение значительной части человечества, «лишней» в грядущем мире искусственного интеллекта и цифровой экономики. Осуществление этого замысла, *Во-первых*, предполагает подавление реальной промышленности, в том числе путем изъятия собственности и экспроприации капиталов малого и среднего бизнеса, лишаящее огромные массы населения жизненных смыслов и выбрасывающей их за грань выживания, отчуждения творческих видного аналитического центра, объединяющего политическую и экономическую элиту западного мира. О неизбежности посткапиталистического будущего свидетельствует «проблемный нерв» международных дискуссий последнего времени, в частности, тематика Всемирного экономического форума, который в 2014 г. проходил под девизом «Переустройство мира: последствия для общества, политики и бизнеса».

⁷ В 2018 г. на закрытой конференции (г. Санта-Фе), которая состоялась под эгидой Агентства по национальной безопасности США, обсуждались четыре сценария мирового развития: оптимальный, предполагающий, что человечество сможет преодолеть сегодняшний кризис; революционный, обеспечивающий прорыв в «счастливое будущее»; катастрофический.

дов деятельности, функции которых постепенно передаются искусственному интеллекту и цифровым платформам производства. «Гуманистическим прикрытием» деиндустриализации мира становится «псевдоборьба» с климатическими изменениями, а также насильственная пропаганда «зеленой экономики», следствием которой станет неизбежная деградация промышленной инфраструктуры, и в первую очередь — мировой периферии [13, с. 59, 60]. «Уверена, что люди, работающие в промышленности, понимают, что на данном этапе зеленая энергия — это что-то вроде слез единорога — в худшем случае нереально, а лучше — дорого и неэффективно» [16]. По сути, эта программа является элементом глобальной биополитики — частью сценария «гуманитарного геноцида» человечества, огромные массы которого в цифровом мире становятся досадной обузой для «хозяев» мира. Неизбежным следствием деиндустриализации становится дисфункция ключевых институтов социально-культурного воспроизводства: образования, науки, здравоохранения, права, семьи. *Во-вторых*, важнейшее условие реалистичности проекта — обеспечение управляемости человека. «Инстинкт послушания» формируется тотальным контролем над знанием и структурами его производства, в том числе над социальными сетями, которые становятся ключевым «институтом социализации» и «невещественным фактором» посткапиталистической экономики.

В-третьих, фундаментальной предпосылкой достижения целей «управляемой эволюции» является «антропологическая регрессия», а именно: духовно-нравственная деградация человечества путем целенаправленного снижения ключевых характеристик человека как существа духовного, морально ответственного и интеллектуально вмняемого, лишения человека стыда и совести, девальвации ценностей семьи, легитимации порока и морального растления детей; деформация биопсихического пласта ментальности (в том числе с помощью «информационного террора», провоцирующего массовые эпидемии страха, на ментальном уровне уничтожающие жизненную энергию), раскрепощение отвратительных энергий языческого прошлого — бытового расизма [13, с. 60].

Энергетическим источником антропологической регрессии становится «эмансипированный инстинкт» — получившая культурную легитимность (а в пространстве западной цивилизации и правовую нормативность) эксплуатация институтами массовой культуры извращений, пороков, девиаций, кошмаров, трансгрессий. Кумирами для подрастающего поколения (особенно в сетевом пространстве) все чаще становятся субъекты, откровенно демонстрирующие посредственность, вульгарность, аморальность, порочность, отсутствие элементарного чувства стыда, которое отличает «человека культурного» от животного (Вл. Соловьев), а также представители «фрик-культуры» — личности с признаками вырождения и уродства, люди с физическими и психическими отклонениями, которые «перемещаются с периферии в центр культурного внимания, определяют стандарты искусства, моды, стиля» [9]. Задачу нравственного растления подростков и молодежи решает программа ранней гендерной идентичности, демонстрация в масс-медиа высокого социального статуса представителей ЛГБТ*-сообществ⁸, культурная легитимация педофилии, инцеста и других извращений человеческой природы и морали. Глобальное сетевое пространство перенасыщено садомазохистскими зрелищами, порнофильмами и документальными порносюжетами из жизни ночных клубов, сайтами с ЛГБТ* и трансгендерной «начинкой⁹. Пропанду извращений можно обнаружить в музы-

кальных клипах, в компьютерных играх. Сеть переполнена аниме, с их сюжетами и символикой смерти, насилия, сцен гомосексуальных контактов¹⁰. Образовательные школы активно пропагандируют идею равенства «натуралов» и ЛГБТ*-сообщества, идет компания по легализации просмотра порнографии, в рамках которой осуществляется предварительная «подготовка» родителей к такого рода «инновациям».

Антропологической регрессии способствует разрушение базовых оснований национально-культурной идентичности, перевооруживание, высмеивание и вытеснение в маргинальную зону моральных ценностей и норм. В результате дисперсная идентичность, расширяющая пространство хаоса, становится аналогом «вируса или злокачественной опухоли, смысл и срок существования которой исчерпывается разрушением более совершенных систем «организма-хозяина» [2]. Стратегию депопуляции «избыточного населения» дополняет антигуманная концепция «генетической селекции» — достижения антропологического превосходства правящей элиты над «биомассой». В рекламном ролике ВЭФ «4ПР» в качестве гуманистических достижений 4-й Промышленной Революции отмечается грядущий синтез тела и технологий, которые получат доступ к мыслям и желаниям человека и смогут ими манипулировать; искусственное создание на основе генетической модификации новой касты людей: *gen Rich — gen Poor* (Т. Соловьева). Происходящее на пространстве западной цивилизации поверхностному наблюдателю может показаться симптомом коллективного сумасшествия. Но все это вписывается в стратегию «управляемой эволюции» — «отсечь от будущего» избыточную массу населения, осуществить «депопуляцию», то есть принудительное сокращение населения: пропаганда однополых браков и расширяющийся спектр

⁸ Деятельность «Международного общественного движения ЛГБТ*» запрещена в Российской Федерации.

⁹ Перенос регистров собственной «извращенной сексуальности» западной элиты на другие народы становится современной разновидностью «духовного колониализма». Не случайно садомазохистские и гей-порно-образы, активно эксплуатируемые авторами голливудской продукции, стали предметом экспорта в культуру Азии и Африки, в мусульманский мир Ближнего Востока. Вот только один эпизод решения этой стратегической задачи «англосансонским гегемоном»: в 1990-х гг. Исследовательская лаборатория ВВС США выступила с инициативой разработки специфического химического препарата, способного «возбуждать солдат, провоцируя среди них гомосексуальное поведение». Такое «химическое оружие» должно нанести «несмертельный удар по моральному духу вражеских войск» [11, с. 15, 19].

¹⁰ Вот только один пример: в 2021 г. несколько районных судов Санкт-Петербурга запретили ссылки в сети на аниме-сериалы. Эксперты оценили как опасные для душевного здоровья детей: «Загадка Дьявола», «Тетрадь смерти», «Токийский террор», «Князь Тьмы и Герой», «Князь тьмы с задней парты», «Класс убийц», «Межвидовые рецензенты», «Натюрморт в серых тонах», «Эльфийская песнь», «Инуяшки», «Клинок Маню» и др.

движений за бездетный образ жизни выносят «антропологический приговор» цивилизации.

Особую миссию в системе управления массовым сознанием (в том числе в рамках образовательных учреждений) выполняет постмодернистская философия, с ее тотальной деконструкцией образа человека и мира, вытеснением бытия «виртуальной реальностью» симулякров и ризом. Постмодернизм меняет системообразующий центр современной культуры, осуществляя переход «от Слова к Телу, от интеллектуальности и духовности к телесности, от вербальности к зрительному образу, от рациональности к «новой архаике», помещая в центр ментальности и дискурса тело, плоть» [17]. Контуры нового «дивного мира» формирует интеллектуал-постмодернист, утративший способность чувствовать истину, восхищаться красотой, ценить свободу, справедливость, здоровье, семейный уклад, прочный быт, а тем более реально воплощать их. Он создает свой, извращенный мир, в котором «здоровье вытесняется клиникой, разум — шизофренией, космос — хаосмосом, норма — извращением, гетеросексуальность — педерастией, религиозность — атеизмом, доверие — цинизмом, память — забвением, культура — контркультурой, подлинник — репродукцией, язык — жаргоном, уникальное — массовым, согласие — диссенсусом, смысл — его рассеянием» [7, с. 105]. Разрушение Логоса, первоопределением и сущностью которого является его «словесность», «онтологичность», «исходная сродность общению», усиливает «разлагающую волю небытия» [3].

Социально-культурную и правовую легитимность практически всему спектру девиаций и трансгрессий обеспечивает концепция «новой этики», которую проектировщики и адепты позиционируют в качестве «глобального гуманистического проекта», способного обеспечить равенство, справедливость и взаимоуважение людей, независимо от их расовой, половой и религиозной принадлежности, трансгендерной и сексуальной идентичности. Однако за этим лозунгом обнаруживаются иные замыслы и смыслы: в последние десятилетия «новая этика» обретает статус института модификации ценностно-нормативного бази-

са культуры, в том числе путем реабилитации «репрессированных» предшествующими этапами цивилизации «категорий ада» [14].

Идеологи феминизма и ЛГБТ*-сообществ не просто отвергают христианские ценности — для утверждения своего проекта они осуществляют откровенные и аморальные в своей сущности манипуляции с текстом Ветхого и Нового Завета [21, с. 531]. Корректировка текста и смысла священного писания рассматривается в качестве средства борьбы против дискриминации и «патриархальной несправедливости», которую утверждает и сохраняет священное писание. Именно эта мотивация лежит в основе «гендерной коррекции» сюжетов Ветхого и Нового Завета, которые «вытеснили образ Богини-Матери патриархальной фигурой Бога-Отца» [5, с. 60–61]. «Мужское доминирование» Библии «просматривается на уровне причастий, глаголов прошедшего времени, числительных, множественного числа существительных и т. д. Эта тенденция, которая «выталкивает» женщину из многих грамматических форм, тем самым «тщательно дозируя ее присутствие в языковом пространстве», оказывает на психику более деструктивное воздействие, чем грубые виды дискриминации, проникая в более глубокие пласты «именно в силу своей неочевидности» [6, с. 174]. Для разрушения стереотипов «мужского господства» из текста Библии изъяты слова «сын», «брат», «отец», а Сын Человеческий Христос превращается в «некто из человеческого рода» [23]. Строчка известной молитвы Христа «Отец наш, сущий на небесах» заменяется вербальным уродцем «наш предок где-то наверху» (W. Ringer). «Гендерно-инклюзивная» Библия, считают ее творцы, станет эффективным средством достижения «максимального равноправия» представителей феминистских движений и ЛГБТ*-сообществ, ресурсом позиционирования христианства как религии, готовой принять любого верующего, независимо от его сексуальной ориентации» (G. Ward). Гендерно-нейтральный язык вносит новые феминистские смыслы в мессианские священные тексты, ранее там не содержащиеся, а «гендерно-нейтральные английские переводы христианской Библии» перестают

быть каноничными с точки зрения христианской теологии и «граничат с богословской ересью» [23, с. 537]. По существу идеология и практика «новой этики» осуществляет «моральную инверсию» — смену знака ключевых универсалий и духовно-нравственных оснований мировой культуры, становится фактором разрушения социальной солидарности, провокатором ментальных эпидемий агрессии, нетерпимости и вражды. «Всеразлагающий цинизм» идеологии «новой этики» превращает это движение в институт этической деградации и атрофии нравственного инстинкта, в инструмент «морального террора» по отношению к представителям нормативных жизненных стратегий. Целенаправленно создаваемое «господство» секс-меньшинств в ключевых сферах государственной и общественной жизни, а также искусственно взвинченная борьба за гендерное равенство, выдвигающая женщин на первый план и превращающая их в «ключевой субъект культурной политики», разрушают ценностно-нормативную основу национальных культур и социальную структуру общества [13, с. 60].

Видимым результатом целенаправленных усилий агентов «управляемой эволюции» становится выход европейской культуры из христианских матриц и постепенное погружение в стихии языческого прошлого с его «племенной» энергетикой, которая становится источником реставрации античеловеческой теории и практики расизма. Символом морального распада Европы стала утвержденная МОК церемония открытия Олимпиады-2024, которую ответственные гуманитарии квалифицировали как «антихристианский шабаш», символизирующий «заккрытие» западной цивилизации в ее культурной, духовной плоскости. Не случайно образ всадника на механической лошади, доставившего перевернутый олимпийский флаг, многие ассоциировали с «всадником Апокалипсиса» — предвестника конца света. Откровенный антихристианский пафос «управляемой эволюции» превращает данный проект в орудие разрушения опорных культурно-антропологических «столбов» цивилизации Логоса, в источник эволюционной регрессии и деградации, в средство «духовного самоубийства»

человечества, которое приближает реальную «антропологическую эвтаназию».

2. Институты и технологии реализации проекта «управляемой эволюции»

Проектом отработки в глобальных масштабах одного из направлений стратегии «управляемой эволюции», по мнению гуманистов, стала пандемия COVID-19, усугубившая экономические противоречия и этические разногласия (эту версию разделяют А. И. Фурсов, А. Г. Дугин и другие отечественные и европейские гуманитарии). В частности, отмечалась характерная реакция на коронавирус «хозяев мира» — дискурс глобалистских элит, который структурировала триада «*Building — Back — Better*», вписываясь в формулу «*Great Reset*» — «великой перезагрузки». При этом «нельзя исключить, что речь идет об утечке биологического оружия. ...Видимо, мы имеем дело с тем, о чем давно говорят глобалисты: достижение пределов роста (демографии, экономики, природных ресурсов), необходимость сокращения населения планеты, прежде всего за счет пожилых людей, изменение баланса производства и потребления (с чем не справляются ни промышленность, ни ресурсная база), необходимость полного контроля над людьми, включая управление сознанием, сращивание человека и машины и так далее. А для этого нужна волна катастроф или просто резкое сокращение народонаселения планеты. <...> Коронавирус — идеальный способ регулирования численности населения Земли через истребление, геноцид определенной его части» [10]. В антропологической плоскости пандемия стала средством деперсонализации человека, она отработывала антигуманный опыт интериоризации социального контроля, превращающего людей в надсмотрщиков по отношению к себе и другим. Изоляция извлекала человека из экзистенциально значимых ниш коммуникации, обеспечивающих формирование и развитие человека как существа фундаментально социального. Базовая миссия пандемии — запустить процесс быстротекущей «эпигенетической эволюции», которая сформирует «че-

ловека послушного», переведет общество в социум управляемой эволюции. «Ковидоистерия» оказалась «таким психоударом, который должен ускорить перезапуск Истории» [20]. Раскрученный институтами масс-медиа образ пандемии как «апокалипсиса человечества» и растущая на этом фоне экзистенциальная бессмысленность пробуждали в биопсихических структурах ментальности энергии *танатоса*, расширяющие спектр деструктивной активности социально-депривантных сегментов общества. Эпидемия страха, порождаемая чувством биологической незащищенности и «медицинской беспомощности», иссушала жизненные силы человека.

В моральной регрессии человечества активное участие принимает современный институт искусства, исповедующий принципы постмодернистской эстетики, с ее аксиологическим плюрализмом и реабилитацией безобразного, культом телесности и стихий подсознательного. Своим нигилистическим пафосом и нравственным релятивизмом такое искусство становится активным участником зловещего постмодернистского проекта: осуществить реабилитацию «униженных» предыдущими культурными эпохами «элементов оппозиции» — хаоса и зла, выступающих «подлинными агентами мировой динамики»¹¹. Осуществляя тотальный нигилизм этических оснований и деформацию ментальных матриц, постмодернистское искусство покидает границы культуры, которая всегда была средством духовного преображения и возвышения человека. Оно превращается в разновидность компьютерного «вируса безнравственности», блокирующего душевные энергии добра и милосердия провокацией деструктивных (и даже «суицидальных» в духовно-нравственном смысле) поведенческих проекций эроса и танатоса. Функции формирования «*антропоса будущего*» выполняют международные общественные организации и движения. В частности, идея утверждения образа человека «*эпохи Водолея*» лежит в основе гуманитар-

но-окультиных интервенций движения «*New Age*» — организации, которая контролирует образно-символический «репертуар» референтных героев, используемых транснациональными корпорациями в рекламе и брендинге. Неправительственные общественные организации выступают еще и как стратегический агент влияния на общественное сознание молодежи.

Объектом атак со стороны идеологов «управляемой эволюции» всегда был и остается институт образования — как важнейшая сфера обработки сознания молодежи, «поле битвы» за умы будущих поколений. Проектировщики сценария «светлого будущего» понимали, что сроки и качество воплощения их замысла в значительной степени будет зависеть от готовности молодежи поддержать амбициозные устремления «гегемонов мира». Не случайно система образования постсоветской России — буквально с первых лет «потерянной эпохи» 1990-х — становится площадкой деструктивных экспериментов неолиберальных реформаторов. Миссия «реформируемого» образования, из которого изымаются «лишние знания» и практически ликвидируется институт воспитания — обеспечить дерационализацию, деисторизацию и примитивизацию сознания (А. И. Фурсов). Глобально-космополитически ориентированное образование не способно противодействовать сетевцентричной экспансии, создающей анклав «пятых колонн» в самом «теле» данного института. Лишенное духовно-нравственного фундамента и моральной базы образование легче подключить к глобальным сетям, обеспечив тем самым бесконтрольный доступ к сознанию молодого поколения¹².

Для решения этой задачи, помимо глобальной информационной обработки и учреждения многочисленных НПО, в систему отечественного образования эпохи 1990-х, причем, без всяких преград, проникает Беркмановский центр «Интернет и общество»¹³.

¹² «Булгаковский Воланд бессилен против здорового, он цепляет только то, что подгнило изнутри» (А. И. Фурсов).

¹³ Беркмановский центр изучения Интернета и общества» (Berkman Center for Internet and Society) был создан в конце 1990-х гг. на базе Гарвардского университета. Его приоритетом стал анализ манипулятивных

¹¹ Эти идеи вынашивали и пропагандировали родоначальники и ключевые фигуры постмодернистской философии — М. Фуко, Ж. Делёз, Р. Барт, Ж. Деррида, Ф. Гваттари и др.

В частности, он принимал активное участие в разработке отечественных ФГОСов — стандартов образования, которым Минобрнауки РФ оперативно придавал статус нормативных документов. Вторым направлением Центра было внедрение «методических рекомендаций» по управлению русскоязычной блогосферой. Интерес к сетевой площадке как индикатору «повседневного поведения» ее многомиллионного сегмента участников и ресурсу воздействия на систему власти понятен: с одной стороны, блогосфера в последние десятилетия превратилась в зону морального растрепывания ее участников. Главное направление «информационного удара» — все еще сохраняющийся консерватизм значительной части молодежи мира, которую, по замыслу идеологов Центра, надо «втягивать в блогосферу», заставляя играть по правилам «прогресса и демократии». Ключевой итог воздействия на субкультуру блогосферов — упрощение, примитивизация сознания ее аудитории, максимальная «зачистка» исторической памяти, ликвидация убеждений и релятивизация национально-культурных ценностей. Движимый желанием и лишенный моральных обязательств «сетевой человек» (*homoretis*) будет иметь мировоззрение, излагаемое одной фразой, его социальную позицию необходимо ограничить тремя словами, действующими ударно, как хэштэги, высказываемыми в сознании автоматически в момент вброшенного в сеть сконструированного идеологами «мема» — слогана, фразы, звукового или визуального сигнала [19].

С другой стороны, развитая блогосфера, заменяя традиционные системы социальных связей и передачи информации, способна не только деформировать ключевые институты, но и трансформировать режим власти без революционных переворотов. В мае 2010 г. в «Институте развития образования» при Высшей Школе Экономики (а потом и на площадке ее Санкт-Петербургского филиала) состоялись семинары для профессорско-преподавательского состава, которые вели сотрудники центра. Тема семинаров — стратегии взаимодей-

ствия ВШЭ со СМИ и блогосферой (предметом обсуждения стали проекты «*Mediacloud*» и «*Mapping the Russian blogosphere*», рекомендованные по итогам к исполнению). Раскрученные лайками «лидеры мнений» должны стать, по замыслу информационных стратегов, инновационным ядром «пятой колонны» блогосферы — коллективным руководителем цифровых сообществ, вдохновителем флэшмобов и смартмобов. Семинары имели любопытное продолжение: в октябре 2010 г. в Институте мира при «Рэндкорпорейшн», обслуживающей армию и разведслужбы США, состоялась презентация второго проекта [18].

Базовым ресурсом и площадкой решения ключевых задач сценария формирования «нового мирового порядка» является институт масс-медиа. В частности, функции «антропологической регрессии» возложены на социальные сети как важнейшую составляющую медиа-индустрии. Они используются в качестве эффективного средства «утилизации» национальных культур, в том числе путем дискредитации ценностей и жизненных смыслов «врага», деформации его ментальных матриц и традиционных оснований идентичности, дестабилизации ключевых социальных институтов, обеспечивающих функционирование государства и общества [14]. Оболванивание будущих национальных элит в интернет-пространстве «мировое правительство» осуществляет путем позиционирования «преимуществ» неолиберализма и «демократии» в сравнении «традиционными обществами», на самом деле превращающих «свободу совести в свободу от совести», утверждения институтами массовой культуры идеологии потребительства, смещающей смысл человеческой жизни с духовного на материальный и телесный уровень, превращающей в объект купли-продажи не только товары и услуги, но и базовые человеческие ценности.

Используемые в сетевом пространстве мощные цифровые технологии (в своей сущности антропоцентрированные) открывают их владельцам безграничные возможности влияния на поведение людей, формирования «нормативного» сознания не только широких масс, но и интеллектуальной и политической эли-

возможностей «когнитивных наук», а также исследование феномена социальных сетей и разработка стратегий воздействия на блогосферу [18].

ты. Глобальная Сеть не просто контролирует ценности, смыслы и поведенческие сценарии своей аудитории — она становится «электронным капканом», формирующим зависимость от виртуального мира, буквально высасывающим жизненную энергию реальной коммуникации. Управляемость широкими массами обеспечивается «социальной дрессировкой», в том числе посредством нагнетаемого иррационального в своей сути страха, который становится провокатором глобальной «катастрофофиллии», лишаящей человечество на ментальном уровне жизнеутверждающей энергии и веры в завтрашний день (А. П. Назаретян). В результате целенаправленного зомбирования, в том числе с помощью технологий образно-символического репертуара, воздействующих на ментальные матрицы и глубинные пласты индивидуального и коллективного бессознательного, аудитория сети начинает действовать по принципам и поведенческим сценариям тоталитарных сект. Виртуальная среда способствует деструктивным антропологическим модификациям — освобождая своих обитателей от исторически устойчивых ценностей и норм, она блокирует на ментальном уровне душевные энергии стыда и совести, девальвирует базовые критерии идентичности, разрушая тем самым классические формы социальности и переводя социальные группы в «глобальный

человейник» (А. Зиновьев), в легко управляемое «стадо». И в этом есть своя логика — «Объектом манипуляции может быть масса, в меньшей степени — класс, т. е. такой атомизированно-агрегированный человеческий материал, который состоит из индивидов, а не из коллективов, массовый индивид. Любым традиционным коллективом, укоренённым в «малой традиции», имеющим общие нормы, ценности, предание, будь то община, клан, племя, каста и т. п., трудно манипулировать» [19]. «Одинокая толпа» (Д. Рисмэн) — удобный объект для рационализируемого воздействия, широкомасштабных исторических манипуляций и деструктивных ментальных эпидемий (страха, агрессии, уныния). Погружение молодежи в сеть, «населенную» легко манипулируемыми «сетевыми человеками» — это «беспроигрышный ход в мировой борьбе за власть, ресурсы и информацию» (А. И. Фурсов). Субъективно добровольная (а в реальности становящаяся результатом изоощренных психологических манипуляций) «миграция» в киберпространство становится одним из финальных этапов «расчеловечивания человечества» (А. Г. Дугин) — целенаправленно насыщенная символикой хаоса и смерти цифровая среда на биопсихическом уровне ментальности запускает энергии и мотивацию танатоса, провоцируя тем самым «добровольную» самоликвидацию человечества.

Список литературы

1. Аверьянов В. Другая дискретность // Миропознание и миростроительство : материалы научного семинара «Sinergia». — Вып. № 1. — Москва, 2007. — С. 154–155.
2. Аверьянов, В. В. Русская цивилизация против антисистем : доклад Изборскому клубу, 30 ноября 2017 / В. В. Аверьянов, А. В. Елисеев, А. Ю. Комогорцев, М. В. Медоваров. — URL: <https://izborsk-club.ru/14417> (дата обращения: 14.06.2024).
3. Аверинцев, С. София–Логос : словарь / С. Аверинцев ; под ред. Н. П. Аверинцевой, К. Б. Сигова. — Москва : Дух и Литера, 2006. — 912 с.
4. Барбекю на грани бездны. Тенденции глобальной деградации : доклад Изборскому клубу // Изборский клуб. — 2015. — № 9. — URL: <https://izborsk-club.ru/7069?ysclid> (дата обращения: 14.06.2024).
5. Воронина, О. А. Оппозиция материи и духа: гендерный аспект / О. А. Воронина // Вопросы философии. — 2007. — № 2. — С. 56–65.
6. Габриэлян, Н. М. Всплывающая Атлантида (медитация на тему феминизма) / Н. М. Габриэлян // Общественные науки и современность. — 1993. — № 6. — С. 171–176.

7. Голиневич, Н. А. Логос и мелос философии / Н. А. Голиневич // Философские науки. — 2010. — № 6. — С. 102–113.
8. Гранин, Д. Наш враг — наша совесть / Д. Гранин // Огонек. — 2007. — № 41. — С. 8–14.
9. Дугин, А. Социология фазового перехода / А. Дугин. — URL: <http://konservatizm.org/konservatizm/sociology/180509095406.xhtml> (дата обращения: 14.06.2024)..
10. Дугин, А. То, что происходит с коронавирусом — колоссальный удар по человечеству / А. Дугин. — URL: <https://www.business-gazeta.ru/article/492115> (дата обращения: 14.06.2024)..
11. Комарофф, Д. По ту сторону голой жизни: СПИД, (био)политика и неолиберальный порядок / Д. Комарофф // Логос. — 2021. — Т. 31, № 1. — С. 3–34.
12. Кругман, П. Великая ложь / П. Кругман. — Москва : АСТ, 2004. — 474 с.
13. Марков, А. П. Кризис европейской цивилизации и проекты грядущего мироустройства / А. П. Марков // Вестник культуры и искусств. — 2022. — № 4 (72). — С. 52–64.
14. Марков, А. П. Традиционные ценности — «новая этика»: глобальный конфликт Логоса и Хаоса / А. П. Марков // Культура культуры. — 2023. — № 4. — URL: https://vk.com/wall-26047628_10134 (дата обращения: 14.06.2024)..
15. Панарин, А. С. Православная цивилизация / А. С. Панарин ; сост., предисл. В. Н. Рас-торгуев. — Москва : Ин-т рус. цивилизации, 2014. — 1248 с.
16. Соловьева, Т. Великая перезагрузка. Четвертая промышленная революция. Куда нас всех ведут / Т. Соловьева. — URL: <https://solovyeva.livejournal.com/344413.html>.
17. Тульчинский, Г. Л. Телоцентризм / Г. Л. Тульчинский // Проективный философский словарь: новые термины и понятия / под ред. Г. Л. Тульчинского, М. Н. Эпштейна. — URL: <http://hpsy.ru/public/x3051.htm> (дата обращения: 14.06.2024)..
18. Фурсов, А. «Реформа» образования в России и ее подоплека / А. Фурсов // Анали-тика, обзоры, интервью. — URL: <https://regnum.ru/article/1465668> (дата обращения: 14.06.2024)..
19. Фурсов, А. Конспирология / Криптополитэкономика капитализма как основа изуче-ния западных элит / А. Фурсов. — URL: http://andreyfursov.ru/news/konspirologija_kriptopolitehkonomija_kapitalizma_kak_osnova_izuchenija_zapadnykh_ehlit_chast (дата обращения: 14.06.2024)..
20. Фурсов, А. Переход к социуму управляемой эволюции. — URL: <http://genocid.net> (дата обращения: 14.06.2024)..
21. Фурсов, А. И. Началась схватка глобальных элит за посткапиталистическое будущее / А. И. Фурсов. — URL: <https://www.business-gazeta.ru/article/476364> (дата обращения: 14.06.2024)..
22. Шаров, К. С. Гендерно-нейтральные лингвистические трансформации мессианских священных текстов в современной англиканской гомилетической литературе / К. С. Ша-ров // Вестник РУДН. Серия: Лингвистика. — 2019. — Т. 23, № 2. — С. 523–543.
23. The Inclusive Bible: The First Egalitarian Translation (by Priests for Equality). — New York : Sheed & Ward, 2009.

Получено 28.08.2024

Alexander P. Markov

*Doctor of Pedagogical Sciences,
Doctor of Culturology*

*Honored Scientist
of the Russian Federation*

*Professor of the Philosophy
and Culturology Chair*

*St. Petersburg University
for the Humanities of Trade Unions,
St. Petersburg, Russia*

E-mail: markov_2@mail.ru

**“Managed Evolution” as a Global Project of Post-Capital Future:
the Idea, Strategies, Results
(part 1)**

The author proposes a cycle of two articles devoted to the analysis of the “Managed Evolution” strategy as a scenario of the coming world order initiated by the Western elite and by the leaders of transnational companies supported by global financial capital, by the mass-media institution and by digital corporations. The given article contains the analysis of the declared tasks and the real idea of the “Managed Evolution” project. It also characterizes the priorities, institutions and technologies of its realization in the global scale. The idea of the project is to establish “new world order” by means of total control over the world resources, the spiritual factors of evolution, knowledge and structures of its production, conscience and behavior of people. And its final result will be “depopulation”, i. e. forced reduction of overweight population, “excess” in the coming world of artificial intelligence and digital economy. Priority directions of the “managed evolution” scenario include world’s deindustrialization, destabilizing of key institutions and structures which ensure reproduction and stability of social-cultural systems; “anthropological regression, i. e. targeted reduction of key characteristic features of man as a spiritual, morally responsible, intellectually sane being including social-cultural identity traditional fundamentals deformation. Frank anti-Christian pathos of the “managed evolution” strategy transforms this project to the weapon of the Logos civilization rod cultural-anthropological posts destruction, to the source of evolutionary regression and degradation and finally to the means of the “anthropological euthanasia” of mankind.

Keywords: future scenarios, “managed evolution” project, world hegemony, world’s de-industrialization, “anthropological regression”, global network, blog-sphere, non-governmental public organizations

For citation: Markov A. P. 2024. “Managed Evolution” as a Global Project of Post-Capital Future: the Idea, Strategies, Results (part 1). *Vestnik kultury i iskusstv [Culture and Arts Herald]*. No 4 (80): 88–101. (In Russ.).

References

1. Averyanov V. 2007. Another Discreteness. [World Knowledge and World Building. Proceedings of the Scientific Seminar “Sinergia”]. Iss. 1. Moscow. Pp. 154–155. (In Russ.).
2. Averyanov V. V., Eliseev A. V., Komogortsev A. Yu., Medovarov M. V. 2017. Russkaya tsivilizatsiya protiv antisistem: доклад Izborskому клубу, 30 noyabrya 2017 [Russian Civilization Against Anti-Systems: report to the Izborsk Club, November 30, 2017]. Available from: <https://izborsk-club.ru/14417>. (In Russ.).
3. Averintsev S. 2006. Sofiya-Logos [Sofia-Logos]. Moscow: Duh i Litera. 912 p. (In Russ.).

4. Barbecue on the Edge of the Abyss. Global Degradation Trends: report to the Izborsk Club. 2015. *Izborskii klub [Izborsk Club]*. No 9. Available from: <https://izborsk-club.ru/7069?ysclid>. (In Russ.).
5. Voronina O. A. 2007. Opposition of Matter and Spirit: Gender Aspect. *Voprosy filosofii [Questions of Philosophy]*. No 2: 56–65. (In Russ.).
6. Gabrielyan N. M. 1993. The Rising Atlantis (Meditation on the Theme of Feminism). *Obshchestvennye nauki i sovremennost' [Social Sciences and Modernity]*. No 6: 171–176. (In Russ.).
7. Golinevich N. A. 2010. Logos and Melos of Philosophy. *Filosofskie nauki [Philosophical Sciences]*. No 6: 102–113.
8. Granin D. 2007. Our Enemy is Our Conscience. *Ogonek [Fire]*. No 41: 8–14. (In Russ.).
9. Dugin A. Sotsiologiya fazovogo perekhoda [Sociology of Phase Transition]. Available from: <http://konservatizm.org/konservatizm/sociology/180509095406.xhtml>. (In Russ.).
10. Dugin A. To, chto proiskhodit s koronavirusom — kolossal'nyi udar po chelovechestvu [What is happening with the coronavirus is a colossal blow to humanity]. Available from: <https://www.business-gazeta.ru/article/492115>. (In Russ.).
11. Komaroff J. 2021. Beyond Bare Life: AIDS, (Bio) Politics, and the Neoliberal Order. *Logos*. Vol. 31, No 1: 3–34. (In Russ.).
12. Krugman P. 2004. Velikaya lozh' [The Great Lie]. Moscow: AST. 474 p. (In Russ.).
13. Markov A. P. 2022. The crisis of European civilization and projects of the future world order. *Vestnik kultury i iskusstv [Culture and Arts Herald]*. No 4 (72): 52–64. (In Russ.).
14. Markov A. P. 2023. Traditional Values — “New Ethics”: Global Conflict of Logos and Chaos. *Kul'tura kul'tury [Culture of Culture]*. No 4. Available from: https://vk.com/wall-26047628_10134. (In Russ.).
15. Panarin A. S. 2014. Pravoslavnaya tsivilizatsiya [Orthodox civilization]. Moscow: Institute of Russian Civilization. 1248 p. (In Russ.).
16. Solovieva T. Velikaya Perezagruzka. Chetvertaya promyshlennaya revolyutsiya. Kuda nas vsekh vedut [The Great Reset. The Fourth Industrial Revolution. Where Are We All Being Lead]. Available from: <https://solovyeva.livejournal.com/344413.html>. (In Russ.).
17. Tulchinsky G. L. Bodycentrism. *Proektivnyi filosofskii slovar': novye terminy i ponyatiya [Projective philosophical dictionary: new terms and concepts]*. Available from: <http://hpsy.ru/public/x3051.htm>. (In Russ.).
18. Fursov A. “Reform” of Education in Russia and Its Background. *Analitika, obzory, interv'yuy [Analytics, Reviews, Interviews]*. Available from: <https://regnum.ru/article/1465668>. (In Russ.).
19. Fursov A. Konspirologiya / Kriptopolitekonomiya kapitalizma kak osnova izucheniya zapadnykh elit [Conspiracy Theory / Cryptopolitical Economy of Capitalism as a Basis for Studying Western Elites]. Available from: http://andreyfursov.ru/news/konspirologiya_kriptopolitekonomiya_kapitalizma_kak_osnova_izucheniya_zapadnykh_elit_chast. (In Russ.).
20. Fursov A. Perekhod k sotsiumu upravlyaemoy evolyutsii [Transition to a society of controlled evolution]. Available from: <http://genocid.net>. (In Russ.).
21. Fursov A. I. Nachalas' skhvatka global'nykh elit za postkapitalisticheskoe budushchee [The fight of global elites for the post-capitalist future has begun]. Available from: <https://www.business-gazeta.ru/article/476364>. (In Russ.).
22. Sharov K. S. 2019. Gender-neutral linguistic transformations of messianic sacred texts in modern Anglican homiletic literature. *Vestnik RUDN. Seriya: Lingvistika [Bulletin of RUDN. Series: Linguistics]*. Vol. 23, No 2: 523–543. (In Russ.).
23. The Inclusive Bible: The First Egalitarian Translation (by Priests for Equality). 2009. New York: Sheed & Ward.

Received 28.08.2024-

Мария Николаевна Митина

аспирант кафедры искусствоведения

Санкт-Петербургская государственная
художественно-промышленная
академия имени А. Л. Штиглица,
Санкт-Петербург, Россия

сотрудник

научно-просветительного отдела

Государственный Эрмитаж,
Санкт-Петербург, Россия

E-mail: mitina.mary@gmail.com

РУССКАЯ ГЛИНЯНАЯ ИГРУШКА КАК ФЕНОМЕН ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЫ

Русская глиняная игрушка обладает широким спектром смыслов и функций, выходящих далеко за пределы игрового контекста. Глиняные фигурки, созданные в разных центрах народных художественных промыслов, несмотря на стилевые и художественные отличия, имеют ряд универсальных характеристик. В статье рассматриваются черты русской культуры, отраженные в искусстве глиняной мелкой пластики: традиционность, духовность, семейственность. Духовность русской народной глиняной игрушки воплощается через семантику художественных образов, традиционность — через устойчивый набор персонажей, семейственность — через коллективное творческое начало.

Ключевые слова: русская глиняная игрушка, народные художественные промыслы, традиции, русская культура

Для цитирования: Митина, М. Н. Русская глиняная игрушка как феномен художественной культуры / М. Н. Митина // Вестник культуры и искусств. — 2024. — № 4 (80). — С. 102–109.

Русская культура многогранна и разнообразна, «чтобы объять и оценить ее, познаться с ее неиссякаемыми сокровищами, не хватит и жизни» [14, с. 9]. Художественные промыслы — огромный пласт культуры. В творчестве мастеров воплощается многовековая картина мира народа. Глиняная игрушка создавалась во многих регионах России. В каждом центре народного искусства существовали сложившиеся способы работы с глиной, набор средств художественной выразительности, стилевые особенности. Своеобразие художественного языка каждого промысла складывалось постепенно. Но, несмотря на разные стилевые характеристики, народная глиняная игрушка обладает общими чертами, выражающими специфику народной культуры страны.

Поскольку «культура принадлежит к самым сложным и всеобъемлющим понятиям истории человечества» [10, с. 4], исследование ее аспектов необходимо для понимания окружающего мира, обогащения и развития науки. Культурологический аспект исследования искусства народных художественных промыслов, а именно народной глиняной игрушки, все еще остается актуальным проблемным полем современной науки о народном искусстве.

Целью настоящей работы является исследование русской глиняной игрушки как феномена художественной культуры. Для ее достижения необходимо решить следующие задачи: провести краткий обзор истории исследования русской глиняной игрушки; определить универсальные характеристики народной

пластики; выявить черты русской культуры, отраженные в глиняной игрушке всех центров народных художественных промыслов. Объектом исследования настоящей работы является русская народная глиняная игрушка XIX–XXI вв. Значительный временной промежуток помогает наиболее широко рассмотреть глиняную игрушку, как цельное явление народного творчества; обратиться к народной глиняной игрушке как феномену культуры страны. Предметом исследования стали художественные формы и образы мелкой пластики России XIX–XX вв. Методологической основой работы является сравнительный, исторический и искусствоведческий анализ.

Актуальность исследования связана с возрастающим интересом к народному искусству, который отмечается в последние несколько лет; необходимостью осмысления семантики образов игрушки; поиском возможностей по возрождению забытых промыслов, с учетом сохранения традиций и канонов народа. Не случайно в последнее время всё чаще встречаются формулировки о важности народной культуры для дальнейшего развития общества, «когда техника удовлетворит материальные потребности человечества, потребности в комфорте и прочем, наступит век создания культурных ценностей» [9, с. 299]. В современных условиях сложной мировой обстановки человеку необходимы точки опоры, культурные столпы, которыми могут служить произведения народного искусства. Изделия промыслов отражают особенности культуры страны, воплощают представления о мире, служат проводниками в область фольклора и мифотворчества. Поэтому сегодня тема исследования звучит наиболее громко и актуально.

Глина — пластичная и огнеупорная, относительно доступная — не случайно стала одним из самых любимых материалов для создания предметов декоративно-прикладного искусства. Глиняная пластика — один из древнейших видов художественной деятельности человека. Ее история насчитывает несколько тысячелетий. Предметы мелкой пластики представлены в разнообразном спектре культур, начиная от первобытности и заканчивая современностью. В разные периоды статуэтки

играли важную роль в религиозных действиях, были элементом интерьера жилых и культовых помещений, использовались в качестве игрушек и музыкальных инструментов (свистулек-флейт). Камерное их использование предполагало тесную связь с самыми сокровенными сферами жизни человека.

Древнейший образ животного, птицы и человека, воплощенный в искусстве малых форм, возникает в период палеолита. Однако пластика этого периода представлена небольшим количеством находок, хотя известные образцы передают выразительный художественный образ. Временем широкого распространения мелкой пластики стали периоды неолита и медного века (VII–III тыс. до н.э.), к которому относятся серии статуэток, насчитывающие сейчас тысячи экземпляров. Кроме изображений людей и животных, в набор мелкой пластики этой эпохи входили разнообразные глиняные предметы: модели жилищ, транспортных средств, орудий труда. Все эти памятники создали целый «ансамбль» миниатюрных произведений.

С течением времени видоизменялась форма и семантика фигурок, однако, вероятно, некоторые образы, воплощенные мастерами художественных промыслов, имеют связь с образами древнейшей пластики. Так, Л. А. Динцес предполагал, что истоки семантики русской глиняной игрушки можно нащупать в славянской культуре, в представлениях дохристианского периода. Миниатюрные фигурки использовались как обереги; ритуальные предметы, связанные с обрядами календарных сельскохозяйственных праздников; votивные статуэтки. Во всех центрах бытования глиняной пластики преобладают свистульки. Это связано с музыкальной природой происхождения пластики в целом. Две главные составляющие ее основы — музыка и фольклор [8, с. 9].

Главными отличительными признаками мелкой пластики любого периода являются относительно небольшие размеры фигурок и возможность тактильного контакта с ними. Формально глиняная пластика является видом станковой скульптуры и обладает рядом свойств, характерных для скульптуры в целом — объемом, образностью и обобщением.

Уникальность мелкой пластики заключается в тесной связи повседневной жизни и духовной составляющей любой культуры и эпохи, отражении картины мира целого народа.

Основная художественная особенность глиняной игрушки — максимально обобщенная форма, с несколькими деталями, помогающими создать выразительный художественный образ. Детали, атрибуты, знаки, призванные идентифицировать персонажа чаще всего преувеличены, объёмны. Здесь остро встает проблема степени отражения реального мира и уровня стилизации. В народной игрушке «быль и вымысел слиты воедино» [4, с. 7]. Мелкая пластика, даже при условии использования сочетания различных техник и декора, обладает меньшим количеством выразительных средств, чем, например живопись. Основными средствами художественной выразительности выступают форма и линия. Именно лаконичность позволяет минимальными средствами передать художественный образ, выразив суть, воплотив ее в конкретную форму.

В разных странах, у разных народов мелкая пластика имеет разную значимость для культуры. У африканских народов, например, искусство мелкой пластики до сих пор занимает центральное место, в то время как, в западноевропейском искусстве преобладают другие виды творческого воплощения художественных образов, центральными являются живопись и архитектура.

Набор образов русской глиняной пластики чрезвычайно разнообразен, а декор информативен (связь элементов орнамента с универсальными орнаментальными формами и первобытными земледельческими аграрными культурами; изображение деталей костюма, по которому можно составить представление о моде эпохи; аксессуары и маркёры персонажа, помогающие в атрибуции). Тематика образов чаще традиционная: женские фигуры, всадники, птицы, животные (дикие и домашние) [12, с. 12]. Со временем появляются сказочные сюжеты, групповые фигурки, ярмарочные образы. Глиняные фигурки близки по своему содержанию с фольклором и сказкой, которые в свою очередь являются «квинтэссенцией национального духа» [13, с. 11].

Серьезное внимание к русской глиняной пластике XIX в., как предмету исследования начали уделять лишь в начале XX в. (работы А. Бенуа, Н. Д. Бартрама, Л. А. Динцеса, и других). В большей степени фундаментальное исследование русской глиняной игрушки начинается с работы А. И. Деньшина [6], возродившего промысел одной из наиболее узнаваемых глиняных игрушек — дымковской. Следующей важной публикацией стала работа Н. М. Церетелли [15], в которой он предложил классификацию игрушек по типам, осветил вопросы ее происхождения. Проблема источника, корней народного творчества стала одной из центральных в публикациях ряда крупных исследователей первой четверти XX в. (например В. С. Воронова и П. С. Шереметева). Связь русской народной глиняной игрушки с древнеславянскими традициями, скифо-сарматским искусством, античными памятниками, финно-угорскими традициями определяет в своей работе Л. А. Динцес [7].

В середине и второй четверти XX в. русскую мелкую пластику исследовали в рамках истории развития русского народного искусства в целом (например, работы В. М. Василенко, М. А. Некрасовой и других). В 1960-е гг. выходит публикация Ю. А. Арбата [1], в которой заостряется вопрос важности народного искусства и глиняной игрушки, в частности. В 1970–1980-е гг. отмечается возрастающий интерес к народному творчеству. Вопросами и проблемами народного искусства занимаются такие организации как НИИХП (научно-исследовательский институт художественной промышленности) и Союз художников. Выходит множество статей, посвященных актуальным вопросам развития промыслов в таких журналах как: «Декоративное искусство СССР», «Творчество», «Искусство», появляются альбомы и монографии, посвященные отдельным художественным промыслам и глиняной игрушке регионов (исследования Л. В. Дьяконова, В. А. Гуляева, Г. П. Дурасова, И. А. Колобковой, А. Н. Фрумкина и других). В это время выходит фундаментальная работа И.Я. Богуславской о Дымковском промысле [3].

На рубеже XX–XXI вв. появляются работы, в которых глиняную игрушку рассматрива-

ют в сравнении с другими видами народного искусства, чаще всего деревянной игрушкой и вышивкой (работы Г. Л. Дайн, Н. В. Тарановской и других). В начале XXI в. выходит крупное обобщающее исследование И. Я. Богуславской о русской глиняной игрушке [4], в котором рассматриваются основные центры художественных промыслов и их специфика.

Несмотря на большое количество исследований русской глиняной пластики, (посвященных ее истории, истокам, стилевым и художественным характеристикам отдельных центров, проблемам и особенностям) остается ряд вопросов, требующих дополнительного внимания. Один из таких аспектов — выявление черт русской культуры, отражающихся в глиняной игрушке.

В истории развития русской глиняной игрушки можно проследить периоды изменения духовных и религиозных представлений русского народа. Археологический материал дает большой пласт свистулек, с XVIII в. преобладают зооморфные фигурки, а в XIX в. набирают популярность образы барынь и женщин с детьми, парочек и семейных групп. На смену сдержанности и условности в трактовке ранних фигур и орнамента, к XIX в. в русской глиняной игрушке приходит узорность и фантазийность. На примере такого общего среза истории развития русской глиняной пластики можно отметить переход от религиозных представлений, воплощенных в фигурках, к декоративному, эстетическому началу.

К концу XIX в. в России существовало множество центров глиняной игрушки, некоторые были широко известны за пределами своего региона (например, Филимоновская), другие оставались локальными очагами творчества и были знакомы лишь местному населению (как, например, Оятская игрушка). В каждом регионе сформировались свои особенности, игрушка каждого центра народных художественных промыслов уникальна и узнаваема: удлиненная, с вытянутыми формами Филимоновская; архаичная строгая в росписи Каргопольская; контрастная, покрытая яркими эмалями Абашевская; нарядная Дымковская и т. д. Но в игрушках каждого такого центра, несмотря на самобытность, можно выделить универ-

сальные черты. В русской народной глиняной игрушке любого региона всегда в той или иной степени проявляется *традиционность, духовность и семейственность (коллективность)*.

Главный стержень народной игрушки — традиция. Именно с этим фактом связана важная роль свистулек и их преобладание в ассортименте создаваемых фигурок. Свист имеет важное ритуальное значение. «Свист, также как и крики, и громкие удары, служил в прошлом средством отогнания злого начала» [7, с. 55]. Народный праздник Свистунья, или Свистопляска, бытовавший на Вятке, — ярчайший пример связи с древнейшими представлениями о свисте и его роли в борьбе со злыми силами. Представления о силе и возможностях звука, магическом воздействии музыкальных инструментов имеют глубокие исторические корни. Так, например, в Древнем Риме праздник кукол завершал Сатурналии — празднества, связанные со сбором урожая, на которых использовали антропоморфные фигурки вместо жертвоприношений, такие праздники сопровождались песнями и игрой на музыкальных инструментах [2, с. 198]. Связь с древнейшими символами и представлениями проявляется в русской народной игрушке не только большой значимостью свистулек, но и орнаментами с солярными знаками и растительным мотивами. Этот вопрос требует отдельного глубокого исследования.

Традиционность воплощается в определенном наборе образов — изображении важнейших для русской культуры птиц и животных, уважительном отношении к дарам окружающего мира, понимании силы природы. В каждом центре бытования глиняной игрушки всегда создавались птички-свистульки, фигурки коня и медведя. Художественные приемы, детали орнамента, цветовые нюансы, техника исполнения в каждом промысле своя, но эти три типа фигурок неизменно входят в состав ассортимента каждого очага народной глиняной игрушки.

Духовность русской народной игрушки связана с ее глубокими историческими корнями, бережным и чутким отношением к народным представлениям и обычаям. Многие отечественные философы (Н. А. Бердяев,

И. А. Ильин, Н. О. Лосский и др.) отмечают особый тип русской духовности — соборный, коллективный, в котором преобладает приоритет общественных интересов над личностными. В коллективном творчестве мастеров народных художественных промыслов эта духовность выражается особенно ярко. От мастера к мастеру, на протяжении длительного времени передаются и бережно сохраняются идеи и смыслы, вкладываемые в каждый образ народной игрушки. Картина мира народа отражается в игрушке, ведь «переходя в мир взрослых, кукла несет с собою воспоминания о детском, фольклорном, мифологическом» [11, с. 378]. Через сказочный, фольклорный образ, авторски осмысленный и воплощенный в народной глиняной игрушке коллективно выработанным художественным языком промысла, передаются представления о мире и традициях целого народа. Отсюда вытекает еще один важный принцип русской культуры, воплощенный в глиняной игрушке, — коллективность, семейственность.

Семья — абсолютный приоритет русского народа, наряду с понятиями веры, религиозности и государства (об этом неоднократно размышляли философы — Н. А. Бердяев, В. В. Розанов, В. С. Соловьев). Русская глиняная игрушка испокон веков создавалась всеми членами семьи, в этом проявляется её *семейственность, коллективность*. Если гончарное мастерство в целом считалось больше мужским ремеслом, то игрушка объединяла всех членов семьи — от совсем маленьких детей до представителей старшего поколения. Часто керамический промысел, как и многие другие виды народных художественных промыслов, становился семейным делом, передаваемым из поколения в поколение. Народное искусство сохраняет неразрывную связь коллективного и индивидуального, традиционного и авторского.

Сегодня глиняные игрушки очень редко используют непосредственно для игры, их коллекционируют, ими украшают интерьер, их дарят в качестве символа русской культуры. Глиняные фигурки обогащают зрителя, радуют своей сочной декоративностью, простотой форм, иногда нарочито гротескными, стилизованными персонажами. Сегодня, в век

технологического прогресса, людям всё еще нужны «не одни земные блага, нужны и сказки» [2, с. 209]. Глиняные фигурки передают этот неповторимый дух русской сказки, народного фольклора, древнейших представлений о мире, словно в зеркале отражая и рельефно показывая особенности русской культуры: духовность, традиционность, семейственность (коллективность).

Народная глиняная игрушка — яркий феномен художественной культуры России. Её духовность воплощается через семантику художественных образов, традиционность — через устойчивый набор персонажей, семейственность — через коллективное творческое начало. Сохранение этих принципов необходимо для дальнейшего развития народного искусства, бытования промыслов в рамках современных реалий культуры. В эпоху информационных технологий промыслы остаются островками надежды на сохранение традиционных ценностей. Народное искусство — «это наглядный эстетический и морально-этический кодекс народа» [5, с. 7], оно имеет весь арсенал ресурсов, созвучных требованиям современного мира: доступные материалы, относительная скорость в исполнении, художественное многообразие. Во взаимодействии с дизайном и сферой креативных индустрий у народного искусства есть возможность передавать, сохранять и транслировать культурное наследие современным, актуальным языком, органично вливаясь в мир нового поколения.

Существует множество механизмов актуализации глиняной игрушки в современных условиях — просветительские проекты, фестивали народного искусства, выставки и ярмарки достижений народных художественных промыслов, мастер-классы, образовательные программы, коллаборации с дизайнерами и профессиональными художниками, туристические маршруты. Необходимо включать глиняную игрушку в пространство современного арт-рынка, для популяризации изделий народных промыслов. В этом процессе могут быть полезны механизмы цифрового менеджмента и кураторская поддержка.

Народные художественные промыслы нуждаются сегодня не только в финансовой и

социальной поддержке, но и научной. Поскольку наука о народном искусстве еще достаточно молода, аспекты связи народного искусства с особенностями национальной культуры требуют дальнейших исследований. В рамках

настоящей статьи мы заострили внимание на глиняной игрушке XIX–XXI вв., однако эти вопросы актуальны в целом для разных видов народного искусства и оставляют широкое поле для изучения.

Список литературы

1. Арбат, Ю. А. Путешествие за красотой / Ю. А. Арбат. — Москва : Искусство, 1966. — 184 с.
2. Богуславская, И. Я. Добрых рук мастерство. Произведения народного искусства в собрании ГРМ / И. Я. Богуславская. — Ленинград : Искусство, 1976. — 210 с.
3. Богуславская, И. Я. Дымковская игрушка / И. Я. Богуславская. — Ленинград : Художник РСФСР, 1988. — 336 с.
4. Богуславская, И. Я. Русская народная игрушка / И. Я. Богуславская. — Санкт-Петербург : Palace Editions, 2002. — 176 с.
5. Вагнер, Г. К. Народное искусство. Избранные труды о народном творчестве X–XX веков / Г. К. Вагнер, В. М. Василенко. — Москва : Советский художник, 1974. — 294 с.
6. Деньшин, А. И. Вятская глиняная игрушка в рисунках / А. И. Деньшин. — Москва, 1917. — 60 с.
7. Динцес, Л. А. Русская глиняная игрушка / Л. А. Динцес. — Москва ; Ленинград : Изд-во Академии Наук СССР, 1936. — 139 с.
8. Кулешов, А. Г. Русская глиняная игрушка как вид народного творчества. Истоки и типология / А. Г. Кулешов. — Москва, 2012. — 184 с.
9. Лихачев, Д. С. Заметки о русском : сборник / Д. С. Лихачев. — Москва : Колибри : Азбука-Аттикус, 2014. — 480 с.
10. Лотман, Ю. М. Статьи по типологии культуры / Ю. М. Лотман. — Тарту, 1970. — 109 с.
11. Лотман, Ю. М. Куклы в системе культуры // Ю. М. Лотман. Избранные статьи в трех томах. Т. I. Статьи по семиотике и типологии культуры. — Таллин : Александра, 1992. — С. 377–380.
12. Народные художественные промыслы / под ред. О. С. Поповой. — Москва : Легкая и пищевая промышленность, 1984. — 192 с.
13. Сказка в фольклоре, литературе и искусстве: традиционное и новое : сб. науч. статей / ред.-составитель Л. В. Фадеева. — Москва : Государственный институт искусствознания, 2020. — 416 с.
14. Соловьев, В. М. Русская культура. С древнейших времен до наших дней / В. М. Соловьев. — Москва : Белый город, 2004. — 736 с.
15. Церетелли, Н. М. Русская крестьянская игрушка / Н. М. Церетелли. — Москва, 1933. — 242 с.

Получено 15.10.2024

Maria N. Mitina

*Post-graduate student
of the Art History Chair*

*St. Petersburg State Art
and Industrial Academy
named after A. L. Stieglitz,
St. Petersburg, Russia*

*employee of the Scientific
and Educational Department*

*The State Hermitage Museum,
St. Petersburg, Russia*

E-mail: mitina.mary@gmail.com

Russian Clay Toy as an Artistic Culture Phenomenon

Russian clay toy has a wide spectrum of meanings and functions going far beyond the game context. Clay figures created in different centers of folk arts and Crafts despite stylish and artistic differences have a number of common features. The article considers the peculiarities of Russian culture embodied in the art of fine clay plastics such as tradition, spirituality, nepotism. Spirituality of Russian folk clay toy is embodied through the semantics of artistic images, tradition is embodied through a certain number of personalities and nepotism is embodied through the collective creative beginning.

Keywords: Russian clay toy, folk art crafts, traditions, Russian culture

For citation: Mitina M. N. 2024. Russian Clay Toy as an Artistic Culture Phenomenon. *Vestnik kultury i iskusstv [Culture and Arts Herald]*. No 4 (80): 102–109. (In Russ.).

References

1. Arbat Yu. A. 1966. *Puteshestvie za krasotoy [A journey for beauty]*. Moscow: Art. 184 p. (In Russ.).
2. Boguslavskaya I. Ya. 1976. *Dobrykh ruk masterstvo [Good hands skill]*. Leningrad: Art. 210 p. (In Russ.).
3. Boguslavskaya I. Ya. 1988. *Dymkovskaya igrushka [Dymkovo toy]*. Leningrad: Artist of the RSFSR. 336 p. (In Russ.).
4. Boguslavskaya I. Ya. 2002. *Russkaya narodnaya igrushka [Russian folk toy]*. St. Petersburg : Palace Editions. 176 p. (In Russ.).
5. Vagner G. K. 1974. *Narodnoe iskusstvo. Izbrannye trudy o narodnom tvorchestve X–XX vekov [Folk art. Selected works on folk art of the 10th–20th centuries]*. Moscow: Soviet Artist. 294 p. (In Russ.).
6. Den'shin A. I. 1917. *Vyatskaya glinyanaya igrushka v risunkakh [Vyatka clay toy in drawings]*. Moscow. 60 p. (In Russ.).
7. Dintses L. A. 1936. *Russkaya glinyanaya igrushka [Russian clay toy]*. Moscow, Leningrad : Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR. 139 p. (In Russ.).
8. Kuleshov A. G. 2012. *Russkaya glinyanaya igrushka kak vid narodnogo tvorchestva. Istoki i tipologiya [Russian clay toy as a kind of folk art. Origins and typology]*. Moscow (In Russ.).
9. Likhachev D. S. 2014. *Zametki o russkom (sbornik) [Notes on Russian (collection)]*. Moscow: Kolibri, ABC- ATTICUS. 480 p. (In Russ.).
10. Lotman Yu. M. 1970. *Stat'i po tipologii kul'tury [Articles on the typology of culture]*. Tartu. 109 p. (In Russ.).
11. Lotman Yu. M. 1992. *Dolls in the cultural system. Izbrannye stat'i v trekh tomakh. T. I. Stat'i po semiotike i tipologii kul'tury [Selected articles: in 3 vols. Vol. I. Articles on semiotics and typology of culture]*. Tallinn: Alexandra. Pp. 377–380. (In Russ.).

12. Narodnye Khudozhestvennye promysly [Folk Art crafts]. 1984. Moscow : Light and food industry. 192 p. (In Russ.).
13. Skazka v fol'klore, literature i iskusstve: Traditsionnoe i novoe: Sbornik nauchnykh statey [Fairytale in folklore, literature and art: Traditional and new: A collection of scientific articles]. 2020. Moscow: State Institute of Art Studies. 416 p. (In Russ.).
14. Solov'ev V. M. 2004. Russkaya kul'tura. S drevneyshikh vremen do nashikh dney [Russian culture. From ancient times to the present day]. Moscow: Belyi gorod. 736 p. (In Russ.).
15. Tseretelli N. M. 1933. Russkaya krest'yanskaya igrushka [Russian peasant toy]. Moscow. 242 p. (In Russ.).

Received 15.10.2024

**Валентина Михайловна
Москалюк**

доктор философских наук, профессор,
профессор кафедры
театрального искусства

Луганская государственная академия
культуры и искусств
имени Михаила Матусовского,
Луганск, Россия

E-mail: msklk76@gmail.com

ИСКУССТВО КАК ОБЪЕКТИВАЦИЯ ЭСТЕТИЧЕСКОГО ОПЫТА КУЛЬТУРЫ

В статье исследуется сущность искусства как явления культуры, объективирующего и транслирующего эстетический опыт. Автор анализирует различные подходы к пониманию искусства: философские, культурологические, социологические и приходит к заключению о том, что искусство является не просто художественным отражением реальности, а объектом, через который мы можем познакомиться с культурой, ее эстетическим опытом. Анализируя различные факты искусства, автор подчеркивает значимость эстетического опыта в понимании и чувственном восприятии искусства. В статье обосновывается мысль о том, что эстетический опыт — это не только субъективное восприятие, но и объективный процесс, который осуществляется в результате взаимодействия человека с произведением искусства. Автором рассматриваются вопросы о роли искусства в культуре, его влиянии на формирование эстетического опыта человека, подчеркивается важность искусства как средства коммуникации и передачи эстетического опыта между поколениями и культурами.

Ключевые слова: искусство, культура, эстетический опыт, художник, произведение искусства, художественная коммуникация

Для цитирования: Москалюк, В. М. Искусство как объективация эстетического опыта культуры / В. М. Москалюк // Вестник культуры и искусств. — 2024. — № 4 (80). — С. 110–119.

Введение

Теория вопросов, касающихся эстетического опыта, неизменно связана с искусством, поскольку эстетический опыт неотделим от искусства, так же как его невозможно представить без человека, деятельностью которого этот опыт создается. Эстетический опыт культуры является опытом конкретных преобразований, происходящих в культуре на разных этапах ее развития: «О культуре мы можем говорить, конечно, только тогда, когда творческая стихия жизни создаст известные явления, находя в них формы своего воплощения», — отмечает Г. Зиммель [5, с. 61]. Культура для человека является непосредственным объектом изучения, с течением жизни формируют-

ся наши представления о культуре и эти представления становятся для человека исходной точкой постижения мира культуры, началом его эстетического опыта. Это позволяет нам рассуждать о том, что эстетический опыт культуры является опытом постижения человеком ее целостности. Основа эстетического опыта, главной генезисной основой которого является искусство, — неутилитарный характер отношений между человеком и окружающей его реальностью, в котором доминирует бескорыстно-созерцательное, игровое начало. Искусство, являясь средоточием этого опыта, относится к важнейшим проявлениям человеческой культуры, где нашли воплощение культурные ценности, мировоззренческие, духовные идеалы

человека и общества. Проблема философского, культурологического осмысления объективации эстетического опыта культуры в искусстве требует дополнительных исследований, ее необходимо изучать как в ракурсе обновления и расширения эстетического опыта культуры, что связано с многочисленными переменами, происходящими в современном культурном пространстве, так и в аспекте социально-личностных изменений, переживаемых современным человеком. Дальнейшее осмысление объективации эстетического опыта культуры в искусстве является, помимо уже перечисленного, серьезной гносеологической проблемой, поскольку активная экспансия масс-медиа (телевидения, интернета), доминирование различных информационных технологий привели к негативным изменениям в структуре эстетического сознания и эстетической культуры общества в целом, снижению когнитивных, чувственно-эмоциональных характеристик человека. Приведенными аспектами обосновывается актуальность исследуемой темы.

Цель данной статьи состоит в исследовании роли искусства как средства объективации и передачи эстетического опыта культуры.

Задачей исследования искусства как объективации эстетического опыта культуры, его роли в формировании и развитии человеческого сообщества, продиктована необходимость уточнения понятия «объективация эстетического опыта культуры». Под объективацией эстетического опыта культуры посредством искусства мы понимаем преобразование субъективных переживаний, связанных с восприятием мира, в объективные художественные формы, доступные для восприятия, осмысления и интерпретации всеми, кто соприкасается с этим опытом. Аксиологический аспект объективации эстетического опыта культуры посредством искусства состоит в том, что данный процесс позволяет сохранять и передавать эстетический опыт без учета временных и пространственных границ, делая его важнейшей частью коллективной памяти культуры.

Основная часть

В аспекте поставленной задачи отдельного анализа требует влияние, которое ока-

зывает культура на создание и восприятие произведений искусства и факты влияния искусства на культуру. Бесспорным является то, что искусство представляет собой важнейшую часть культуры, является системообразующим фактором ее формирования и развития. Такой высокий статус искусства в культуре обусловлен тем, что художественные образы искусства, как правило, становятся основными выразителями доминирующих в обществе культурных паттернов, образцами для подражания и, как следствие, мощным рычагом общественного влияния. Именно на этой основе произошло смысловое объединение понятий культуры и искусства, хотя ряд ученых выдвигает в качестве главных компонентов культуры другие ее формы, например, обычаи и язык. К таким работам относится, например, статья Г. Ю. Литвинцевой, Ю. М. Пашедко «Русская культура как основа национальной идентичности россиян», в которой авторами утверждается, что «Национально-культурная идентичность основывается прежде всего на территориальном и языковом единстве и общности письменности, религии и закона, экономического интереса. Но особая роль в формировании национально-культурной идентичности принадлежит сфере культуры» [9, с. 32]. М. Н. Киреев, Н. В. Киреева в работе «Ценностно-философские основы культуры и языка» указывают на то, что «Как феномен культуры, язык ... тесно связан с культурой, является ее отражением» [8, с. 114]. В статье Дерин Пинар «Tradition and Innovation: A Study of the Relationship Between Cultural Practices and Economic Development» исследуется связь между традиционными культурными практиками и экономическим развитием, а также влияние инноваций на культуру и традиции [18, p. 155–173].

До недавнего времени в культурологии и эстетике преобладающей тенденцией являлось объединение искусства и культуры. Современное философское, культурологическое знание разводит эти понятия, поскольку каждое из них обладает собственными законами развития, спецификой и параметрами. Искусство — одна из сфер культуры, культура же представляет всю социальную структуру, она включает в себя самые разнообразные виды коллектив-

ного взаимодействия людей, то есть, является универсальной модальностью деятельности человека. Культурой осуществляется функция взаимопонимания между людьми, искусство не претендует на роль катализатора социальной интеграции, хотя системой транслируемых художественных идей и смыслов, активно способствует духовному, эмоциональному единению людей. Если культура обладает рядом общих характеристик, то искусство ценно как раз своей индивидуализированностью, интерпретацией явлений действительности, основанной на личностном жизненном опыте художника, что отмечается М. С. Каганом [7], Ю. М. Лотманом [10] и другими учеными. Обратившись к истории искусства, мы не можем игнорировать того факта, что искусство на ранних этапах своего развития составляло часть религиозного культа, отражая религиозный культурный опыт, что, безусловно, оказало влияние на осмысление его как явления исключительного. Распространенное понятийное объединение культуры и искусства связано с тем, что искусство всегда являлось одним из главных трансляторов идей культуры, наиболее полно ее выражающих. Таким образом, искусство, являясь неотъемлемой частью культуры, обеспечивает взаимодействие между людьми на уровне эстетического опыта.

Эстетический опыт является одним из основных понятий в работах многих ученых, исследующих его в различных аспектах. Тем не менее, содержание данного феномена является неисчерпаемым, поскольку в нем отражаются трансформации этого опыта в истории человеческой культуры. У Э. Гуссерля человеческий опыт рассматривается как опыт эстетический [3]. Дж. Дьюи в своей фундаментальной работе «Искусство как опыт» исследует искусство в его связи с повседневным опытом, решает задачу эстетического измерения человеческого опыта. Философ акцентирует внимание на осуществлении смысла в опыте в процессе создания произведения искусства, подчеркивает, что художественное творчество открывает человеку новые возможности чувственного опыта [4, с. 304–318]. М. Дюфрен подчеркивает активную взаимосвязь искусства и социально-культурной среды, большие возможности ис-

кусства и непосредственно связанного с ним эстетического опыта [19, р. 58]. Р. Шустерман в работе «Прагматическая эстетика. Живая красота, переосмысление искусства» исследует эстетический опыт и искусство жизни с позиций неопрагматизма [17]. М. Митиас анализирует историческую динамику эстетического опыта [20]. Эстетический опыт является ключевым понятием исследований Р. Ингардена. Философ связывает эстетический опыт со способностью человека к «онтологизации вещей», изучает его социальную составляющую [6, с. 40–71]. Новый смысл в понимание эстетического опыта привнес В. Шапп, подчеркивающий, что в эстетическом опыте главную роль играет интенции человека к постижению сущности в ее идеальной форме, что особенно важно в исследованиях искусства как объективации эстетического опыта культуры. В. Шапп отмечает, что эстетический опыт должен активироваться окружающей человека вещественной, предметной реальностью, которая осмысливается человеком не на уровне обыденности, а как нечто большее [23, р. 77]. Экстраполируя данное положение В. Шаппа на предмет нашего исследования, заметим, что искусство в качестве ядра эстетической деятельности является средоточием эстетического опыта и отдельно взятого человека, и культуры как воплощенной системы идейных, духовных, материальных смыслов той или иной исторической эпохи. Именно поэтому эстетический опыт является, согласно В. Шаппу, частью коллективной эстетической деятельности [22, р. 122]. К. Ставенхаген напрямую связывает эстетический опыт познания прекрасного с нравственным началом человека, вместе с тем отмечая, что субъектом эстетического опыта может выступать и социальная общность. В своих работах он связывает эстетический опыт с таким качеством человека, как мудрость, при этом отмечая ее превосходство среди других факторов влияния на эстетический опыт [21, р. 122]. В. В. Бычков отмечает, что «эмпирическая сфера эстетического опыта до бесконечности многообразна, многолика, наполнена самыми разными феноменами, которые в своей глубинной интенции ориентированы на духовно-метафизическую, идеальную

сущность» [1, с. 93]. Из приведенного обзора научных работ по исследуемой нами проблеме следует, что эстетический опыт культуры, важнейшим вектором объективации которого является искусство, содержит многочисленные лакуны предметного пространства, требующие дальнейшего изучения и актуализации.

Вопрос о том, что является основой формирования эстетического опыта культуры в целом и человека как создателя этой культуры во всех ее проявлениях, неизменно актуален. Эстетический опыт культуры, человека формируется на основе эмоционально-смыслового восприятия им окружающего мира. Среди множества концепций культуры, ее эстетических реалий, отражающих разные взгляды на зарождение, развитие, становление культуры, есть ряд теорий, связывающих творческую манеру, стиль художника с географией его проживания, природными ландшафтами, климатом («формы территориализации» О. Шпенглера «Закат Европы» [16, с. 782–810], объяснение загадки русской культуры посредством русской природы Ф. А. Степуном [12, с. 154–156] и другие. Исходя из идей приведенных авторов, эстетический опыт культуры, объективированный в произведениях искусства, также несет на себе отпечаток природного окружения. Поэтому столь выразительной является грань между, например, искусством России с его глубокой стихийностью, зачастую инфернальными мотивами, эсхатологическими сюжетами и итальянским искусством с его стремлением к роскоши, грандиозности, помпезности, эффектной декоративности. На наш взгляд, эстетический опыт разных культур неизбежно аккумулирует в себе различные реалии окружающей жизни, отражая ментальность народа, его мироощущение и мировосприятие.

Почему именно искусство представляет собой главное средство объективации эстетического опыта культуры? Прежде всего потому, что искусство, являющееся результатом художественного творчества, по своей природе полифонично и антиномично, так же, как полифоничен и антиномичен эстетический опыт культуры, художника, и человека, которому это искусство адресовано. Такая потенциально емкая стихия искусства, помимо других

качественных характеристик, объясняется изначально заложенной в нем возможностью бесконечной множественности осмыслений, интерпретаций его произведений. Диалектическое соединение эмпирического материала с теорией художественного знания сообщает искусству прогностический характер, отсюда — многофункциональность его анализа, аксиологическая явленность в эмпирических реалиях культуры.

В искусстве объективируются не только происходящие изменения внешних реалий жизни человека, но и духовный кризис, переживаемый человеком, смещение психологических доминант, ценностных координат мировосприятия человека. Если мы, по утверждению А. Шопенгауэра, живем в «наихудшем из всех возможных миров» [11, с. 636], то и эстетический опыт культуры исполнен драматическими коллизиями и переживаниями, поскольку отражает как художественное состояние культуры того или иного исторического периода, так и эмоциональное состояние отдельного человека, переживающего этот опыт. В реалиях быстрой текущей жизни, в непрерывной смене событий человек пытается найти то устойчиво существующее, что способно удержать его в этом водовороте именно своим сущностным содержанием и обретает это существующее в искусстве. В искусстве как объективированном эстетическом опыте культуры художественное произведение заключает в себе непознаваемое по самой своей сущности, то, что не может быть адекватно объяснено, исходя из опыта познания другого. Природа искусства — в вариативности представлений и фантазий относительно порождаемых им образов и эта изменчивость, отсутствие статики одновременно сообщает эстетическому опыту культуры черты познаваемости, но не познанности, поскольку окончательно изученным может быть только то, что приняло фиксированные, законченные формы. Структура эстетического опыта постоянно пополняется новыми формами, появляются факты и явления, имеющие матричную основу эстетического опыта и, одновременно, содержащие в себе признаки нового. Этот процесс взаимодействия, взаимовлияния уже име-

ющегося, наличного, безостановочен в своей повторяемости и главным в нем является неизменная обращенность появляющегося нового к основам, тому, что составляет вековую культурную традицию. Понятно, что эстетический опыт в ситуации такого взаимодействия характеризуется изменением предшествующих состояний, испытывающих воздействие нового.

Идеи культуры, составляющие основу эстетического опыта, неизменно воплощаются искусством, «искусство... всегда находится у цели. Ибо оно вырывает объект своего созерцания из мирового потока и ставит его изолировано перед собой, и это отдельное явление, которое в жизненном потоке было исчезающе малой частицей, становится для искусства представителем целого, эквивалентом бесконечно многого в пространстве времени» [15, с. 298]. Таким образом, искусство является объективностью культуры, ее отражением, исповеданием, ее ценностными смыслами и, что наиболее важно, искусство заключает событие в самом себе. «О культуре же мы имеем право говорить лишь в том случае, когда воспринятое душой сверхличное содержание развертывает в ней в тайной гармонии лишь то, что уже раньше было заложено в ней как ее собственное влечение и как внутренняя предназначенность ее субъективного совершенствования. <...> Культура возникает — это решающий момент для ее понимания — при слиянии двух элементов, из которых ни один не имеет на нее больше права, чем другой: субъективной души и объективного продукта духа» [5, с. 82–83]. Художник, объективируя в своем произведении собственный эстетический опыт, а следовательно, эстетический опыт культуры, поскольку он является ее частью, действующим лицом, — передает постигнутую им идею культуры другим, являет миру свой взгляд на нее. Исходя из этого, эстетический опыт автора произведения искусства и человека, воспринимающего это произведение, непосредственно соотносится с многогранностью, эстетическим богатством мира культуры, ее смысловыми, образно-символическими акцентами, характеризуется стремлением создаваемого искусством художественного образа, соответствовать уровню эстетического опыта

человека, гармонически взаимодействовать с ним.

Искусство, являющееся основой эстетического опыта культуры, выражает уникальный фокус мировосприятия автора художественных произведений. Безусловно, личность художника запечатлевается в созданном им произведении, и чем самобытнее эта личность, тем значительнее произведение искусства, глубже богатство транслируемых им смыслов, составляющих векторы эволюции эстетического опыта культуры. Рассуждая о гениальности, исключительности художника, А. Шопенгауэр подчеркивает: «Если для обыкновенного человека познание служит фонарем, который освещает ему путь, то для гения оно — солнце, озаряющее для него мир» [15, с. 302–303]. Собственный эстетический опыт, ставший почвой для создания художественного творения, выступает, возможно, единственно верным для художника способом познания мира посредством выражения себя в творчестве и эмоциональном переживании этого процесса. Мы акцентируем внимание на личности художника потому, что жажда познания мира, его постижения, свойственная творцу, является предтечей эстетического опыта, стремящегося аккумулировать неизмеримые богатства культуры во всей их полноте и многообразии.

Искусство, как и эстетический опыт, несводимо к чисто физическому бытию: оно погружает человека в эстетическую реальность, которая является возможной только благодаря присутствию человека в этом мире. Объективация эстетического опыта произведениями искусства позволяет раскрыть ценности культуры в художественных образах, воссоздает, а зачастую и моделирует систему культуры в ее одновременной целостности и многоликости. Посредством произведения искусства, специфических художественных приемов, транслируются информация, идеи познания, передача опыта, оценка современного состояния мира и предвосхищение его завтрашнего дня. Искусство, таким образом, является универсальной формой отражения эстетического опыта культуры в его художественной обобщенности и типизации.

Важным вопросом исследования искусства в качестве объективирующего начала эстетического опыта культуры является фантазийная специфика искусства. Мы не можем говорить о художественном произведении как о точной копии жизни, к тому же искусство не ставит своей задачей повторение окружающей человека действительности. Главная цель произведения искусства — вызвать в человеке эмоциональный отклик, определенное состояние души. Но тогда, если искусство объективирует эстетический опыт культуры, этот воплощаемый в его произведениях опыт является вымыслом, плодом художественной фантазии? Ответ на этот вопрос не является таким простым и однозначным, как может представляться. Попытаемся разобраться в нем. Воображаемый, фантазийный мир художественного произведения практически всегда соотноситель с миром реальным: беря за основу те или иные реалии культуры, искусство отображает их в обобщенно-символической форме, посредством специфического художественного языка. Другой вопрос состоит в том, что используемую автором художественную символику надо разгадать, прочитать ее закодированные смыслы и сложность такого распознавания состоит в том, что эти смыслы, воплощенные в искусстве, не могут быть полностью переведены на язык известных, прочно усвоенных человеком понятий повседневности, то есть эти смыслы принципиально нередуцируемы. Вместе с тем за художественным вымыслом искусства — многовековой эстетический опыт человеческой культуры, который без этого художественного вымысла невыразим.

Эстетический опыт, невзирая на доминирование чувственно-эмоциональной компоненты, обеспечивает раскрытие сущностной основы явлений и предметов культуры, являя синергию явления и сущности в художественном произведении. С этой точки зрения, искусство как объективация эстетического опыта культуры, имманентно реальной действительности. Чувственно-эмоциональный опыт художника, воплощенный в произведении искусства, переживается каждым человеком индивидуально, становясь частью его внутреннего мира. Сам процесс художественного

общения человека с произведением искусства способствует осмыслению им сущностных характеристик культуры, передающих символику исторического времени, отражающих изменения, происходящие в эстетическом сознании человека и общества.

Происходящее в мире преобразуется, приобретает новые измерения узнаваемости и интерпретаций в форме художественных образов искусства. Это возвращает нас к Божественной сущности искусства: в теологическом знании мир создан из мысли. В послании «К римлянам», называя несуществующее существующим, Бог переводит все из мира не сущего в мир действительного, сущего бытия. «...если даже мир создан из какой-нибудь бесформенной материи, то сама эта материя создана из ничего; ибо то, что еще не получило формы, однако так или иначе находится в зачатке, чтоб могло оформиться, — и оно способным к форме делается по благодати божией», — читаем в Антологии мировой философии [13, с. 599]. Аналогичный механизм создания, сотворения сущности из мира предсущего, мира художественной иллюзии, фантазии мы наблюдаем в акте художественного творчества в его теургической стихии. Г. В. Ф. Гегель подчеркивал, что искусство преобразует окружающий мир «в красоту как форму истинности, ... оно освобождает истинное содержание явлений от видимости и обмана, присущих этому дурному, преходящему миру, и сообщает ему высшую, порожденную духом действительность. Мы должны признать за его произведениями более высокую реальность и более истинное существование, чем за обыденной действительностью» [2, с. 86]. Приведенная мысль Г. В. Ф. Гегеля свидетельствует о высоком статусе, которым философ наделяет искусство, определяя его как приоритетную форму реальности, подчеркивая метауровень создаваемых им художественных творений.

Таким образом, и искусство, и эстетический опыт являются порождением мира культуры. Культура и все, что она производит в эстетической сфере, — это всегда акт коммуникации, содержащий в себе не только репродуктивный, но прежде всего гносеологически-творческий потенциал. Искусство как

объективация эстетического опыта культуры выступает, помимо чувственно-эмоционального компонента такой коммуникации, еще и как познавательный инструмент, являя собой художественно-образную интерпретацию мира. При этом искусство открывает новые, неожиданные ракурсы видения происходящего, эмоционально-смысловая коннотативность его восприятия. Являясь отражением сложной человеческой природы, искусство выступает главной ценностью эстетического опыта культуры, определяя сущность и значение художественного творчества, его роль в развитии культуры и человека как наследника и творца этой культуры.

Приоритетность искусства в формировании и становлении эстетического опыта культуры основывается на том, что художник, как правило, ставит перед собой задачи, далеко отстоящие от сугубо эстетических — возможность преобразования жизни, самого способа бытия человека в мире, укоренение его трансцендентных оснований, обращенность к Абсолюту. Нам близка эстетическая концепция М. Хайдеггера, утверждающего не реформирующие и отражающие функции искусства, а порождение им прекрасного, истины сущего: «Сияние, встроенное вовнутрь творения, есть прекрасное. Красота есть способ, каким бытийствует истина — несокрытость» [14, с. 293]. Импульс взаимосвязи, взаимообусловленности искусства и эстетического опыта культуры — в персонализации художника и его творения и, одновременно, причастности к целому культуры, единению с ней.

Заключение

Существование множества разнообразных подходов к осмыслению, попыткам определить феномен искусства привело к созданию огромного культурного пласта эстетического опыта, включающего разные этапы художественного познания. Сегодня понятие «эстетический опыт культуры» является не только сферой исследования науки, оно составляет мир человеческой жизни. Современная культура претерпевает существенные трансформационные изменения, поэтому актуальной является проблема создания новых концепций ее дальней-

шего развития, которыми бы учитывалось все многообразие когнитивных, коммуникативных, эстетических практик. В анализе полифонической структуры эстетического опыта культуры мы подчеркиваем необходимость актуализации феномена искусства в его эмоциональном, духовном, интеллектуальном содержании, его художественной эпистемологии.

Проблема взаимосвязи искусства и эстетического опыта культуры является неисчерпаемой, при ее исследовании неизменно возникают новые аспекты, требующие дальнейшего теоретического и практического изучения. Исходя из этого, автор не претендует на исчерпывающие характеристики взаимосвязи обозначенных феноменов человеческого бытия, тем не менее, определим некоторые выводы, к которым мы пришли.

Искусство и эстетический опыт выступают не в качестве номинативного тождества, ими обосновывается художественное творчество как постижение человеком мира в форме красоты, утверждается субъектное начало созидания культуры. Искусство не только связано с историей и культурой общества, оно является важнейшим эмоционально-смысловым средоточием культуры, в котором отражены ее ценностные, мировоззренческие установки. Именно это позволяет искусству стать основной формой объективации эстетического опыта культуры. Многоликость искусства соединяет в гармоничной духовной тональности всеобщность уникального художественного Я и общечеловеческую интенциональность культуры. Эстетический опыт, впитывающий потоки художественных сознаний, в самой своей сущности является проективным пространством многообразных художественных эманаций. Искусство, таким образом, конструирует художественный образ мира, формирует и отражает в художественно-образной форме эстетический опыт человечества, тем самым обретая статус эпистемологической универсалии, эволюционирующей одновременно с развитием культуры.

В культуре как формирующемся опыте человеческой деятельности искусство и связанный с ним эстетический опыт занимают особое место, поскольку содержат в себе художествен-

ный образ человека как ее главного субъекта. Являясь специфическим механизмом формирования, передачи, сохранения, объективации эстетического опыта культуры, искусство соединяет воедино рационально-дискурсивные и художественно-когнитивные характеристики культуры. Эстетический опыт обобщается, концентрируется в искусстве, его субстанциальной природе, осмыслении художественного творчества как одного из основных векторов бытия культуры. Объективация эстетического опыта культуры в искусстве обеспечивает универсальность и общедоступность этого опыта,

что позволит человечеству будущего исследовать и развивать его.

Дальнейшее изучение искусства как объективации эстетического опыта культуры необходимо продолжать в направлении полилога научных позиций, подходов, мнений, точек зрения на данный предмет. В последующих исследованиях представляется необходимым продолжить изучение различных аспектов искусства как объективации эстетического опыта культуры, определяя его влияние на культурное наследие и тенденции развития человеческого социума.

Список литературы

1. Бычков, В. В. Постнеклассическая эстетика: к вопросу о формировании современного эстетического знания / В. В. Бычков // *Философский журнал*. — 2008. — № 1. — С. 90–108.
2. Гегель, Г. В. Ф. Лекции по эстетике : в 2 т. Т. 1 / Г. В. Ф. Гегель ; пер. Б. Г. Столпнера ; вступ. ст. Ю. В. Перова. — Санкт-Петербург : Наука, 1999. — 621 с.
3. Гуссерль, Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. Кн. 1. Общее введение в чистую феноменологию / Э. Гуссерль ; пер. с нем. А. В. Михайлова. — Москва : Дом интеллектуальной книги, 1999. — 336 с.
4. Дьюи, Д. Искусство как опыт / Д. Дьюи // *Вестник русского христианского гуманитарного института*. — 2001. — № 4. — С. 304–318.
5. Зиммель, Г. Конфликт современной культуры // Г. Зиммель. Избранные работы. — Киев : Ника-Центр, 2006. — 440 с.
6. Ингарден, Р. Схематичность литературного произведения // Р. Ингарден. Исследования по эстетике : пер. с пол. — Москва : Изд-во иностран. лит., 1962. — С. 40–71.
7. Каган, М. С. Морфология искусств : учеб. пособие для вузов / М. С. Каган. — Москва : Юрайт, 2019. — 388 с.
8. Киреев, М. Н. Ценностно-философские основы культуры и языка / М. Н. Киреев, Н. В. Киреева // *Culture and Civilization*. — 2020. — Vol. 10, iss. 4A. — P. 111–117.
9. Литвинцева, Г. Ю. Русская культура как основа национальной идентичности россиян / Г. Ю. Литвинцева, Ю. М. Пашедко // *Международный научно-исследовательский журнал*. — 2017. — № 11 (65), ч. 1. — С. 31–33.
10. Лотман, Ю. М. Об искусстве / Ю. М. Лотман. — Санкт-Петербург : Искусство — СПб, 1998. — 702 с.
11. Мееровский, Б. В. Философия мировой воли и скорби / Б. В. Мееровский, И. С. Нарский // А. Шопенгауэр. О четверояком корне закона достаточного основания. Мир как воля и представление. : в 2 т. Т. 1. — Москва : Наука, 1993. — С. 632–665.
12. Степун, Ф. А. Дух, лицо и стиль русской культуры / Ф. А. Степун // *Вопросы философии*. — 1997. — № 1. — С. 154–156.
13. Философия древности и средневековья // *Антология мировой философии* : в 4 т. Т. 1, ч. 2. — Москва : Мысль, 1969. — 936 с.
14. Хайдеггер, М. Исток художественного творения / М. Хайдеггер // *Зарубежная эстетика и теория литературы XIX–XX вв.* — Москва : Изд-во Моск. ун-та, 1987. — 514 с.

15. Шопенгауэр А. Мир как воля и представление / А. Шопенгауэр ; пер. с нем. Ю. Айхенвальда ; вступ. ст. А. Маркова. — Москва : РИПОЛ классик, 2020. — 616 с. — (PHILOSOPHIA).
16. Шпенглер О. Закат Европы / О. Шпенглер. — Минск : Харвест ; Москва : АСТ, 2000. — 1376 с. — (Классическая философская мысль).
17. Шустерман, Р. Прагматическая эстетика. Живая красота, переосмысление искусства / Р. Шустерман. — Москва : Канон+, 2012. — 408 с.
18. Derin, P. Tradition and Innovation: A Study of the Relationship Between Cultural Practices and Economic Development / P. Derin // Journal of Economic Sociology. — 2021. — Vol. 22, № 2. — P. 155–173.
19. Dufrenne, M. The Phenomenology of Aesthetic Experience / M. Dufrenne. — Evanston : Northwestern University Press, 1973.
20. Mitias, M. H. What Makes an Experience Aesthetic? / M. H. Mitias. — Amsterdam : Rodopi, 1988. — 154 p.
21. Stavenhagen, K. Absolute Stellungnahmen. Eine ontologische Untersuchung über das Wesen der Religion / K. Stavenhagen. — New York : Garland, 1979.
22. Schapp, V. In Geschichten verstrickt. Zum Sein von Mensch und Ding / V. Schapp. — Frankfurt am Main : Verlag Vittorio Klostermann, 2012.
23. Schapp, V. Beiträge Zur Phanomenologie Der Wahrnehmung / V. Schapp. — Frankfurt am Main : Verlag Vittorio Klostermann, 2013.

Получено 18.11.2024

Valentina M. Moskalyuk

*Doctor of Philosophical Sciences,
Professor*

Professor of the Theatrical Art Chair

*Lugansk Mikhail Matusovsky State
Academy of Culture and Arts,
Lugansk, Russia*

E-mail: msklk76@gmail.com

Art as Objectification of Aesthetic Experience of Culture

The article studies the essence of art as a cultural phenomenon that objectifies and translates aesthetic experience. The author of the article analyzes different approaches to understanding of art such as philosophical, culturological, sociological ones and arrives at the conclusion that art is not just artistic reflection of reality but an object by means of which can learn culture and its aesthetic experience. Analyzing different facts of art, the author emphasizes the significance of aesthetic experience in understanding and sensory perception of art. The article substantiates the idea that aesthetic experience is not only a subjective perception but also an objective process which can be achieved due to interaction of man and a work of art. The author considers the issues about the role of art in culture, its influence on the formation of man's aesthetic experience, stresses the importance of art as a means of communication and transfer of aesthetic experience between generations and cultures.

Keywords: art, culture, aesthetic experience, artist, work of art, artistic communication

For citation: Moskalyuk V. M. 2024. Art as Objectification of Aesthetic Experience of Culture. *Vestnik kultury i iskusstv [Culture and Arts Herald]*. No 4 (80): 110–119. (In Russ.).

References

1. Bychkov V. V. 2008. Postnonclassical aesthetics: towards the formation of modern aesthetic knowledge. *Filosofskiy zhurnal [Philosophical journal]*. No 1: 90–108. (In Russ.).
2. Gegel' G. V. F. 1999. Lektsii po estetike [Lectures on aesthetics]. Vol. 1. St. Petersburg: Nauka. 621 p. (In Russ.).
3. Gusserl' E. 1999. Idei k chistoy fenomenologii i fenomenologicheskoy filosofii [Ideas Toward a Pure Phenomenology and Phenomenological Philosophy]. Vol. 1. Moscow: Dom intellektual'noy knigi. 336 p. (In Russ.).
4. D'yui D. 2001. Art as Experience. *Vestnik russkogo khristianskogo gumanitarnogo institute [Bulletin of the Russian Christian Humanitarian Institute]*. No 4: 304–318. (In Russ.).
5. Zimmel' G. 2006. The Conflict of Modern Culture. *Izbrannye raboty [Selected works]*. Kiev: Nika-Tsentr. Pp. 61–80. (In Russ.).
6. Ingarden R. 1962. Schematic of a literary work. *Issledovaniya po estetike [Studies in Aesthetics]*. Moscow: Izdatel'stvo inostrannoy literatury. Pp. 40–71. (In Russ.).
7. Kagan M. S. 2019. Morfologiya iskusstv [Morphology of Arts]. Moscow: Yurayt. 388 p. (In Russ.).
8. Kireev M. N., Kireeva N. V. 2020. Value-philosophical foundations of culture and language. *Culture and Civilisation*. Vol. 10, iss. 4A: 111–117. (In Russ.).
9. Litvintseva G. Yu., Pashedko Yu. M. 2017. Russian culture as a basis of national identity of Russians. *Mezhdunarodnyy nauchno-issledovatel'skiy zhurnal [International Research Journal]*. No 11 (65), part 1: 31–33. (In Russ.).
10. Lotman Yu. M. 1998. Ob iskusstve [About Art]. St. Petersburg: Iskusstvo — SPB. 702 p. (In Russ.).
11. Meerovskiy B. V., Narskiy I. S. 1993. Filosofiya mirovoy voli i skorbi. *O chetveroyakom korne zakona dostatochnogo osnovaniya. Mir kak volya i predstavlenie [On the fourfold root of the law of sufficient reason. The world as will and representation]*. Vol. 1. Moscow: Nauka. Pp. 632–665. (In Russ.).
12. Stepun F. A. 1997. Spirit, face and style of Russian culture. *Voprosy filosofii [Philosophy questions]*. No 1: 154–156. (In Russ.).
13. Philosophy of antiquity and the Middle Ages. *Antologiya mirovoi filosofii [Anthology of World Philosophy]*. Vol. 1. Moscow: Mysl'. 936 p. (In Russ.).
14. Khaydegger M. 1987. Istok khudozhestvennogo tvoreniya [The Source of Artistic Creation]. *Zarubezhnaya estetika i teoriya literatury XIX–XX vv. [Foreign aesthetics and theory of literature of the 19th–20th centuries]*. Moscow, Moscow University Publishing. Pp. 265–313. (In Russ.).
15. Schopenhauer A. 2020. Mir kak volya i predstavlenie [The World as Will and Representation]. Moscow: RIPOL klassik. (In Russ.).
16. Spengler O. 2000. Zakat Evropy [The Decline of Europe]. Moscow: AST. (In Russ.).
17. Shusterman R. 2012. Pragmaticheskaya estetika. Zhivaya krasota, pereosmyslenie iskusstva [Living Beauty, Rethinking Art]. Moscow: Kanon+. (In Russ.).
18. Derin P. 2021. Tradition and Innovation: A Study of the Relationship Between Cultural Practices and Economic Development. *Journal of Economic Sociology*. Vol. 22, no 2: 155–173.
19. Dufrenne M. 1973. The Phenomenology of Aesthetic Experience. Evanston: Northwestern University Press.
20. Mitias M. H. 1988. What Makes an Experience Aesthetic? Amsterdam: Rodopi. 154 p.
21. Stavenhagen K. 1979. Absolute Stellungnahmen. Eine ontologische Untersuchung über das Wesen der Religion [Absolute opinions. An ontological study on the nature of religion]. New York: Garland. (In German).
22. Schapp V. 2012. In Geschichten verstrickt. Zum Sein von Mensch und Ding [Entangled in stories. For the being of man and thing]. Frankfurt am Main: Verlag Vittorio Klostermann. (In German).
23. Schapp V. 2013. Beiträge Zur Phanomenologie Der Wahrnehmung [Contributions To The Phenomenology Of Perception]. Frankfurt am Main: Verlag Vittorio Klostermann. (In German).

Received 18.11.2024-

Владимир Александрович Рубин

доктор культурологии,
кандидат исторических наук,
доцент кафедры
истории государства и права

Оренбургский институт (филиал)
Университета имени
О. Е. Кутафина (МГЮА),
Оренбург, Россия

E-mail: rubin0701@yandex.ru

ORCID: 0009-0009-2691-4912

Андрей Сергеевич Рябуха

кандидат исторических наук,
заведующий аспирантурой

Оренбургский федеральный
исследовательский центр
Уральского отделения
Российской академии наук
(ОФИЦ УрО РАН), Оренбург, Россия

E-mail: ryabukhi@yandex.ru

**Екатерина Владимировна
Спиридонова**

кандидат физико-математических наук,
доцент кафедры
прикладной математики

Оренбургский государственный
университет, Оренбург, Россия

E-mail: ekvls@mail.ru

ORCID: 0000-0003-0972-2467

**ПРАВОВАЯ И ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА
ГОСУДАРСТВЕННОГО УЧЕТА И ОХРАНЫ АНСАМБЛЯ
КАК АВТОНОМНОГО ВИДА ОБЪЕКТОВ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ
НАРОДОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ
(на примере исследования объектов недвижимости
Оренбургского Неплюевского кадетского корпуса)**

В центре внимания авторов архитектурный ансамбль, представляющий собой совокупность объектов культурного наследия, каждый из которых наделен как общими для всего памятника истории и культуры свойствами, так и особыми символическими и материальными характеристиками. Временные трансформации, модификация связующей историко-культурной среды обуславливают разную степень сохранности составляющих ансамбля. В связи с этим при осуществлении государственного учета и охраны ансамблей как разновидности памятников истории и культуры следует принимать во внимание их специфические черты, что требует комплексного подхода к их исследованию.

В научной статье рассматриваются правовые и историко-культурные аспекты государственного учета и охраны городских архитектурных ансамблей в России, имеющих статус объектов культурного наследия. Основой эмпирической базы исследования стало изучение в 2023–2024 гг. сложной градостроительной ситуации вокруг шести объектов недвижимости, составляющих ансамбль выдающегося памятника отечественной архитектуры — Оренбургского (первого) Неплюевского кадетского корпуса.

Всестороннее исследование архивной, нормативной и технической документации, а также непосредственной градостроительной ситуации в рамках государственной историко-культурной экспертизы позволил выявить круг проблем и сформулировать актуальные предложения, направленные на совершенствование государственной политики в области учета, охраны и сохранения ансамблей как одного из видов объектов культурного наследия.

Ключевые слова: ансамбль, объект культурного наследия, памятник истории и культуры, Оренбургский Неплюевский кадетский корпус, история государства и права, военно-мемориальное наследие

Для цитирования: Рубин, В. А. Правовая и историко-культурная специфика государственного учета и охраны ансамбля как автономного вида объектов культурного наследия народов Российской Федерации на современном этапе (на примере исследования объектов недвижимости Оренбургского Неплюевского кадетского корпуса) / В. А. Рубин, А. С. Рябуха, Е. В. Спиридонова // Вестник культуры и искусств. — 2024. — № 4 (80). — С. 120–138.

Актуальность настоящей работы обусловлена следующими положениями.

Во-первых, вступил в силу указ Президента Российской Федерации от 25 января 2023 г. № 35 «О внесении изменений в Основы государственной культурной политики, утвержденные указом Президента Российской Федерации от 24 декабря 2014 г. № 808», в соответствии с которым к основным целям государственной культурной политики отнесена приоритетная государственная поддержка культурной деятельности, направленной на сохранение исторической памяти и культурного наследия.

Во-вторых, выявлена необходимость выработки теоретико-прикладного опыта изучения ансамблей, а именно четко локализуемых на исторически сложившихся территориях групп изолированных или объединенных памятников — объектов культурного наследия, что требует исследования как каждого отдельно взятого составляющего ансамбль объекта, так и средовых характеристик комплекса в целом, и тем самым свидетельствует о сложности решения данной задачи.

В-третьих, в направлении изучения ансамблей определены системные проблемы, такие как утрата отдельных исторических элементов ансамблей, наличие разных форм собственности по отдельным объектам культурного наследия в составе ансамблей и др., соответственно,

необходимо формирование правовых и управленческих механизмов для их преодоления.

Охарактеризуем проблему исследования ансамблей. Среди объектов недвижимости, включенных в ансамбль, как правило, выделяют *главный* (например, в загородной или городской усадьбах — жилой дом (особняк) дворянина, купца, мещанина, в гражданском или военном учреждении — основной корпус, в монастырском либо соборном комплексе — главный храм (собор) и т. п.) и *второстепенные* (вспомогательные), формирующие пообъектный состав каждого ансамбля (например, флигели, службы, хозяйственные постройки, каретники, ледники, часовни, трапезные и т. п.). Государственная охрана объектов культурного наследия в конце XX — начале XXI столетия характеризовалась приоритетным вниманием к главным объектам недвижимости исторически сложившихся ансамблей, второстепенные же зачастую оставались без охранного статуса, что нередко приводило к их сносу либо реконструкции с утратой архитектурно-исторической ценности (в рамках хозяйственной деятельности). Их уничтожение или меняющая облик и назначение реконструкция детерминируют деформацию предмета охраны всего ансамбля, невозможность сохранения целостной среды ансамбля как комплекса объектов культурного наследия.

В целях выявления и изучения особенностей государственной охраны ансамблей как комплексов разноплановых зданий и сооружений, объединенных общей историей, а также выработки правовых и историко-культурных рекомендаций совершенствования инструментов государственного учета подобных памятников истории и культуры проведен подробный анализ ансамбля Оренбургского (первого) Неплюевского кадетского корпуса (*Оренбургская область, Оренбург, пр. Парковый, 5а, лит. Б; пр. Парковый, 7, лит. В1, ЕЕ1, Е2; пр-д Коммунаров, 22, лит. АА1; пр-д Коммунаров, 24, лит. Г*).

Задача настоящего исследования — изучение ансамбля одновременно как *вида объектов* культурного наследия и как *совокупности объектов* культурного наследия, выявление специфических черт в управлении и правовой защите ансамблей, выработка предложений по совершенствованию государственного учета и охраны указанного вида памятников истории и культуры.

Методологической основой выступили труды Д. С. Лихачева [11; 12], В. С. Преображенского и Ю. А. Веденина [28], М. Е. Кулешовой [10], П. М. Шульгина [37] и др., в концептуальных положениях которых главным объектом охраны предстает территория со всем многообразием исторических, культурных, природных памятников, ансамблей, достопримечательных мест, ландшафтов. Также использовались труды современных авторов: Г. П. Матвиевской [14], В. Г. Семенова и В. П. Семеновой [32], С. Б. Синецкого [33], М. Л. Шуб [36]. Исследование культурного наследия выступает инструментом устойчивого развития российских регионов — в соответствии с научными положениями О. Н. Астафьевой [4].

По мнению академика Д. С. Лихачева, бережное отношение к объектам градостроительства, к истории города способствует «нравственной оседлости населения», пробуждению чувства Родины, которое «нужно заботливо возвращать» [13, с. 550]. К сожалению, даже на излете первой четверти XXI столетия большинство объектов культурного наследия Оренбурга остаются либо малоизученными,

либо вообще неисследованными. Данный фактор порождает непонимание правовой и фактической (историко-культурной) взаимосвязи данных объектов с современными урбанистическими процессами Оренбурга, центральную часть которого тем не менее занимает утвержденное в 2023 г. *историческое поселение регионального значения город Оренбург*¹, пока еще сохраняющее значительный процент застройки второй половины XIX — начала XX в.

Эмпирической базой работы послужили шесть объектов культурного наследия, составляющих комплекс объектов недвижимости Оренбургского (первого) Неплюевского кадетского корпуса (Неплюевской военной гимназии), обследованные авторами статьи в 2023–2024 гг. По опубликованным и неопубликованным материалам изучена их история и современная градостроительная ситуация, характеризующаяся нахождением зданий бывшего кадетского корпуса в разных формах собственности и неодинаковом техническом состоянии — порой аварийном, с функциональными изменениями. В целом ансамблевость исследуемого комплекса подтверждается наличием исторически связанных объектов недвижимости с образовательными, жилыми, хозяйственными и культовыми функциями, демонстрирующими стандарт русского военного образования второй половины XIX в., расположенными в самостоятельном историческом *Квартале военной гимназии* возле бывшей *Караван-Сарайской площади* (в разное время именовавшейся также *Соборной* и *Кадетской*), между современными *пр. Парковым* и *пр-дом Коммунаров*, *ул. Рыбаковской* и парком «*Тополя*».

Вплоть до настоящего времени Неплюевская военная гимназия является предметом научных изысканий. Подробное освещение история образовательного учреждения получила в монографических изданиях профессора Г. П. Матвиевской (2016) и историков В. Г. и

¹ Постановление Правительства Оренбургской области от 16.05.2023 № 450-пп «Об установлении границ территории, утверждении предмета охраны, историко-культурного опорного плана и требований к градостроительным регламентам в границах территории исторического поселения регионального значения город Оренбург».

В. П. Семеновых (2017), которые в свою очередь опирались на работы конца XIX — начала XX в. [см.: 7–9; 34], уточняя их вновь выявляемыми архивными данными [14; 32]. Настоящее исследование, в отличие от названных, в большей степени посвящено истории объектов недвижимости, имеющих историко-культурную взаимосвязь с бывшим военным учебным заведением и сохраняющих символическую ценность. Использование отдельных фрагментов опубликованных трудов указанных авторов, а также справочных изданий начала XX в. [см.: 6; 29; 30] позволило нам с большей достоверностью воссоздать судьбу некоторых объектов недвижимости ансамбля.

Открытие *военного училища* для детей дворян в Оренбурге состоялось 2 января 1825 г. первоначально на Неплюевской (ныне Ленинской) улице, «имея преимущественною целью сближение азиатцев с русскими» [7, с. 11]. Ведь в новое училище был открыт «доступ и для детей знатнейших киргиз [казахов]», «сочувствие к новой школе среди киргиз поддерживалось главным образом бывшим в то время ханом Букеевской орды (1822–1845 гг.) Джангер-ханом, получившим русское образование под руководством астраханского губернатора [С. С.] Андреевского», а «самое видное участие в содержании военного училища принимали киргизы» [29, с. 51–52]. Наименование училище получило в честь основателя города и первого губернатора Оренбургской губернии Ивана Ивановича Неплюева (1693–1773).

Училище было преобразовано 4 июня 1844 г. в *Неплюевский кадетский корпус* с двумя эскадронами — европейским и азиатским; 28 июля 1866 г. корпус переименован в *Оренбургскую Неплюевскую военную гимназию*, доступ в которую был дозволен всем сословиям; 22 июня 1882 г. Указом императора Александра III учреждение вновь было преобразовано в *Оренбургский Неплюевский кадетский корпус*.

Возрастающее с годами количество учащихся потребовало к 1860-м гг. функционального и масштабного изменений учебных площадей. Однако прежде чем получить новую «прописку» и финансирование на новый комплекс зданий, учебное заведение функциониро-

вало уже более сорока лет и имело репутацию авторитетного — в том числе и за пределами города, в степных среднеазиатских регионах.

В монографии В. Г. Семенова и В. П. Семеновой отмечено, что, по сведениям оренбургского историографа П. Н. Столпянского, земля под строительство новых зданий Неплюевской военной гимназии была уступлена городом согласно общественному приговору от 28 января 1867 г. Комплекс старых построек корпуса приобретен городом за 60 тыс. рублей с рассрочкой платежа на пятнадцать лет из расчета 3,5 % годовых. Площадь новых обширных построек Неплюевской гимназии вместе с садом и двором составляла 12 тыс. квадратных сажен [32, с. 42; см.: 34, с. 122–139].

Согласно генеральному плану Оренбурга 1864 г., на месте будущего ансамбля военной гимназии перед *Башкирским Караван-Сараем* имелась незастроенная *Соленая площадь* — ранее на этой территории размещались склады соли (рис. 1) [26]. Здесь, к западу от Караван-Сарая, для военной гимназии отвели усадебное место в пять десятин, на котором возвели главное здание (четырёхэтажное, ш-образное) с домовою церковью и вспомогательные постройки. На плане города, изданном Оренбургским военно-топографическим отделом в 1869 г., на площади перед Караван-Сараем уже обозначено строение, совпадающее по расположению и габаритам с *главным зданием ансамбля* (рис. 2) [31]. Со временем площадь была обнесена каменными стенами.

По данным профессора Г. П. Матвиевской, главное здание Неплюевской военной гимназии построено в 1868–1872 гг. Автор ссылается на «Дневник Неплюевского кадетского корпуса», согласно которому в 1870 г. директор П. В. Домерщиков получил поощрение «за двухлетние безвозмездные труды по надзору за работами при устройстве здания Оренбургской военной гимназии» [14, с. 103–104], что подтверждает начало строительства главного здания в 1868 г.

Согласно плану Оренбурга, составленному предположительно в 1874–1875 гг., комплекс военной гимназии к этому времени уже состоял из каменного здания *главного корпуса*, каменного здания *северного флигеля*, дере-

вянного г-образного здания служб с северной стороны и деревянного здания подземных служб с южной стороны от главного здания [20]. Отметим, однако, что на этом плане не указан южный флигель (многоквартирный дом для преподавателей кадетского корпуса) (рис. 3).

Южный флигель был возведен не позднее 1877 г., что подтверждает дело «О разбивке на кварталы и дворовые места местности между Военной гимназией и Госпиталем, под застройку домами, просимых в продажу архитектором, надворным советником Вебелем с прочими» [15, л. 19]. Дело, начатое в 1874 г., содержит документы 1870-х гг. и непосредственно «Чертеж части плана г. Оренбурга с показанием на оном под буквою “М” “предполагаемой местности просителя подольского мещанина Григория Мазуркевича”» (1877), на котором схематично указаны каменные постройки «квартала Неплюевской военной гимназии» и отчетливо — южный флигель (современный дом по адресу: пр-д Коммунаров, 22, лит. АА1), главное здание (пр. Парковый, 7, лит. ЕЕ1) и северный флигель (пр. Парковый, 7, лит. Е2) [Там же].

На самых ранних фотографиях военной гимназии — снимки А. Бухгольца, включенные в панораму Оренбурга, опубликованную в историко-статистическом очерке Ф. И. Лобысевича (1878), — как раз запечатлен процесс завершения строительства южного флигеля [7].

Преподаватель 3-го Московского Императора Александра II кадетского корпуса В. Ф. Греков указывает, что с 1869 по 1873 г. для Неплюевского корпуса были возведены новые каменные здания со службами, а с 1876 по 1878 г. — флигели для квартир служащих. Стоимость построек составила 441 тыс. рублей [8, с. 126]. Представленные сведения с учетом иконографического анализа позволяют говорить о назначении южного флигеля — для квартир служащих, и до настоящего времени он не менял своей жилой функции.

Во дворе кадетского корпуса по оси домово-й церкви, расположенной в среднем крыле главного здания, в 1870–1880-е гг. строится часовня.

Вероятно, в 1910 г. расположенные к югу от северного флигеля деревянные службы ре-

конструируются: над капитальными подвалами появляется такого же г-образного плана каменное одноэтажное здание хозяйственного назначения — службы северные. В соответствии с кадастровым паспортом на здание склада (инв. № 5; Оренбург, пр. Парковый, 5а, военный городок № 6), его постройка датирована 1910 г. В связи с этим возможно предположить, что службы северные либо были реконструированы, либо капитально ремонтировались в 1910 г., информация о чем отложилась в военном ведомстве. Первоначальное здание северных деревянных служб было возведено в период 1870–1873 гг.

Практически на всех планах города конца XIX — начала XX в. можно найти объект *Военная гимназия* или *Неплюевский кадетский корпус* с обозначением в основном только главного здания учебного заведения (рис. 4–9) [19; 21–25]. Согласно данным планам, квартал, в котором располагался кадетский корпус, имел разную нумерацию: в 1870-е гг. — № 20, в 1880-е — № 233, а в конце XIX в. получил № 215.

Оценочно-раскладочная ведомость недвижимого имущества во второй части Оренбурга на 1889–1890 гг. показывает, что на тот момент собственник всего исторического квартала с № 233 — «Военное ведомство. Неплюевский кадетский корпус», а на участке располагались «трехэтажный с подвальным этажом дом, двухэтажный дом и холодные службы, квартиры служащих» [17, л. 44об.].

По оценочно-раскладочной ведомости недвижимого имущества во второй части Оренбурга на 1898–1899 гг. за военным учебным учреждением числился весь 215-й квартал [18, л. 154об.]. В частности, в собственности кадетского корпуса находились два трех- и один двухэтажный каменные дома, «и каменные, и деревянные холодные службы крыты железом». Таким образом, отметим, что 215-й исторический квартал во второй части города полностью сложился уже в конце XIX в., и недвижимое имущество на его территории полностью принадлежало Неплюевскому кадетскому корпусу.

Исследуя квартал Оренбургского (первого) Неплюевского кадетского корпуса, не-

обходимо проанализировать развитие юго-восточной территории *Кадетской площади*. Свободная зона с юго-восточной стороны перед парадным входом в главное здание в 1870–1880-е гг. была гораздо шире, что находит свое подтверждение в фотографических материалах (см., например, фото А. Бухгольца). Однако окончательно силуэт 215-го исторического квартала складывается, очевидно, в 1890-е гг. — после разбивки так называемого *Тополевого сада* (1889).

В 1890-е гг. участок перед кадетским корпусом активно засаживался хвалынскими тополями — из Башкирии (в то время практически все деревья везли — в кадках, на подводах — именно из этого региона). Саженьцы укореняли на территории Тополевого и Караван-Сарайского садов, посажены деревья и у парадного фасада главного здания (рис. 10). Долгий период, в том числе из-за проблем с водоснабжением, Тополевый сад был неухоженным. Однако уже в начале XX в. ситуация кардинально изменилась. В 1903–1904 гг. оренбургский купец Никифор Филиппович Мальнев получил разрешение на строительство во второй части города, «в Тополевом саду на Кадетской площади», следующих объектов: «летний театр, деревянный, крыт железом; ресторан, деревянный, крыт железом; открытая сцена, деревянная, крыта железом; два павильона, деревянные, крыты железом; бильярдная, деревянная, крыта железом; кегли, деревянные, крыты деревом; кухня, деревянная, крыта железом. Оценено в 5 764 рубля» [16, л. 163об.]. Это была серьезная инвестиция в развитие Тополевого сада, и уже в 1908 г. в справочной литературе он указан в числе достопримечательных мест города, где давались «дивертисменты с участием певиц», а вход в сад был платным [29, с. 34]. Вместе с тем обустройство Тополевого сада перед парадным входом в главное здание кадетского корпуса значительно изменило облик юго-восточной части Кадетской площади (рис. 11).

В 1896 г. адресом расположения Неплюевского кадетского корпуса была *четная сторона Кадетской площади*, а именно «Кадетская площадь, собственный дом». Отметим, что «полицейские» номера по Кадетской площади были учтены исключительно по нечетной

стороне, и в «Указателе улиц и домов города Оренбурга» (изд. П. Н. Жариновым, 1896) анализируемое учреждение не упоминается [35, с. 110–111]. Указанное выше местоположение корпуса подтверждает справочное издание 1908 г. Н. И. Бодрова-Повираева, в котором среди учебных заведений по Военному ведомству назван «Неплюевский кадетский корпус — Кадетская площадь, соб. д.» [29, с. 9]. Следовательно, с юго-западной стороны ансамбль корпуса был ограничен нечетной стороной *Кадетской площади*, с северо-западной стороны — *Госпитальной площадью* (а именно — Питомником императорского общества садоводства, впоследствии Сад коммунаров, Парк имени В. И. Ленина), с северо-восточной стороны — *Интендантским вещевым складом* и *Караван-Сарайским садом*. Таким образом, квартал Неплюевского кадетского корпуса исторически занимал *всю северо-западную территорию Кадетской площади*.

В 1915 г. Оренбургский (первый) Неплюевский кадетский корпус имел адрес по *улице (площади) Госпитальной* (без номера домовладения). Директором в этот год являлся Н. А. Пузанов. В планах в качестве территории учреждения указан весь 215-й исторический квартал [6, с. 9].

Имеется значительное количество фотографий кадетского корпуса начала XX столетия, в основном запечатлевших *главное здание*, в центральной части которого (в объеме, выходявшем во двор) располагалась *церковь* с обширной, в 700 экз., библиотекой духовной литературы (рис. 12). Во дворе перед церковью имелась небольшая *часовня*.

Летом 1917 г., отклик событий февральской революции в Петрограде, корпус переименован в *гимназию Военного ведомства*.

В советское время в *главном здании* бывшего кадетского корпуса с 1921 г. размещался *Оренбургский детский дом № 3*. К 1935 г. границы участка были несколько изменены (просуществовали по крайней мере до 1932 г. [см.: 27]). Он приобрел прямоугольное очертание. По восточной границе вместо деревянного штакетника поставили высокий глухой оштукатуренный забор из шлакоблоков, чуть позже — каменно-металлическое ограждение

с узкой калиткой по северной меже вдоль *пр. Сталина* (ныне — *Паркового*) и по *пр-ду Коммунаров*. Эти сооружения, наряду с каменными стенами кадетского корпуса, замкнули периметр, что было технологически необходимо для детского дома.

Сформированное в 1943 г. *Сталинградское суворовское военное училище*, за неимением подходящего для него здания в практически полностью разрушенном войной Сталинграде, было переведено в 1946 г. в Чкалов — название Оренбурга с 26 декабря 1938 г. по 4 декабря 1957 г.

В 1961 г. суворовское училище было расформировано, а в 1970 г. в опустевшее *главное здание* бывшей «кадетки» въехали теоретические кафедры *Оренбургского медицинского института*. Ныне это здание (*пр. Парковый, 7, лит. ЕЕ1*) — учебный корпус № 3 ФГБОУ ВО «Оренбургский государственный медицинский университет» Министерства здравоохранения Российской Федерации.

Здание *часовни* (*пр. Парковый, 7, лит. В1*), утратившее после революции свое культовое назначение, во второй половине XX в. постепенно оказывается в окружении хозяйственных построек (гаражей) корпуса медицинского института и ныне продолжает находиться на балансе медицинского университета.

Северный флигель (*пр. Парковый, 7, лит. Е2*) долгое время занимало *педагогическое училище* (с 1990-х гг. — колледж), в настоящее время — *корпус Министерства образования Оренбургской области*, в 2023 г. была проведена его реставрация.

Службы северные (*пр. Парковый, 5а, лит. Б*), находившиеся с северной стороны от главного здания, во времена суворовского училища использовались как хозяйственная постройка и относились к военному ведомству. В последние годы находятся в заброшенном (руинированном) состоянии.

Южный флигель (*пр-д Коммунаров, 22, лит. АА1*) является многоквартирным домом, а *службы (подземные)* с южной стороны (*пр-д Коммунаров, 24, лит. Г*) используются для хозяйственных нужд (погребов жильцов дома по адресу *пр-д Коммунаров, 24*).

Северо-западная территория исторического квартала застроена многоквартирными

домами советской эпохи. Объекты недвижимости ансамбля в настоящее время находятся в государственной, муниципальной и частной собственности.

Таким образом, историографическая ситуация к 2023 г. характеризовалась наличием достаточно полноценных научных исследований для принятия объективных правовых решений о мемориальной ценности ансамбля Оренбургского (первого) Неплюевского кадетского корпуса и составляющих его объектов недвижимости. Однако, согласно проанализированным нами документам ведомственного архива инспекции государственной охраны объектов культурного наследия Оренбургской области, мероприятия по постановке на государственный учет и охрану объектов недвижимости исторического ансамбля в качестве объектов культурного наследия были поведены только в отношении четырех объектов (в 1993 и 1998 гг.), которые и были поставлены на учет и охрану как самостоятельные памятники истории и культуры.

В частности, решением малого Совета Оренбургского областного Совета народных депутатов от 2 марта 1993 г. № 6-мс «О постановке на государственную охрану памятников истории и культуры Оренбургской области» объект культурного наследия с наименованием «Комплекс. 2 здания. Бывший 1-й Неплюевский кадетский корпус. Классицизм. 70-е гг. XIX в.» (*Оренбург, пр. Парковый, 3, 5* — номера домовладения указаны согласно правовому акту) поставлен на государственную охрану как памятник истории и культуры местного значения. Указанные в нормативном акте объекты культурного наследия являются *главным зданием и северным флигелем* (*Оренбург, пр. Парковый, 7*) [4]. Постановлением Законодательного собрания Оренбургской области от 6 октября 1998 г. № 118/21-ПЗС учету и охране как памятники истории и культуры областного (регионального) значения подлежат *часовня и службы* (объекты «1 Кадетский корпус, часовня» и «1 Кадетский корпус, службы», адрес: *Оренбург, пр. Парковый, 7*) [5].

Постановлением Правительства Оренбургской области от 16 апреля 2012 г. № 335-

п «Об уточнении данных государственного учета объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) регионального значения» наименование и адрес объекта культурного наследия «Комплекс. 2 здания. Бывший 1-й Неплюевский кадетский корпус. Классицизм. 70-е гг. XIX в.» (*Оренбург, пр. Парковый, 3, 5*) изменены следующим образом: «Комплекс 1-го Неплюевского кадетского корпуса. Главное здание» (*Оренбург, пр. Парковый, 7*) [Там же]. К сожалению, последствием уточнения данных стала утрата статуса объекта культурного наследия для северного флигеля (до 2023 г.), а состоящих на государственном учете и охране объектов — составных частей — осталось только три.

Утверждение границ территории и предметов охраны для перечисленных зданий, составных частей ансамбля Оренбургского (первого) Неплюевского кадетского корпуса, произошло значительно позже их постановки на государственный учет и охрану.

Так, для объекта культурного наследия «Комплекс 1-го Неплюевского кадетского корпуса. Главное здание» границы территории были утверждены постановлением Правительства Оренбургской области от 28 июня 2012 г. № 530-п «Об утверждении границ территорий объектов культурного наследия (памятников истории и культуры)», а предмет охраны — постановлением Правительства Оренбургской области от 5 ноября 2013 г. № 935-п «Об утверждении предметов охраны объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) Оренбургской области». И только в 2022–2023 гг. вышли нормативные акты по утверждению границ территории и предметов охраны для объектов культурного наследия регионального значения «1 Кадетский корпус, часовня» (приказы инспекции государственной охраны объектов культурного наследия Оренбургской области № 01-08-148 от 30 мая 2022 г. и № 01-08-599 от 19 октября 2023 г.) и «1 Кадетский корпус, службы» (приказы инспекции государственной охраны объектов культурного наследия Оренбургской области № 01-08-147 от 30 мая 2022 г. и № 01-08-600 от 19 октября 2023 г.).

Весь комплекс зданий и сооружений (или пообъектный состав) Оренбургского (перво-

го) Неплюевского кадетского корпуса был определен авторами настоящей статьи только в рамках государственной экспертизы в 2023–2024 гг., когда согласно исследованным современным техническим паспортам ГБУ «Центр государственной кадастровой оценки Оренбургской области» на объекты недвижимости, расположенные в пределах 215-го исторического квартала, а также данным визуального обследования территории квартала, было достоверно установлено, что из всех построек бывшего Оренбургского Неплюевского кадетского корпуса сохранились: *главное здание, флигель северный, флигель южный, часовня, службы северные, службы южные (кладовая с погребями)*. Таким образом, экспертизой определено, что до наших дней дошли практически все основные исторические постройки ансамбля.

При проведении государственной экспертизы в ходе уточнения пообъектного состава ансамбля составлена таблица.

Отметим, что настоящему исследованию немало способствовало изучение дел из архива государственного бюджетного учреждения «Центр государственной кадастровой оценки Оренбургской области». Прежде всего данные документы позволили собрать фрагментарную информацию об объектах недвижимости ансамбля.

В частности, при изучении генерального плана земельного участка из дела с адресом: *Оренбург, пр-д Коммунаров, 20, 22, 22а* было установлено, что *флигель южный* ансамбля расположен на земельном участке с адресом *Оренбург, пр-д Коммунаров, 22* и обозначен под *лит. АА1* как четырехэтажный дом, также в деле указан год постройки — до 1917 г. [1].

Изучение генерального плана земельного участка из дела № П-17-34 (*Оренбург, пр-д Коммунаров, 24*) [2] показало следующее:

- *службы южные (кладовая с погребями)* расположены на земельном участке с адресом: *Оренбург, пр-д Коммунаров, 24* и обозначены *лит. Г*; год постройки не установлен.
- объект используется под погреб (в соответствии с распоряжением Комитета по управлению имуществом

**Оренбургский (первый) Неплюевский кадетский корпус:
объекты культурного наследия в составе ансамбля**

Наименование объекта культурного наследия		Современный адрес объектов культурного наследия
Предложено по итогам государственной экспертизы	По нормативным правовым актам конца XX — начала XXI в.	
Оренбургский (первый) Неплюевский кадетский корпус (Неплюевская военная гимназия). Ансамбль	—	пр. Парковый, 5а, лит. Б; 7, лит. В1, ЕЕ1, Е2; пр-д Коммунаров, 22, лит. АА1; 24, лит. Г
Главное здание	Комплекс 1-го Неплюевского кадетского корпуса. Главное здание	пр. Парковый, 7, лит. ЕЕ1
Флигель	—	пр. Парковый, 7, лит. Е2
Часовня	1 Кадетский корпус, часовня	пр. Парковый, 7, лит. В1
Флигель [южный] для квартир служащих	—	пр-д Коммунаров, 22, лит. АА1
Службы северные с погребями (руины)	1 Кадетский корпус, службы	пр. Парковый, 5а, лит. Б
Службы южные (кладовая с погребями)	—	пр-д Коммунаров, 24, лит. Г

Администрации г. Оренбурга от 14 мая 1996 г. № 641 «По правовой регистрации погребов по пр. Коммунаров, 24 за ЖСК-35», узаконены погреб, *лит. Г*, — «помещение частью одноэтажное, частью подвал, кирпичное, полезной площадью 234,1 кв. м., износ — 4,2 %»).

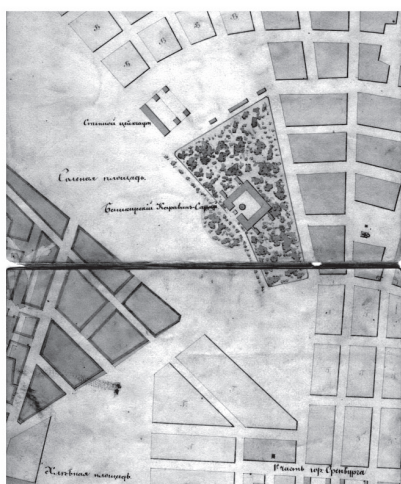
Личное визуальное обследование подземных погребов подтвердило наше предположение о том, что данный объект недвижимости является бывшими службами Оренбургского Неплюевского кадетского корпуса (с южной стороны).

Таким образом, при осуществлении комплексного исследования, включавшего в себя изучение имеющейся библиографии, документов Объединенного государственного архива Оренбургской области, технической документации архива ГБУ «Центр государственной кадастровой оценки Оренбургской области», ведомственного архива инспекции государственной охраны объектов культурного наследия Оренбургской области, а также изучение объектов недвижимости на местности, был установлен весь комплекс объектов культурного наследия, входящих в ансамбль Оренбургского (первого) Неплюевского кадетского корпуса, впервые выявлены *флигель южный* и *службы южные (кладовая с погребями)*. Установлено, что объект исследования (ансамбль) функционирует с 1870-х гг. в качестве военного образовательного учреждения и вспомо-

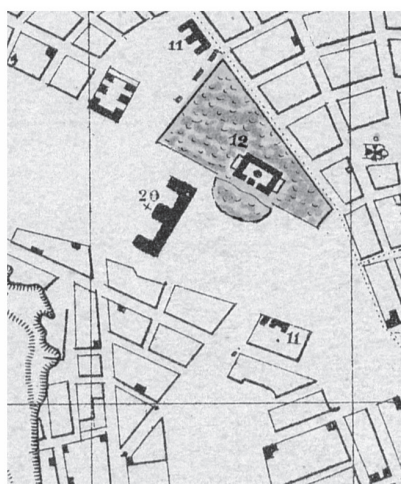
гательных зданий в северо-западной стороне 2-й полицейско-пожарной части Оренбурга (кварталы меняли нумерацию: № 20, 233, 215) на месте бывшей Караван-Сарайской (Соборной, Кадетской) площади. Основные объекты ансамбля построены в 1868–1877 гг. В ходе изучения уточнена датировка объектов ансамбля: *главное здание* возведено в 1868–1872 гг., *флигель северный* — в 1870–1873 гг., *флигель южный* (квартиры для преподавателей) — в 1876–1877 гг., *службы южные* (кладовая с погребями) — в 1870–1873 гг., *службы северные* — в 1870–1873 гг. (реконструированы в 1910 г.), *часовня* — в 1870–1880-е гг. На территории исторического квартала сохранился фрагмент каменной ограды кадетского корпуса (ориентировочная дата возведения — 1870–1880-е гг., примыкает с восточной стороны к парадному фасаду южного флигеля по адресу: *пр-д Коммунаров, 22, лит. АА1*). В советский период в части зданий продолжали функционировать образовательные учреждения, в других разместились жилые квартиры.

Несмотря на то, что ряд объектов Неплюевского кадетского корпуса состоял на государственном учете и охране с 1990-х гг., первостепенную историческую значимость представляет собой именно *единый архитектурный ансамбль* корпуса.

Ансамбль Оренбургского Неплюевского кадетского корпуса является значимым культурным объектом исторического поселения

1864

1869

Предположительно 1874–1875

Начало 1880-х

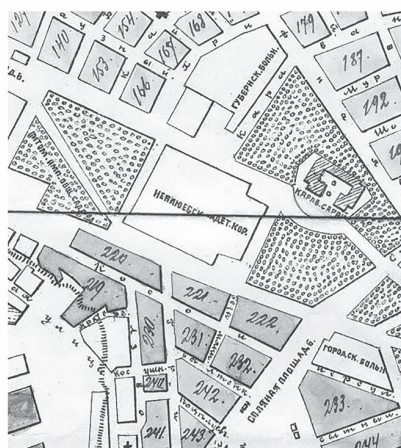
1885

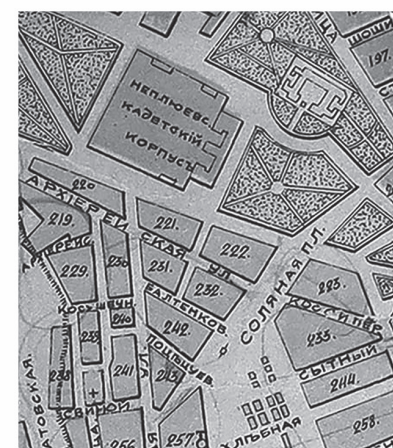
1888

1892

1902

1916

Рис. 1–9. Фрагменты планов г. Оренбурга

Рис. 10. Главное здание Оренбургского (первого) Неплюевского кадетского корпуса. Конец XIX в.

Рис. 11. Вид Оренбургского (первого) Неплюевского кадетского корпуса с территории Тополевого сада. Начало XX в.

Рис. 12. Церковь. Фрагмент фотографии 1910–1911. Состязания по гимнастике в Оренбургском Неплюевском кадетском корпусе

Рис. 13. Современный вид ансамбля Оренбургского (первого) Неплюевского кадетского корпуса с квадрокоптера (зима)

регионального значения город Оренбург: северо-западная часть исторического Оренбурга, бывшая Караван-Сарайская площадь (ныне — между пр. Парковым, пр-дом Коммунаров, ул. Рыбаковской и парком отдыха «Тополя»).

Историко-градостроительная ценность ансамбля подтверждается как его расположением на территории исторического поселения город Оренбург, так и самостоятельными характеристиками составляющих его зданий, опубликованными и неопубликованными (архивные материалы, технические паспорта и др.) источниками. Ансамбль связан с окружающим пространством города и имеет важное историко-архитектурное и градостроительное значение. Он является одним из сохранившихся примеров архитектурного комплекса 1860–1870-х гг. на территории города (рис. 13).

Ансамбль обладает огромной мемориальной значимостью — директорами, попечителями и выпускниками Оренбургского (первого) Неплюевского кадетского корпуса (Неплюевской военной гимназии) были выдающиеся личности и военные деятели нашего государства, память о которых сохраняют здания ансамбля. В военно-учебном заведении преподавали востоковед П. И. Демезон, писатель Н. В. Успенский, литературный критик А. А. Григорьев, академик живописи Л. В. Попов, филолог Н. В. Шляков, публицист П. Н. Распопов, музыкант Г. Ф. Эстеррейх, математики М. Г. Попруженко, И. П. Долбня, Б. Б. Пиотровский и др. [32, с. 7].

Завершая исследование, отметим, что ансамбли, учитывая временные трансформации, имеют разную степень сохранности. Как разновидность объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) они обладают специфическими чертами при осуществлении их государственного учета и охраны и требуют комплексного подхода к их изучению. Однозначным выглядит то обстоятельство, что в сфере государственного учета и охраны ансамблей необходимы «тщательная ревизия», активизация общественности, научного и экспертного сообщества в процессе выявления ансамблей и постановки их на государственную охрану, включение в процессы популяризации духовно-нравственных ценностей России.

В противном случае сохранение «исторических пространств», особенно в условиях интенсификации градостроительной деятельности, точечной застройки, выглядит просто неосуществимым.

Итоги исследования. Обозначим проблемные аспекты:

- 1) отсутствие правового статуса объекта культурного наследия у «второстепенных» объектов недвижимости ансамбля (флигели, службы, каретники, хозяйственные постройки, часовни и т. п.), что приводит к сносу либо искажению данных объектов;
- 2) объекты недвижимости ансамбля часто находятся в разных формах собственности, имеют разных балансодержателей, что затрудняет обеспечение целостного подхода к сохранению ансамблей;
- 3) объекты недвижимости ансамблей находятся в разном техническом состоянии, отсутствует комплексный подход к их сохранению;
- 4) дискредитация объектов культурного наследия при смене функционального назначения;
- 5) у значительного большинства ансамблей (как самостоятельных объектов культурного наследия) не установлены предметы государственной охраны, границы территорий и режимы использования данных территорий, что приводит к точечной застройке и деформации целостности ансамблей;
- 6) недостаточное количество комплексных научных и научно-справочных исследований ансамблей.

Изучение ансамбля Оренбургского (первого) Неплюевского кадетского корпуса полностью подтверждает обозначенную проблематику, поскольку, несмотря на то, что бывшее военное учебное заведение является одним из символов исторического Оренбурга, только в 2023 г. были выявлены объекты *флигель южный, службы южные*, а также непосредственно и сам ансамбль.

Объекты недвижимости ансамбля относятся к разным формам собственности — федеральной, региональной, муниципальной

и частной. Службы северные с 2013 г. находятся в аварийном, заброшенном состоянии (в 2013 г. объект был поврежден неизвестными лицами, что стало основанием для возбуждения уголовного дела от 7 июня 2013 г. № 3/630 отделом полиции № 2 по г. Оренбургу по признакам состава преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 243 УК РФ). В помещении бывшей часовни учебного заведения обустроен склад под хозяйственные нужды, что, на наш взгляд, дискредитирует памятник истории и культуры.

Соответственно указанным проблемам мы представляем и пути их решения.

Во-первых, Министерству культуры Российской Федерации, региональным органам государственной власти необходимо активизировать работу и обеспечить в качестве приоритетной задачи комплексное выявление ансамблей, постановку на государственную охрану всех составных частей (пообъектного состава) ансамблей с последующей их интеграцией в информационные системы обеспечения градостроительной деятельности, учета земельно-имущественного комплекса.

Во-вторых, необходимо изменение подхода в процедуре выявления ансамблей, а именно уточнение порядка выявления объекта культурного наследия с учетом предварительной проверки на наличие ансамблевости (наличие неучтенных объектов недвижимости при подаче заявления на выявление объекта культурного наследия) с внесением изменений в ст. 16.1 Федерального закона от 25 июня 2002 г. № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации».

Практикоориентированные результаты настоящих авторских исследований в 2023–2024 гг. были направлены в Правительство Оренбургской области и выразились в принятии ряда нормативных правовых актов. Так, согласно приказу инспекции государственной охраны объектов культурного наследия Оренбургской области от 29 февраля 2024 г. № 01-08-103², ансамбль Оренбургского (пер-

вого) Неплюевского кадетского корпуса и составляющие его памятники были включены в Единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации, утверждены их предметы охраны и границы территории ансамбля. Ансамбль и все составляющие его объекты (памятники), в соответствии с приказами Министерства культуры Российской Федерации № 1758 от 24 декабря 2012 г., № 152028-р, № 152029-р, № 152030-р от 26 апреля 2024 г., № 152322-р, № 152323-р и № 152324-р от 5 июня 2024 г.³, зарегистрированы в автоматизированной информацион-

ного объекта культурного наследия в единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации в качестве объекта культурного наследия регионального значения (вид — ансамбль) «Оренбургский (первый) Неплюевский кадетский корпус (Неплюевская военная гимназия)», 1868–1877 гг. (Оренбургская обл., г. Оренбург, пр-т Парковый, 5а, лит. Б; пр-т Парковый, 7, лит. В1, ЕЕ1, Е2; пр-д Коммунаров, 22, лит. АА1; пр-д Коммунаров, 24, лит. Г), об утверждении предметов охраны, границ и режима использования территории объекта культурного наследия».

³ Приказ Министерства культуры Российской Федерации от 24.12.2012 № 1758 «О регистрации объектов культурного наследия регионального значения, расположенных в Оренбургской области, в едином государственном реестре объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации»;

Приказ Министерства культуры Российской Федерации от 26.04.2024 № 152028-р «О регистрации объекта культурного наследия регионального значения «Оренбургский (первый) Неплюевский кадетский корпус (Неплюевская военная гимназия)», 1868–1877 гг. (Оренбургская область) в едином государственном реестре объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации»;

Приказ Министерства культуры Российской Федерации от 26.04.2024 № 152029-р «О регистрации объекта культурного наследия регионального значения «Флигель для квартир служащих», 1876–1877 гг., входящего в состав объекта культурного наследия регионального значения «Оренбургский (первый) Неплюевский кадетский корпус (Неплюевская военная гимназия)», 1868–1877 гг. (Оренбургская область), в едином государственном реестре объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации»;

Приказ Министерства культуры Российской Федерации от 26.04.2024 № 152030-р «О регистрации объекта культурного наследия регионального значения «Службы южные (кладовая с погребями)», 1870–1873 гг., входящего в состав объекта культурного

² Приказ инспекции государственной охраны объектов культурного наследия Оренбургской области от 29.02.2024 № 01-08-103 «О включении выяв-

ной системе Министерства культуры Российской Федерации «Единый государственный

реестр объектов культурного наследия» (АИС ЕГРОКН).

го наследия регионального значения “Оренбургский (первый) Неплюевский кадетский корпус (Неплюевская военная гимназия)”, 1868–1877 гг. (Оренбургская область), в едином государственном реестре объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации»;

Приказ Министерства культуры Российской Федерации от 05.06.2024 № 152322-р «О регистрации объекта культурного наследия регионального значения “Флигель”, 1870–1873 гг., входящего в состав объекта культурного наследия регионального значения “Оренбургский (первый) Неплюевский кадетский корпус (Неплюевская военная гимназия)”, 1868–1877 гг. (Оренбургская область), в едином государственном реестре объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации»;

Приказ Министерства культуры Российской Федерации от 05.06.2024 № 152323-р «О регистрации объекта культурного наследия регионального значе-

ния “Часовня”, 1870–1880-е гг., входящего в состав объекта культурного наследия регионального значения “Оренбургский (первый) Неплюевский кадетский корпус (Неплюевская военная гимназия)”, 1868–1877 гг. (Оренбургская область), в едином государственном реестре объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации»;

Приказ Министерства культуры Российской Федерации от 05.06.2024 № 152324-р «О регистрации объекта культурного наследия регионального значения “Службы северные с погребями”, 1870–1873 гг.; 1910 г., входящего в состав объекта культурного наследия регионального значения “Оренбургский (первый) Неплюевский кадетский корпус (Неплюевская военная гимназия)”, 1868–1877 гг. (Оренбургская область), в едином государственном реестре объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации».

Список литературы

1. Архив ГБУ «Центр государственной кадастровой оценки Оренбургской области». Дело с адресом: город Оренбург, пр-д Коммунаров, № 20, 22, 22а.
2. Архив ГБУ «Центр государственной кадастровой оценки Оренбургской области». Дело № П-17-34 (г. Оренбург, пр-д Коммунаров, № 24).
3. Астафьева, О. Н. Стратегия устойчивого развития в культурной политике российских регионов / О. Н. Астафьева // Мир русскоговорящих стран. — 2019. — № 1 (1). — С. 43–51.
4. Ведомственный архив инспекции государственной охраны объектов культурного наследия Оренбургской области (далее — Ведомственный архив ИГООКНОО). Решение малого Совета Оренбургского областного Совета народных депутатов от 02.03.1993 № 6-мс «О постановке на государственную охрану памятников истории и культуры Оренбургской области».
5. Ведомственный архив ИГООКНОО. Постановление Законодательного собрания Оренбургской области от 06.10.1998 № 118/21-ПЗС «Об утверждении списка вновь выявленных памятников истории и культуры и принятии их на государственный учет и охрану как памятники областного значения».
6. Галактионов, Г. Я. Справочник по городу Оренбургу с торгово-промышленным указателем и подробным планом города Оренбурга. 1915 / Г. Я. Галактионов. — Оренбург : Паровая типо-лит. Н-цы Бреслина, 1915. — 59 с.
7. Город Оренбург : историческо-статистический очерк / сост. Ф. И. Лобысевич. — Санкт-Петербург : Тип. Э. Гоппе, 1878. — 61 с., 8 л. ил.
8. Греков, В. Ф. Краткий исторический очерк военно-учебных заведений. 1700–1910 гг. / В. Ф. Греков. — Москва : Тип. Вильде, 1910. — 190 с.
9. Записки генерал-майора Ивана Васильевича Чернова // Труды Оренбургской ученой архивной комиссии; Вып. 18. — Оренбург : паровая типо-лит. «Т-ва печ. дела Каримов, Хусаинов и К°», 1907. — 224 с., 18 л. ил., портр.

10. Кулешова, М. Е. Управление культурными ландшафтами и иными объектами историко-культурного наследия в национальных парках / М. Е. Кулешова. — Москва : Изд-во Центра охраны дикой природы, 2002. — 46 с.
11. Лихачев, Д. С. Восстановление памятников культуры. Проблемы реставрации : сб. ст. / Д. С. Лихачев. — Москва : Искусство, 1981. — 232 с.
12. Лихачев, Д. С. Диалоги о дне вчерашнем, сегодняшнем и завтрашнем / Д. С. Лихачев, Н. Самвелян. — Москва : Совет. Россия, 1988. — 144 с.
13. Лихачев, Д. С. Мысли о жизни. Письма о добром / Д. С. Лихачев. — Москва : КоЛибри, 2015. — 576 с.
14. Матвиевская, Г. П. Оренбургский Неплюевский кадетский корпус. Очерк истории : монография / Г. П. Матвиевская. — Москва : Академия Естествознания, 2016. — 174 с.
15. Объединенный государственный архив Оренбургской области (далее — ОГАОО). Ф. 41. Оп. 1. Д. 577 («О разбивке на кварталы и дворовые места местности между Военной гимназией и Госпиталем, под застройку домами, просимых в продажу архитектором, надворным советником Вебелем с прочими»).
16. ОГАОО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 675 («О представлении Оренбургской городской управой председателю Оренбургского городского по государственному квартирному налогу присутствия списков лиц, получивших разрешение на строительство домов в г. Оренбурге». 1895–1910).
17. ОГАОО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 982 (Оценочно-раскладочная ведомость недвижимых имуществ в городе Оренбурге. 1889/90. Ч. 2).
18. ОГАОО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 1017 (Оценочно-раскладочная ведомость недвижимых имуществ в гор. Оренбурге на 1898/99. Ч. 2).
19. ОГАОО. Ф. 124. Оп. 2. Д. 6057 (План города Оренбурга с окрестностями, составленный городским землемером И.В. Готлибом. 1916).
20. ОГАОО. Ф. 124. Оп. 2. Д. 6060 (План города Оренбурга. Предположительно 1874–1875).
21. ОГАОО. Ф. 124. Оп. 2. Д. 6065 (План части Оренбурга. 1880-е).
22. ОГАОО. Ф. 124. Оп. 2. Д. 6065А (План города Оренбурга. 1892).
23. ОГАОО. Ф. 124. Оп. 2. Д. 6072 (План г. Оренбурга. 1902).
24. ОГАОО. Ф. 124. Оп. 2. Д. 6074 (План части города. 1888).
25. ОГАОО. Ф. 124. Оп. 2. Д. 6075 (План города Оренбурга. 1885).
26. ОГАОО. Ф. 124. Оп. 2. Д. 6076 (Генеральный план города Оренбурга. 1864).
27. План г. Оренбурга. — Оренбург : Изд. Оренбург. Горкомхоза, 1932.
28. Преображенский, В. С. География и отдых / В. С. Преображенский, Ю. А. Веденин. — Москва : Знание, 1971. — 48 с.
29. Путеводитель-справочник по Оренбургу и Ташкентской железной дороге с расположенными на ней городами / сост. Н. И. Бодров-Повираев. — Оренбург : Паровая тип.-лит. Дворжец, 1908. — 106 с.
30. Райский, П. Д. Путеводитель по городу Оренбургу с очерком его прошлого и настоящего, иллюстрациями и планом / П. Д. Райский. — Оренбург : Губерн. тип., 1915. — 178 с.
31. Российская национальная библиотека. ОК 3-план/1-223 (План города Оренбурга. 1869).
32. Семенов, В. Г. Оренбургский Неплюевский кадетский корпус. История в лицах / В. Г. Семенов, В. П. Семенова. — Оренбург : Оренб. кн. изд-во им. Г. П. Донковцева, 2017. — 592 с.
33. Синецкий, С. Б. Культурная политика XXI века: от прецедента Истории к проекту Будущего : монография / С. Б. Синецкий. — Челябинск : Энциклопедия, 2011. — 288 с.
34. Столпянский, П. Н. Город Оренбург : материалы к истории и топографии города / П. Н. Столпянский. — Оренбург : Губерн. тип., 1908. — 400 с.

35. Указатель улиц и домов города Оренбурга. — Оренбург : Тип.-лит. П. Н. Жаринова, 1896. — 313 с.
36. Шуб, М. Л. Культурная память: сущностные особенности и социокультурные практики бытования : монография / М. Л. Шуб. — Челябинск : ЧГИК, 2018. — 303 с.
37. Шульгин, П. М. Культурное наследие Российской Федерации : первый ежегодный государственный доклад / П. М. Шульгин // Россия и современный мир. — 2013. — № 3 (80). — С. 197–208.

Получено 12.12.2024

Vladimir A. Rubin

*Doctor of Culturology,
Candidate of Historical Sciences,
Associate Professor
of the History and Law Chair
Orenburg Institute (Branch)
of The Kutafin Moscow State
Law University (MSLA), Orenburg, Russia
E-mail: rubin0701@yandex.ru*

ORCID: 0009-0009-2691-4912

Andrey S. Ryabukha

*Candidate of Historical Sciences,
Head of the Department
of Postgraduate Studies
Orenburg Federal Research Center
of the Ural Branch
of the Russian Academy of Sciences,
Orenburg, Russia
E-mail: ryabukhi@yandex.ru*

Ekaterina V. Spiridonova

*Candidate of Physical
and Mathematical Sciences,
Associate Professor
of the Applied Mathematics Chair
Orenburg State University,
Orenburg, Russia
E-mail: ekvls@mail.ru*

ORCID: 0000-0003-0972-2467

**Legal and Historical-Cultural Peculiarities of State Recording
and Architectural Complex Security as an Autonomous Kind of Cultural Heritage
of the Peoples of the Russian Federation at the Present Stage
(on the Example of Real Estate Studies of the Orenburg-Nepljuevski Cadet Corps)**

The authors of the given article focus their attention on the architectural complex representing the collection of cultural heritage sites where each one is endowed with both common for the historical and cultural monument as a whole features and peculiar symbolic and material

characteristics. Time changes, modification of coupling historical-cultural medium provide different preservation degree of the complex's counterparts. In this respect when carrying out record keeping and preservation of architectural complexes and historical and cultural monuments it is necessary to take into consideration their specific features and only complex approach should be employed in their studies.

The article also considers legal and historical-cultural aspects of urban architectural complexes as cultures heritage sites of Russia state record-keeping and preservation. The empirical basis of the research has been thorough studies of the complicated urban planning situation in 2023–2024 concerning six real estate objects comprising an outstanding monument of Russian architecture — the Orenburg (first)-Nepljuevski Cadet Corps.

Comprehensive research of archive, regulatory and technical documents as well as the direct urban planning situation during the state historical-cultural inspection helped to identify the problems and make up-to-date proposals directed at the perfectibility of state policy in the field of record keeping, preservation and protection of architectural complexes as one of the cultural heritage sites.

Keywords: architectural complex, cultural heritage site, historical and cultural monument, the Orenburg-Nepljuevski Cadet Corps, history of the State and Law, war memorial heritage

For citing: Rubin V. A., Ryabukha A. S., Spiridonova E. V. 2024. Legal and Historical-Cultural Peculiarities of State Recording and Architectural Complex Security as an Autonomous Kind of Cultural Heritage of the Peoples of the Russian Federation at the Present Stage (on the Example of Real Estate Studies of the Orenburg-Nepljuevski Cadet Corps). *Vestnik kultury i iskusstv [Culture and Arts Herald]*. No 4 (80): 120–138. (In Russ.).

References

1. Arkhiv GBU «Tsentr gosudarstvennoi kadaastrovoi otsenki Orenburgskoi oblasti». Delo s adresom: gorod Orenburg, pr-d Kommunarov, № 20, 22, 22a [Archive of the State Budgetary Institution “Center for State Cadastral Valuation of the Orenburg Oblast”. Case with the address: Orenburg, Kommunarov proezd, No. 20, 22, 22a]. (In Russ.).
2. Arkhiv GBU «Tsentr gosudarstvennoi kadaastrovoi otsenki Orenburgskoi oblasti». Delo № P-17-34 (g. Orenburg, pr-d Kommunarov, № 24) [Archive of the State Budgetary Institution “Center for State Cadastral Valuation of the Orenburg Oblast”. Case No. P-17-34 (Orenburg, Kommunarov proezd, No. 24)]. (In Russ.).
3. Astafieva O. N. 2019. Sustainable Development Strategy in the Cultural Policy of Russian Regions. *Mir russkogovoryashchikh stran. Mir russkogovoryashchikh stran [The World of Russian-Speaking Countries]*. No. 1 (1): 43–51. (In Russ.).
4. Vedomstvennyi arkhiv inspeksii gosudarstvennoi okhrany ob"ektov kul'turnogo naslediya Orenburgskoi oblasti (dalee — Vedomstvennyi arkhiv IGOOKNOO). Reshenie malogo Soveta Orenburgskogo oblastnogo Soveta narodnykh deputatov ot 02.03.1993 № 6-ms «O postanovke na gosudarstvennyu okhranu pamyatnikov istorii i kul'tury Orenburgskoi oblasti» [Departmental Archive of the Inspection of State Protection of Cultural Heritage Sites of the Orenburg Oblast. Decision of the small Council of the Orenburg regional Council of People's Deputies of 02.03.1993 No. 6-ms “On Placing Historical and Cultural Monuments of the Orenburg Region Under State Protection”]. (In Russ.).
5. Vedomstvennyi arkhiv IGOOKNOO. Postanovlenie Zakonodatel'nogo sobraniya Orenburgskoi oblasti ot 06.10.1998 № 118/21-PZS «Ob utverzhdenii spiska vnov' vyyavlennykh pamyatnikov istorii i kul'tury i prinyatii ikh na gosudarstvennyi uchet i okhranu kak pamyatniki oblastnogo znacheniya» [Departmental Archive of the Inspection of State Protection of Cultural Heritage Sites of the Orenburg Oblast. Resolution of the Legislative Assembly of the Orenburg Region dated 06.10.1998 No. 118/21-PZS “On approval of the list of newly identified historical and cultural monuments and their acceptance for state registration and protection as monuments of regional significance”]. (In Russ.).

6. Galaktionov G. Ya. 1915. Spravochnik po gorodu Orenburgu s trgovno-promyshlennym ukazatelem i podrobnym planom goroda Orenburga [Directory of Orenburg city with a trade and industrial index and a detailed plan of Orenburg]. Orenburg. 59 p. (In Russ.)
7. Gorod Orenburg: istoricheskoye-statisticheskoye ocherk [Orenburg City: a historical and statistical essay]. 1878. St. Petersburg. 61 p., 8 p. ill. (In Russ.).
8. Grekov V. F. 1910. Kratkiy istoricheskiy ocherk voyenno-uchebnykh zavedeniy [Brief historical essay on military educational institutions]. Moscow. 190 p. (In Russ.)
9. Notes of Major General Ivan Vasilyevich Chernov. *Trudy Orenburgskoy uchenoy arkhivnoy komissii* [Works of the Orenburg Scientific Archival Commission]. 1907. Iss. 18. Orenburg. 224 p., 18 p. ill. (In Russ.).
10. Kuleshova M. E. 2002. Upravlenie kul'turnymi landshtaftami i inymi ob'ektami istoriko-kul'turnogo naslediya v natsional'nykh parkakh [Management of cultural landscapes and other objects of historical and cultural heritage in national parks]. Moscow. 46 p. (In Russ.)
11. Likhachev D. S. 1981. Vosstanovleniye pamyatnikov kul'tury. Problemy restavratsii [Restoration of cultural monuments. Problems of restoration]. Moscow. 232 p. (In Russ.).
12. Likhachev D. S., Samvelyan N. 1988. Dialogi o dne vcherashnem, segodnyashnem i zavtrashnem [Dialogues about yesterday, today and tomorrow]. Moscow. 144 p. (In Russ.).
13. Likhachev D. S. 2015. Mysli o zhizni. Pis'ma o dobrom [Thoughts about life. Letters about good]. Moscow. 576 p. (In Russ.).
14. Matvievskaia G. P. 2016. Orenburgskii Nepliyuevskii kadetskii korpus. Ocherk istorii [Orenburg Nepliyuevsky Cadet Corps. Essay on History]. Moscow. 174 p. (In Russ.).
15. Ob"edinennyy gosudarstvennyy arkhiv Orenburgskoi oblasti. F. 41. Op. 1. D. 577 («O razbivke na kvartaly i dvorovyie mesta mestnosti mezhdu Voennoi gimnaziei i Gospitalem, pod zastroyku domami, prosimyykh v prodazhu arkhitektoy, nadvornym sovetnikom Vebelem s prochimi») [United State Archive of Orenburg Oblast. Fond 41. Description of the Case 1. Doc. 577. On the division into blocks and courtyards of the area between the Military Gymnasium and the Hospital, for the construction of houses requested for sale by the architect, court councilor Vebel and others]. (In Russ.).
16. OGAOO. F. 41. Op. 1. D. 675 («O predstavlenii Orenburgskoi gorodskoi upravoi predsedatelyu Orenburgskogo gorodskogo po gosudarstvennomu kvartirnomu nalogu prisutstviya spiskov lits, poluchivshikh razresheniye na stroitel'stvo domov v g. Orenburge». 1895–1910). [OGAOO. Fond 41. Description of the Case 1. Doc. 675. On the submission by the Orenburg City Administration to the Chairman of the Orenburg City State Apartment Tax of the presence of lists of persons who have received permission to build houses in Orenburg. 1895–1910]. (In Russ.).
17. OGAOO. F. 41. Op. 1. D. 982 (Otsenочно-raskladochnaya vedomost' nedvizhimyykh imushchestv v gorode Orenburge. 1889/90. Ch. 2) [OGAOO. Fond 41. Description of the Case 1. Doc. 982. Valuation and breakdown list of real estate in Orenburg. 1889/90. Part 2]. (In Russ.).
18. OGAOO. F. 41. Op. 1. D. 1017 (Otsenочно-raskladochnaya vedomost' nedvizhimyykh imushchestv v gor. Orenburge na 1898/99. Ch. 2) [OGAOO. Fond 41. Description of the Case 1. Doc. 1017. Valuation and breakdown list of real estate in Orenburg. 1898/99. Part 2]. (In Russ.).
19. OGAOO. F. 124. Op. 2. D. 6057 (Plan goroda Orenburga s okrestnostyami, sostavlennyy gorodskim zemlemerom I.V. Gotlibom. 1916) [OGAOO. Fond 124. Description of the Case 2. Doc. 6057. Plan of Orenburg with its environs, compiled by the city surveyor I. V. Gottlieb. 1916]. (In Russ.).
20. OGAOO. F. 124. Op. 2. D. 6060 (Plan goroda Orenburga. Predpolozhitel'no 1874–1875) [OGAOO. Fond 124. Description of the Case 2. Doc. 6060 (Plan of Orenburg. Presumably 1874–1875)]. (In Russ.).
21. OGAOO. F. 124. Op. 2. D. 6065 (Plan chasti Orenburga. 1880-e) [OGAOO. Fond 124. Description of the Case 2. Doc. 6065 (Plan of a part of Orenburg. 1880-s)]. (In Russ.).
22. OGAOO. F. 124. Op. 2. D. 6065A (Plan goroda Orenburga. 1892) [OGAOO. Fond 124. Description of the Case 2. Doc. 6065A (Plan of Orenburg. 1892)]. (In Russ.).
23. OGAOO. F. 124. Op. 2. D. 6072 (Plan g. Orenburga. 1902) [OGAOO. Fond 124. Description of the Case 2. Doc. 6072 (Plan of Orenburg. 1902)]. (In Russ.).
24. OGAOO. F. 124. Op. 2. D. 6074 (Plan chasti goroda. 1888) [OGAOO. Fond 124. Description of the Case 2. Doc. 6074 (Plan of a part of Orenburg. 1888)]. (In Russ.).

25. OGAOO. F. 124. Op. 2. D. 6075 (Plan goroda Orenburga. 1885) [OGAOO. Fond 124. Description of the Case 2. Doc. 6075 (Plan of Orenburg. 1885)]. (In Russ.).
26. OGAOO. F. 124. Op. 2. D. 6076 (General'nyi plan goroda Orenburga. 1864) [OGAOO. Fond 124. Description of the Case 2. Doc. 6076 (General plan of Orenburg. 1864)]. (In Russ.).
27. Plan g. Orenburga. Izdaniye Orenburgskogo Gorkomkhoza [Plan of the city of Orenburg. Publication of the Orenburg Gorkomkhoz]. 1932. (In Russ.).
28. Preobrazhenskii V. S., Vedenin Yu. A. 1971. A. Geografiya i otdykh [Geography and recreation]. Moscow. 48 p. (In Russ.).
29. Putevoditel'-spravochnik po Orenburgu i Tashkentskoy zheleznoy doroge s raspolozhennymi na ney gorodami [Guide-reference book on Orenburg and Tashkent railway with cities located on it]. 1908. Orenburg. 106 p. (In Russ.).
30. Raiskii P. D. 1915. Putevoditel' po gorodu Orenburgu s ocherkom ego proshlogo i nastoiashchego, illiustratsiyami i planom. [Guide to the city of Orenburg with an essay on its past and present, illustrations and a plan]. Orenburg. 178 p. (In Russ.).
31. Rossiiskaya natsional'naya biblioteka. OK 3-plan/1-223 (Plan goroda Orenburga. 1869) [The Russian National Library. OK 3-plan/1-223 (Orenburg city Plan. 1869).]. 1869. (In Russ.).
32. Semenov V. G., Semenova V. P. 2017. Orenburgskiy Neplyuyevskiy kadetskiy korpus. Istoriya v litsakh [Orenburg Neplyuevsky Cadet Corps. History in Faces]. Orenburg. 592 p. (In Russ.).
33. Sinetskii S. B. 2011. Kul'turnaya politika XXI veka: ot pretsedenta Istorii k projektu Budushchego [Cultural Policy of the 21st Century: From the Precedent of History to the Project of the Future]. Chelyabinsk. 288 p. (In Russ.).
34. Stolpyanskii P. N. 1908. Gorod Orenburg : materialy k istorii i topografii goroda [The City of Orenburg: Materials on the History and Topography of the City]. Orenburg. 400 p. (In Russ.).
35. Ukazatel' ulits i domov goroda Orenburga [Index of streets and houses of Orenburg city]. 1896. Orenburg. 313 p. (In Russ.).
36. Shub M. L. 2018. Kul'turnaya pamyat': sushchnostnyye osobennosti i sotsiokul'turnyye praktiki bytovaniya [Cultural memory: essential features and socio-cultural practices of existence]. Chelyabinsk. 303 p. (In Russ.).
37. Shulgin P. M. 2013. Cultural Heritage of the Russian Federation: First Annual State Report. *Rossiya i sovremennyy mir [Russia and the Modern World]*. No 3 (80): 197–208. (In Russ.).

Received 12.12.2024

Сергей Степанович Соковиков

кандидат педагогических наук, доцент

Челябинский государственный
институт культуры, Челябинск, Россия

E-mail: sokovik49@mail.ru

Владимир Яковлевич Рушанин

доктор исторических наук, профессор,

Челябинский государственный
институт культуры, Челябинск, Россия

E-mail: rushanin@chgaki.ru

ЮРОДСТВО ВО ХРИСТЕ И ЮРОДСТВОВАНИЕ В СОВРЕМЕННОМ ИСКУССТВЕ КАК СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ТИПЫ ПОВЕДЕНИЯ

На материалах отечественной культуры рассматривается соотношение юродства во Христе и юродствования как особого типа поведения в авангардных формах современного искусства. В этой связи ставится задача критического анализа прямого уподобления эпатажных арт-практик contemporary art историческому феномену юродства. Показано, что эти явления имеют сущностные различия в мотивационно-целевых установках, сферах и способах существования, духовно-нравственных ориентациях. Установлено, что определяющим фактором разнородности этих явлений выступает различие социокультурных контекстов их бытования: духовно-религиозной среды юродства и конъюнктурно ориентированного пространства арт-рынка авангардного искусства. Указаны основные причины использования приемов юродства в арт-практиках современных деятелей contemporary art. Уточняется, что независимо от субъективных намерений актора, юродствующего в художественном пространстве, механизмы арт-рынка неизбежно коммодифицируют его творения, подчиняя их трансляцию в публичную сферу прагматической логики. Доказывается, что различие юродства во Христе и юродствования в искусстве требует специфичных подходов к каждому из этих явлений для предотвращения заблуждений и возможности конъюнктурных манипуляций с подменой их сущностных характеристик. Утверждается, что эта проблема особенно важна для русской культуры, для которой явление юродства во Христе особо значимо и представляет образ, сохраняемый в ментальном коде.

Ключевые слова: юродство, современное искусство, акционизм, эпатажное поведение, арт-рынок, русская культура

Для цитирования: Соковиков, С. С. Юродство во Христе и юродствование в современном искусстве как социокультурные типы поведения / С. С. Соковиков, В. Я. Рушанин // Вестник культуры и искусств. — 2024. — № 4 (80). — С. 139–150.

Введение. Поведенческие черты юродства в культурной традиции

Явление юродства получило в русской культуре наибольшее распространение в XIV–XVII вв. Вступая, казалось бы, в резкое противоречие с привычными порядками, юродство вместе с тем являлось воплощением поведения, основанного на духовно-религиозных ценно-

стях. Действия юродивого часто выглядели вызывающими, нелепыми, иной раз кощунственными. Причудливость поведения проявлялась во всех чертах его облика: предельной аскезе, небрежении привычной одеждой, которую заменяли лохмотья, а то и вовсе нагота; косноязычии речи; экспрессивности жестикуляции; парадоксальной алогичности поступков.

Принципиальная иносказательность, присущая поступкам юродивых и особенная у каждого из них, делала смысл такого поведения загадочным, требующим своеобразной расшифровки. Так, Василий Блаженный кидает камни и плюется близ домов, в которых живут известные праведным поведением люди, но плачет и целует углы жилищ, обитатели которых отличаются бесстыдным, не богоугодным нравом [7, с. 225–226]. Такое парадоксальное, «перевернутое» действие юродивого объясняется его причастностью к особому сакральному пространству, противостоящему реальному миру. Человек «не от мира сего», юродивый видит то, что недоступно обычному взгляду: бесов, осаждающих дома праведников, куда им входа нет, и ангелов, плачущих у жилищ грешников по их погибающим душам.

Внешне нарушая привычную логику поведения, юродивый тем не менее выражает принадлежность идеальному пространству истинной христианской традиции, по отношению к которой земные порядки и условности несовершенны. Воплощается это через принятие образа безумца, поступки которого парадоксальны, провокативны вплоть до кощунствования. Так это воспринимали окружающие, порождая тем самым двойственное отношение. С одной стороны, в массовом сознании юродивые почитались как «божьи люди», с другой — их вызывающее поведение нередко порождало насмешки, ругань, а то и побои. Однако это и являлось внутренним, сокровенным смыслом юродства — смиренно претерпевая унижения, оскорбления, телесные лишения, самоуничжаясь, побороть в себе греховную гордыню, принимая это как мученичество во имя Христа. Н. Н. Ростова отмечает: «...действия юродивого центрированы Богом и не должны трактоваться как попытка выйти за пределы православия, составить соперничество христианскому Богу, но, напротив, являют собой утверждение Его и стремление соблюдать культ во всей чистоте» [14, с. 117–118].

В этом смысле духовные корни юродства видятся в постулатах Св. ап. Павла: «Никто не обольщай самого себя. Если кто из вас думает быть мудрым в веке сем, тот будь безумным, чтобы быть мудрым. Ибо мудрость мира сего есть безумие пред Богом...» (1 Кор. 3: 18–19);

«Ибо слово о кресте для погибающих юродство есть, а для нас, спасаемых, — сила Божия» (1 Кор. 1: 18); «...когда мир своею мудростью не познал Бога в премудрости Божией, то благоугодно было Богу юродством проповеди спасти верующих» (1 Кор. 1: 21).

Сочетание в образе юродивого черт «безумия» и кощунствования и вместе с тем несения истины высшего божественного, небесного откровения позволяло видеть такое поведение как духовно-аскетический подвиг добровольного самоуничтожения во имя Христа [6].

Перипетии юродства как темы культуры в художественном пространстве

С течением времени в русской культуре все больше сказываются тенденции секуляризации, рационализации социокультурных процессов, появления новых «культурных героев». В таком контексте фигура юродивого оттесняется на периферию культурного пространства. В целом, есть все основания полагать, что явление юродства в своей аутентичной форме завершило исторический путь, сохраняясь в русском культурном самосознании в виде легендарного образа.

Однако есть и другая точка зрения. Ее сторонники утверждают, что феномен юродства продолжает существовать и в современных условиях, прежде всего — в сфере художественной культуры [21, с. 118]. Подобная ситуация возникает в силу того, что в контексте секуляризации культуры юродство обретает черты «эстетического безумия», а потому и проявляется именно в сфере искусства [13, с. 32].

В такой оптике живучесть явления объясняется способностью юродства встраиваться в действенную структуру российского социума через искусство авангардизма. По мнению сторонников такой позиции, русские авангардисты прямо продолжают дело юродивых, представляя «гиперинтеллектуальное юродство современного типа» [16, с. 420]. М. Н. Эпштейн принципиально рассматривает авангард как юродствующее искусство, стремящееся к унижению и уродованию эстетических образов, движению в сферы низменного и безобразного. Автор прямо уподобляет

авангард юродивому, лежащему на паперти, определяя суть этого явления в качестве именно религиозного феномена: «Искусство впадает в убожество, чтобы причаститься участи Божества» [25, с. 63].

Чаще всего проявления юродства усматриваются в деятельности акционистов-перформеров, ярко представленных в сфере contemporary art — области современного искусства, отличающейся подчеркнутым авангардизмом, экспериментаторством, использованием эпатажных приемов. Так, М. А. Антонян видит действия юродивых и акционистов-перформеров идентичными. По ее мнению, тем и другим присущи «самобичевание, аскеза, физические страдания, нагота, самоотречение, парадоксальное поведение, провокация», служащие «для достижения высоких духовных целей» [2, с. 63]. В таком понимании целенаправленно принимаемая стратегия поведения деятеля contemporary art, включая черты «безумства» и провокативности, позволяет позиционировать такого субъекта в качестве мудреца и блаженного, обладающего эксклюзивным знанием о мире. Идентичность юродства и подобных арт-практик видится также в зрелищности действия, в котором юродивый и перформер выступают исполнителем и режиссером [21, с. 117].

Убедительность такого аргумента спорна: существование юродивого было целиком подчинено аскезе и самоуничтожению, не разделяясь на время «лицедейства» перед публикой и некую «внутреннюю» жизнь. Зрелищность, возникающая при восприятии окружающими странных поступков юродивого, не являлась для него самодостаточной ценностью. Он сосредоточен на субъективно чувствуемых высших истинах Божественного совершенства, а не на земном мире с его пороками. Н. Н. Ростова подчеркивает, что юродивым является только тот, «...кто безумен, кто никогда не может быть актером, кто ничего не представляет и ничего не выражает, например, социальный протест» [14, с. 96–97].

Вместе с тем определенный авторитет юродства, понимание его связанности с высокодуховными смыслами позволяют использовать некоторые внешние черты, свойственные такому типу поведения, для достижения впол-

не прагматичных целей. Подобные прецеденты возникали и в прежние времена. Характерным примером служит «театрализованное юродство» протопопа Аввакума, использовавшего приемы юродствования как продуманную и эффективную стратегию в идеологической борьбе против никонианства. В результате основательного анализа деятельности Аввакума американский исследователь Присцилла Хант приходит к выводу: «Аввакум делает из акта юродства чрезвычайно эффективную полемику, служащую противодействием влиянию на верующих “лжеучения” никониан» [20, с. 36].

Рост интереса к «техникам» юродства закономерно проявляется в преддверии Новейшего времени. Еще в 1895 г. В. П. Буренин указывает на «...курьезное явление: высказывание время от времени юродивых и кликуш. Эти кликуши и юродивые высказывают во всевозможных видах: то в виде поэтов, сочиняющих нелепые вирши, то в виде критиков и публицистов» [4, с. 303]. Стоит уточнить, что, хотя критик имел в виду литературную сферу, такие проявления получили гораздо более широкое распространение. Достаточно вспомнить театральную «заумь» И. М. Зданевича, построенную на глоссолалии, свойственной и языку юродивого [18, с. 158].

Перформансные подобию юродству в сфере художественных практик

Наиболее полно выраженные признаки, характерные для юродства, проявились впоследствии в деятельности акционистов и перформеров. Как утверждает М. А. Антонян, они стремятся выступить в функции бунтаря, философа, сверхчеловека, повествующего о социокультурных проблемах, целенаправленно избирая для этого путь юродства как продолжения исконной традиции почитаемых маргиналов [2, с. 62].

Действительно, внешне акции перформеров напоминают юродское поведение. Для того, чтобы более предметно представить эти практики «современного юродства», стоит привести хотя бы несколько примеров. Можно вспомнить нашумевший перформанс Олега Кулика, в голом виде изображавшего собаку,

бросавшегося на окружающих и даже кусавшего их. Впервые «собакоство» О. Кулика была показана в галерее Марата Гельмана в Москве, но, получив широкую скандальную известность, обрела возможность «гастролей» по всему миру. Точки «турне» впечатляют: Цюрих, Стокгольм, Роттердам, Париж, Берлин, Вена, Страсбург, Любляна, Нью-Йорк... Сам О. Кулик объясняет нравственный смысл акции утверждением равенства всех биологических видов, вплоть до легализации межвидовых браков [9]. Вероятно, комментарии к «высокодуховности» такой сентенции излишни.

Перформер Авдей Тер-Оганьян на выставке «Арт Манеж-98» предложил зрителям за небольшую плату самим осквернить купленные им в иконной лавке освященные копии известных икон. Поскольку желающих не нашлось, перформер собственноручно изрубил эти артефакты топором. Примечательно, что М. А. Антонян видит в этом прямую аналогию с поступком Василия Блаженного, разбившего камнем икону Богоматери [2, с. 64]. Как известно, в легендарном сюжете о юродивом под верхним слоем иконы обнаружили «бесовское» изображение. Просвещенные критики и в акте А. Тер-Оганьяна усмотрели высокие духовные смыслы: протест против ортодоксального христианства, официоза, тоталитаризма и пр. Сам же перформер об этой акции повествует более откровенно: «Я никогда не был ни борцом против религии, ни сатанистом. Это был просто жест в контексте авангарда» [1].

Не менее известный авангардист Александр Бренер в акции «Свидание» у памятника Пушкину на Пушкинском бульваре Москвы неудачно попытался на глазах прохожих совершить совокупление со своей супругой. Впрочем, неспособность перформера осуществить соитие критиками-ценителями была интерпретирована как «мощная метафора» обличения цензуры и сексуального угнетения [22, с. 78].

Акционист Геннадий Пирогов творит перформансы в образе Царя Ивана Облачного. В костюмированном виде он в публичных местах обращается с призывами к легализации проституции, созданию особой территории «SODDOM CITY» на черноморском побережье, где будут узаконены любые наркотики,

порноиндустрия, ЛГБТ*-отношения¹, гей-фестивали, гей-клубы и пр. Основными мотивами такого «творчества» сам Г. Пирогов видит то, что «эксплуатируя тему Царя, можно строить политическую карьеру и заработать много денег на блогерстве» [11, с. 8]. При этом акционист сознает целенаправленную провокативность своих акций, а себя полагает именно юродивым.

Примечательно, что акционисты-перформеры охотно используют своеобразные парафразы религиозных сюжетов. Так, например, О. Кулик в акции «Новая проповедь» на одном из московских рынков воздвигся на колоду для разделки мяса в «терновом» венце и некоей хламиде, из-под которой виднелись не руки, а копыта, и, держа на этих конечностях поросенка, во весь голос издавал нечто вроде тоскливого мычания. В акции «Миссионер» он стоял в аквариуме и читал рыбам Библию, подражая Франциску Ассизскому, проповедовавшему, как известно, зверям и птицам. Московскую акцию 1995 г. О. Кулик с еще большим размахом повторил в 2012 г. в Лондоне во время своей персональной выставки [24, с. 145]. Разумеется, критики нашли вполне солидные моральные, искусствоведческие и даже философские обоснования этим действиям. Однако стоит привести слова самого О. Кулика, сказанные как раз о таких поведенческих формах: «...для меня это — некая игра. Серьезно я этому не отдаю. <...> Я заигрываю не только с низменными, но и с божественными началами» [3, с. 148].

Не избежал подобного «заигрывания» и евангельский сюжет Распятия. В 2000 г. Олег Мавроматти с помощью ассистентов прибил к кресту кисти своих рук. Происходила акция на территории Института культурологии Минкульта РФ, рядом с храмом Николая Чудотворца. Действо фиксировалось на видеокамеру для дальнейшего представления снятого сюжета на международных фестивалях современного искусства [19]. Эстафету О. Мавроматти подхватил в 2020 г. молодой акционист Павел Крисевич, разместив себя на кресте напротив

¹ *Деятельность «Международного общественного движения ЛГБТ*» запрещена в Российской Федерации.

здания ФСБ над костром из папок, имитирующих уголовные дела [11, с. 6]. Стоит отметить, что отечественные акционисты, апеллируя к такому сюжету, воспроизводят давно известные зарубежные арт-практики. В разное время подобный акт в эксцентрично-эпатирующей форме производили австриец Герман Нитч, британец Себастьян Хорсли, американец Крис Берден и др.

Закончить краткий перечень деяний «современных юродивых» стоит красочной фигурой Петра Павленского. В сфере «актуального искусства» это знаковый персонаж. Так, например, утверждается, что «Павленский великий... <...> это искусство — скрепа из скреп российского культурного сознания и Павленский это просто Репин нашего сегодня» [10]. Уже упомянутый О. Кулик вообще полагает, что «...весь акционизм был подготовкой к Павленскому, он как Христос. Вся предыдущая пророческая традиция, то, чем мы занимались, было подводкой к появлению такой четкой, цельной и ясно мыслящей сильной личности» [8]. К «ясному мышлению» Павленского мы обратимся чуть позже, а пока приведем примеры его деятельности.

Павленский зашивает себе ниткой рот и стоит у Казанского собора Санкт-Петербурга с плакатом «Акция Pussy Riot была переигрыванием знаменитой акции Иисуса Христа (Мф. 21: 12–13)». Уподобление «панк-молебна», сотворенного девицами из названной группы в храме, пути Христа говорит само за себя. В другом перформенсе акционист завертывает свое нагое тело в «кокон» из колючей проволоки и в таком виде располагается у Законодательного собрания в Санкт-Петербурге, протестуя тем самым против «бесчеловечности» законов. Изрядного шума наделала акция «Фиксация», в ходе которой Павленский прибил гвоздями к брусчатке Красной площади собственную мошонку, что глубокомысленными ценителями было провозглашено яркой метафорой апатии и политической индифферентности российского общества [22, с. 81]. Наконец, Павленский в знак протеста поджигает двери здания ФСБ, вызвав восторженные оценки гениальности созданного образа, был оштрафован, штраф не оплатил,

предпочтя эмигрировать во Францию. Там он поджег окна Банка Франции в Париже и вновь оказался на свободе, отделавшись штрафом и обязанностью регулярно отмечаться в полиции, поскольку французские психиатры, в отличие от российских, нашли в поведении Павленского признаки бредовых навязчивых идей, пограничного расстройства личности с нарциссическими основаниями и высоким риском рецидива [10]. Таково «ясное мышление» Павленского. Юродивые надевали «маску» безумия во имя высших духовных ценностей. В отличие от этого современные авангардисты эксплуатируют «маску» юродства для достижения вполне земных, посюсторонних и эгоцентрически ориентированных целей.

Юродство и юродствование:

смысловые и поведенческие различия

Даже такой краткий экскурс в сферу авангардных арт-практик отчетливо показывает стремление части критиков, кураторов, искусствоведов представить подобные эпатажные формы как прямое продолжение традиции подлинного юродства не только стилистически, но и в сущностно-функциональном социокультурном смысле. Тем самым делается попытка придания этим явлениям ореола исторической укорененности в российском культурном сознании, оправдания шокирующей дисгармонии акций поиском высоких истин, благородного и бескорыстного обличения пороков. Однако здесь происходит то, о чем предупреждает Н. Н. Ростова: сведение юродства к юродствованию как совокупности внешних приемов [14, с. 98]. Ключевым понятием в этом контексте выступает именно юродствование, обозначающее особый, отличающийся от юродства как такового тип поведения. Более того, отличия настолько существенны, что юродство и юродствование, обнаруживая некоторое внешнее сходство, не только не схожи по своей природе, но сущностно противоположны [12, с. 229].

Кардинальные различия этих типов обнаруживаются прежде всего в принципиально разных установках их мотивационно-целевой направленности. Подвижничество юродивого коренится в искренней приверженности истинной вере, движущей его на подвиг само-

уничтожения, испытаний лишениями во имя утверждения духовности пути Христа. Мотивация юродствующих деятелей contemporary art основана на обыгрывании конъюнктурно определяемых злободневных тем с отчетливо выраженной оппозицией власти. Юродство предстает целостным явлением, полностью «захватывающим» бытие юродивого: его существо едино и во время пребывания «на людях», и в моменты уединения. В отличие от этого существование акционистов принципиально разделено на обычную мирскую жизнь и «время лицедейства», юродствования в перформансе. Однако в последнем вновь обнаруживаются кардинальные различия лицедейства и юродства, точно подмеченные С. А. Ивановым на примере сопоставления шута и юрода. Если первый невозможен без публики, без вступления с ней в диалог, а его зрелищное искусство связано с праздничным временем, то второй принципиально одинок и монологичен в самозабвенном и постоянном действе, чуждом искусству [5, с. 16].

Анализ действенных целевых установок юродства во Христе и юродствования в авангардном искусстве показывает: они лежат в разных смысловых плоскостях. Юродивый сосредоточен на апелляции к высшему миру недостижимого на земле совершенства, и именно этот разительный контраст воплощается в его поведении в причудливых, эксцентрических, не поддающихся прямому рациональному толкованию формах. Он не выступает в функции «революционера», призывающего к трансформации существующего социального устройства. От этого в корне отличается современный российский акционизм, для которого характерны крайний критицизм по отношению к культурному наследию прошлого, и в то же время «попытка сдвинуть существующую систему идеологических координат, болезненная провокативность» [22, с. 79]. Юродствование акционистов декларируется как стремление в шокирующих формах демонстративно указать на реальные социокультурные проблемы с целью их решения. Тем самым мотивами здесь объявляются вполне земные, рациональные соображения «реформаторского» характера. Однако принципиальная «элитарность» и «экс-

клюзивность» подобных практик вкупе с подчеркнутой эпатажностью лишает их силы социальной проективности, превращая в своего рода аттракцион. Заимствованные у юродства эпатирующие приемы (обнажение, самокалечение, непристойные жесты и пр.) «современных юродивых» становятся самодостаточной эксцентриадой, делающей упования на реализацию прогрессивных намерений утопичными.

В таких условиях приемы юродствования используются как техника эгоцентрического выстраивания и продвижения личного имиджа деятеля contemporary art. Это категорически не совпадает с поведением подлинного юродивого. А. И. Шаклеева обращает внимание на отсутствие в деятельности акционистов такого атрибутивного свойства юродства, как смирение: «...здесь не может идти речь о смирении. <...> если юродивый борется с тщеславием, то художник его пестует» [23, с. 112]. Впрочем, «пестование» тщеславия — не самоцель. Как откровенно говорит один из «юродствующих» акционистов А. Тер-Оганьян, в современной ситуации нужно уметь зарабатывать искусством. Он поясняет, что живет за счет продажи своих живописных работ, и это позволяет ему время от времени вытворять нечто эпатажное, работающее на выстраивание яркого имиджа [1]. То есть такая поведенческая модель легко вбирает юродствование в качестве техники личного самопродвижения.

Изложенное позволяет охарактеризовать основные черты юродствования как специфического типа социокультурного поведения провокативного характера.

Внешними признаками юродствования выступают стилевые проявления, противоречащие принятым правилам поведения. Юродствующий целенаправленно избирает наиболее резкие выразительные средства, сознательно планируя свои действия для достижения эпатирующего, шокового эффекта у аудитории. Юродствование непременно публично, без публики оно не имеет смысла, вне этого юродствующий легко выходит из такого поведенческого модуса. Эксплуатация подобного образа «убогого» маргинала позволяет свершать эпатажные действия, «кошунствовать» по отношению к принятым нормам

или властным системам практически безнаказанно. Ведущей целевой установкой при использовании юродствующего стиля выступает формирование яркого личного имиджа, позволяющего занять привилегированное место в социокультурном пространстве. Таким образом, в современной культуре юродствование существует как рационально культивируемая и прагматично ориентированная технология поведения. Поскольку юродство было особенно значимым именно для русской культуры [2; 6; 14; 16; 21; 23], точная интерпретация различия этих явлений особо актуальна для отечественного пространства.

Некоторые искусствоведы, критики, кураторы провозглашают «юродствующий» тип поведения как непосредственное продолжение юродства прежних времен. Их стараниями юродствованию придается облик исторически укорененного, респектабельного культурного явления, априори требующего почитания, тем более что «культурный код юродства прочно вошел в российскую культуру» [23, с. 112]. Вместе с тем представляется, что кардинальное различие юродства и юродствования определяется отличием социокультурных контекстов их бытования. Юродство как вид самоотверженного подвижничества органично возникало в духовно-религиозной среде русской культуры и выстраивалось в соотношении с совокупностью общеразделяемых религиозных ценностей и смыслов [17, с. 67]. М. А. Антонян полагает, что аналогичное юродству явление юродствования современных акционистов «существует в условиях отсутствия идеологически «оправдывающего» контекста» [2, с. 65]. Однако такое утверждение представляется не совсем точным. В современной ситуации роль «оправдывающего» контекста выполняет арт-рынок. Он сконструирован и действует как жестко выстроенный прагматичный механизм, включающий взаимодействия участников системы «художник — критик — куратор — проект» [15, с. 65]. В этом сочленении именно критики и кураторы путем достаточно произвольных интерпретаций формируют «идеологические конструкции», не только оправдывающие, но и превозносящие «художественное юродствование» в

качестве выдающегося явления современного искусства. Далее вступают в действие другие механизмы арт-рынка, преобразующие символические значения арт-объектов в реальную стоимость. Использование юродствования в арт-практиках деятелей contemporary art сформировало, по выражению М. И. Панфиловой, «настоящий “клондайк” для креативных субъектов, выучившихся действовать по законам рынка и медиа» [12, с. 228].

Прагматичная суть юродствования в современном искусстве симптоматично представлена даже в таких «крайних» проявлениях, как «аутодеструктивные» акции, иначе говоря, самокалечение. В этих арт-практиках, по мнению некоторых аналитиков, видятся «...ключевые черты как юродства, так и классического перформанса» [2, с. 63]. Однако в отличие от подлинных юродивых перформеры превращают подобные процедуры в источник доходов, как символических, так и реальных. Акты публичного самокалечения документируются, материалы предоставляются в качестве «шедевров» на различных художественных площадках, активно обсуждаются арт-критиками, а купированные части тела с успехом продаются владельцам галерей и коллекционерам, что отчетливо говорит об ориентации на рыночный сбыт, а не на некие ценности горнего мира [17, с. 66]. Независимо от субъективных намерений юродствующего творца, арт-рынок коммодифицирует плоды его деятельности, превращая их в товары для сбыта.

Заключение

Произведенный сопоставительный анализ аутентичного традиционного юродства и использования стратегий юродствования в contemporary art позволяет сделать следующие выводы:

- юродство во Христе и юродствование в искусстве представляют собой существенно разные явления, определяемые принципиально различными социокультурными контекстами возникновения и существования;
- попытки отождествления этих явлений диктуются преимущественно контекстом арт-рынка с целью придания юродство-

- ванию в искусстве облика высокохудожественного авангардного явления, непосредственно наследующего духовным практикам юродства прошлых времен;
- мотивационно-целевые установки юродствования в искусстве определяются рационально, в значительной мере эгоцентричны и направлены на достижение личного успеха деятеля contemporary art через спекулятивное использование внешних приемов, присутствующих на других основаниях подлинному юродству и передающих там существенно иные смыслы;
- симулятивное подражание юродству в современном искусстве — новое явление, заслуживающее внимания, но требующее корректного понимания его специфики, самостоятельной значимости без отсылок к мифическим прототипам, что особенно актуально в контексте отечественной культуры, сохраняющей позитивный образ юродства в своем ментальном коде.

Список литературы

1. Алленова, Е. Авдей Тер-Оганьян: «Я не намерен бодаться с РПЦ и вообще с религией» / Е. Алленова // АртГид : сайт. — URL: <https://woman.rambler.ru/other/42399467-avdey-ter-oganyan-ya-ne-nameren-bodatsya-s-rpts-i-voobsche-s-religiey> (дата обращения: 18.09.2024).
2. Антонян, М. А. Визуальный язык древнерусских юродивых и современных художников-перформансистов / М. А. Антонян // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. — 2014. — № 8 (93). — С. 62–66.
3. Бавильский, Д. В. Скотомизация: диалоги с Олегом Куликом / Д. В. Бавильский. — Москва : Ad Marginem : Прагматика культуры, 2004. — 312 с.
4. Буренин, В. П. Критические очерки. Литературное юродство и кликушество / В. П. Буренин // В. В. Розанов: pro et contra. — Кн. 1. — Санкт-Петербург : Изд-во РХГИ, 1995. — 505 с.
5. Иванов, С. А. Блаженные похабы: культурная история юродства / С. А. Иванов. — Москва : Языки славянских культур, 2005. — 448 с.
6. Кириллин, В. М. Редкий подвиг, или Что такое юродство / В. М. Кириллин // Фома : сайт. — URL: <https://foma.ru/redkij-podvig-ili-chto-takoe-yurodstvo.html> (дата обращения: 15.09.2024).
7. Ковалевский, И. Подвиг юродства / И. Ковалевский. — Москва : Лепта : Горизонт Консалтинг Лтд., 2000. — 380 с.
8. Ковальчук, Л. А мог бы лаять до конца: Интервью с акционистом Олегом Куликом / Л. Ковальчук // Одна дома : сайт. — URL: <https://odna-doma.ru/smells/a-mog-by-layat-do-konca-intervyu-s-akcionistom-olegom-kulikom-oleg.html> (дата обращения: 13.09.2024).
9. Кравцова, М. Собакиада Олега Кулика / М. Кравцова // Lenta.Ru : сайт. — URL: <https://lenta.ru/articles/2014/11/24/kulik/> (дата обращения: 15.09.2024).
10. Лурье, О. Мундиаль, пенсии, выборы. А где про Павленского? / О. Лурье // Livejournal : сайт. — URL: <https://oleglurie-new.livejournal.com/352250.html> (дата обращения: 17.07.2024).
11. Менделевич, В. Д. Царь Иван Облачный в психиатрических палатах / В. Д. Менделевич // Неврологический вестник. — 2021. — Т. LIII (1). — С. 5–12.
12. Панфилова, М. И. Петр Павленский глазами Александра Бенуа / М. И. Панфилова // Творчество как национальная стихия. Смысл творчества: инновации и Dasein : сборник статей. — Санкт-Петербург : Изд-во СПбГЭУ, 2016. — С. 222–230.
13. Разинов, А. Ю. Юродство / А. Ю. Разинов, А. Н. Атяскина // Международный журнал исследований культуры. — 2020. — № 2 (39). — С. 32–48.
14. Ростова, Н. Н. Человек обратной перспективы (Опыт философского осмысления феномена юродства Христа ради) / Н. Н. Ростова. — Москва : МГИУ, 2010. — 140 с.

15. Сефар, К. Э. Сравнительный анализ терминов «postmodern art», «contemporary art» и «art today» / К. Э. Сефар // Культура и цивилизация. — 2021. — Т. 11, № 4А. — С. 33–44.
16. Синяев, Н. Н. Метаморфозы института юродства в русском обществе с XIV века по настоящее время / Н. Н. Синяев // Социология и социальная работа: современные образовательные и научно-исследовательские практики. — Самара : САМАРАМА, 2019. — С. 415–423.
17. Сокоиков, С. С. Вектор contemporary art: калейдоскоп «современного искусства» между провокацией и мистификацией / С. С. Сокоиков // Искусствознание: теория, история, практика. — 2020. — № 2 (28). — С. 62–71.
18. Сокоиков, С. С. Театр русского авангарда в динамике художественного времени / С. С. Сокоиков, Е. А. Каминская // Ярославский педагогический вестник. — 2020. — № 4 (115). — С. 156–162.
19. Тучков, В. Электрический стул: последний аргумент художника / В. Тучков // Свободная пресса : сайт. — URL: <https://svpressa.ru/society/article/134100/> (дата обращения: 15.07.2024).
20. Хант, П. Зачем юродствует протопоп Аввакум? Анализ творческого замысла «Жития» протопопы Аввакума / П. Хант // Studia Religiosa Rossica. — 2021. — № 3. — С. 13–39.
21. Хренов, Н. А. От перформанса в его актуальных протестных формах к культурному прецеденту. Статья первая / Н. А. Хренов // Культура и искусство. — 2015. — № 2 (26). — С. 111–121.
22. Чумичева, Н. В. Политическая метафора российского акционизма как односторонний диалог искусства с режимом / Н. В. Чумичева // Научный вестник ЮИМ. — 2016. — № 1. — С. 76–82.
23. Шаклеева, А. И. Юродствование как культурный феномен оппозиции власти / А. И. Шаклеева // Российский человек и власть в контексте радикальных изменений в современном мире : материалы XXI Науч.-практ. конф. — Екатеринбург : Гуманит. ун-т, 2019. — С. 109–113.
24. Шендарев, Н. А. Профанация сакрального: христианские образы в перформансах деятелей московского акционизма 1990-х годов / Н. А. Шендарев // Вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры. — 2016. — № 4 (29). — С. 144–147.
25. Эпштейн, М. Н. Антиискусство — жест юродивого / М. Н. Эпштейн // Религия после атеизма. Новые возможности теологии. — Москва : АСТ ПРЕСС КНИГА, 2013. — С. 61–66.

Получено 23.09.2024

Sergey S. Sokovikov

Candidate of Pedagogic Sciences,
Associate Professor

Chelyabinsk State Institute
of Culture and Arts, Chelyabinsk, Russia

E-mail: sokovik49@mail.ru

Vladimir Ya. Rushanin

Doctor of Historical Sciences, Professor

Chelyabinsk State Institute
of Culture and Arts

E-mail: rushanin@chgaki.ru

Foolishness in Christ and Fooling Around in Modern Art as Social-Cultural Behaviors

Based on the domestic culture materials the authors consider correlation of foolishness in Christ and fooling around as a specific behavior in avant-garde forms of modern art. In this respect the authors set the task of critical analysis of direct copying of scandalous and goading contemporary art practices to the historical phenomenon of foolishness. They show that such phenomena considerably differ in motivational and target settings, spheres and ways of existence, spiritual and moral orientations. They found out that the determining the grading factor between these two phenomena was the difference of social and cultural contexts of their existence namely of spiritual and religious environment of foolishness and that of avant-garde oriented art market. The article points out the main reasons of using the techniques of foolishness in the art practices of modern and contemporary art figures. The authors clarify by saying that in spite of subjective intentions of an actor fooling around the art space, mechanisms of art market inevitably commodify its creations subordinating their translation into the public circles to pragmatic logics. They prove the difference between foolishness in Christ and fooling around in art requires specific approaches to each of these phenomena to prevent misconceptions and opportunities of market manipulations with the substitution of their essential features. In conclusion the article says that this issue is especially important for Russian culture for which the phenomenon of foolishness in Christ is of the utmost significance and represents the image being protected in the mental code.

Keywords: foolishness, contemporary art, actionism, goading behavior, art market, Russian culture

For citing: Sokovikov S. S. 2024. Foolishness in Christ and Fooling Around in Modern Art as Social-Cultural Behaviors. *Vestnik kultury i iskusstv [Culture and Arts Herald]*. No 4 (80): 139–150. (In Russ.).

References

1. Allenova E. 2019. Avdey Ter-Oganyan: “Avdey Ter-Oganyan: “I do not intend to butt heads with the ROCh and religion in general”. *ArtGid*. Available from: <https://woman.rambler.ru/other/42399467-avdey-ter-oganyan-ya-ne-nameren-bodatsya-s-rpts-i-voobsche-s-religiey/> (accessed: 18.09.2024). (In Russ.).
2. Antonyan M. A. 2014. The visual language of ancient Russian holy fools and contemporary performance artists. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta [News of the Volgograd State Pedagogical University]*. No 8 (93): 62–66. (In Russ.).

3. Babil'skii D. V. 2004. Skotomizatsiya: dialogi s Olegom Kulikom [Scotomization: Dialogues with Oleg Kulik]. Moscow: Ad Marginem, Pragmatika kul'tury. 312 p. (In Russ.).
4. Burenin V. P. 1995. Critical Essays. Literary foolishness and hysteria. V. V. Rozanov: *pro et contra* [V. V. Rozanov: *pro et contra*]. St. Petersburg, Izd-vo RHGI Publ. Kn. 1. 505 p. (In Russ.).
5. Ivanov S. A. 2005. Blazhennye pokhaby: kul'turnaya istoriya yurodstva [Blessed obscenities: a cultural history of foolishness]. Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur. 448 p. (In Russ.).
6. Kirillin V. M. 2020. A rare feat, or What is foolishness. *Foma* [Foma]. Available from: <https://foma.ru/redkij-podvig-ili-chto-takoe-yurodstvo.html> (accessed: 15.09.2024). (In Russ.).
7. Kovalevskii I. 2000. Podvig yurodstva [The feat of foolishness]. Moscow, Lepta, Gorizont Konsalting Ltd. Publ. 380 p. (In Russ.).
8. Koval'chuk L. 2018. And I could bark to the end: Interview with actionist Oleg Kulik. *Odna doma* [Alone at home]. Available from: <https://odna-doma.ru/smells/a-mog-by-layat-do-konca-intervyu-s-akcionistom-olegom-kulikom-oleg.html> (accessed: 13.09.2024). (In Russ.).
9. Kravtsova M. 2014. Dog adventures of Oleg Kulik. *Lenta.Ru*. Available from: <https://lenta.ru/articles/2014/11/24/kulik/> (accessed 15.09.2024). (In Russ.).
10. Lur'e O. 2018. Mundial, pensions, elections. And where about Pavlensky? *LiveJournal*. Available at: <https://oleglurie-new.livejournal.com/352250.html> (accessed: 17.09.2024). (In Russ.).
11. Mendelevich V. D. 2021. Tsar Ivan Cloudy in psychiatric wards. *Nevrologicheskij vestnik* [Neurological Bulletin]. Vol. LIII (1): 5-12. (In Russ.).
12. Panfilova M. I. 2016. Pyotr Pavlensky through the eyes of Alexander Benois. *Tvorchestvo kak nacional'naja stihija. Smysl tvorchestva: innovacii i Dasein* [Creativity as a national element. The Meaning of Creativity: Innovation and Dasein]. St. Petersburg, SPbGEU Publishing House. Pp. 222–230. (In Russ.).
13. Razinov A. Yu., Atjaskina A. N. 2020. Foolishness. *Mezhdunarodnyj zhurnal issledovanij kul'tury* [International Journal of Cultural Studies]. No 2 (39): 32–48. (In Russ.).
14. Rostova N. N. 2010. Chelovek obratnoi perspektivy (Opyt filosofskogo osmysleniya fenomena yurodstva Khrista radi) [Man of Reverse Perspective (An Experience of Philosophical Understanding of the Phenomenon of Foolishness for Christ's Sake)]. Moscow, MGIU. 140 p. (In Russ.).
15. Sefar K. Je. 2021. Comparative analysis of the terms “postmodern art”, “contemporary art” and “art today”. *Kul'tura i civilizaciya* [Culture and Civilization]. Vol. 11, No 4A: 33–44. (In Russ.).
16. Sinyaev N. N. 2019. Metamorphoses of the institution of foolishness in Russian society from the 14th century to the present. *Sociologiya i social'naya rabota: sovremennye obrazovatel'nye i nauchno-issledovatel'skie praktiki* [Sociology and social work: modern educational and research practices]. Samara, SAMARAMA. Pp. 415–423. (In Russ.).
17. Sokovikov S. S. 2020. The vector of contemporary art: a kaleidoscope of “contemporary art” between provocation and mystification. *Iskusstvoznanie: teoriya, istoriya, praktika* [Art history: theory, history, practice]. No 2 (28): 62–71. (In Russ.).
18. Sokovikov S. S., Kaminskaya E. A. 2020. Theater of the Russian avant-garde in the dynamics of the artistic time. *Yaroslavskii pedagogicheskii vestnik* [Yaroslavl Pedagogical Bulletin]. No 4 (115): 156–162. (In Russ.).
19. Tuchkov V. 2015. The Electric Chair: The Artist's Last Argument. *Svobodnaia pressa* [Free press]. Available from: <https://svpressa.ru/society/article/134100/> (accessed: 15.09.2024). (In Russ.).
20. Hant P. 2021. Why is Archpriest Avvakum fooling around? Analysis of the creative concept of “Life” by Archpriest Avvakum. *Studia Religiosa Rossica*. No 3: 13–39. (In Russ.).
21. Khrenov N. A. 2015. From performance in its current protest forms to cultural precedent. Article first. *Kul'tura i iskusstvo* [Culture and Art]. No 2 (26): 111–121. (In Russ.).
22. Chumicheva N. V. 2016. The political metaphor of Russian actionism as a one-sided dialogue between art and the regime. *Nauchnyi vestnik JuIM* [Scientific Bulletin of YuIM]. No 1: 76–82. (In Russ.).
23. Shakleeva A. I. 2019. Foolishness as a Cultural Phenomenon of Opposition to Power. *Rossiiskii chelovek i vlast' v kontekste radikal'nykh izmenenii v sovremennom mire* [Russian people and power in the context of radical changes in the modern world]. Yekaterinburg: Gumanitarnyi universitet. Pp. 109–113. (In Russ.).

24. Shendarev N. A. 2016. Profanation of the Sacred: Christian Images in the Performances of Moscow Actionists in the 1990s. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo instituta kul'tury [Bulletin of the St. Petersburg State institute of culture]*. No 4 (29): 144–147. (In Russ.).
25. Epshtein M. N. 2013. Anti-art is a gesture of the holy fool. *Religiya posle ateizma. Novye vozmozhnosti teologii [Religion after atheism. New possibilities in theology]*. Moscow, AST PRESS KNIGA. Pp. 61–66. (In Russ.)

Received 23.09.2024

Елена Александровна Уткина

аспирант

Челябинский государственный инсти-
тут культуры, Челябинск, Россия

E-mail: utkina.elena.a@gmail.com

МЕМОРАТИВНЫЕ ЛАНДШАФТЫ КАК ПЛОЩАДКИ МЕЖКУЛЬТУРНОГО ДИАЛОГА

Проблема построения эффективных позитивно ориентированных межкультурных, межэтнических, межрелигиозных связей и контактов является одной из наиболее актуальных для современной культуры, в которой остро проявлены конфликтные коммуникации и ценностной дезинтеграции. В статье обзорно представлены примеры меморативных ландшафтов, расположенных на территории РФ, однако предметно исследование меморативного ландшафта (как пространства межкультурного диалога) репрезентировано через обращение к функционированию государственного музея-заповедника «Аркаим». Основное внимание в статье уделяется ритуальным практикам и обрядовым действиям, воспроизводимым посетителями Аркаима. Актуализацию ритуальных практик и мифологического (во многом — мистического и эзотерического) сознания в поведенческих сценариях посетителей меморативного ландшафта Аркаим автор исследует с опорой на результаты неформализованного наблюдения, в ходе которого фиксировались: место и виды осуществляемых действий, особенности внешнего вида и используемой атрибутики, единичный или коллективный характер ритуальных практик, социально-демографические характеристики участников. На основе классификации «обрядов перехода», разработанной исследователем А. Ван Геннепом, делаются выводы о специфике ритуально-обрядовых действий посетителей Аркаима. В статье отмечается разнообразие ритуальных действий, их эклектичный характер, идентификация с различными этническими, религиозными, демографическими и иными основаниями. Делается вывод о том, что, несмотря на существующие и наглядно позиционируемые межкультурные отличия, меморативные ландшафты как «места памяти» обеспечивают гармоничную основу устойчивого межкультурного диалога.

Ключевые слова: межкультурные коммуникации, диалог культур, традиция, ритуально-обрядовые практики, меморативный ландшафт, Аркаим, культурная идентичность

Для цитирования: Уткина, Е. А. Меморативные ландшафты как площадки межкультурного диалога / Е. А. Уткина // Вестник культуры и искусств. — 2024. — № 4 (80). — С. 151–162.

Введение

В эпоху глобализации культуры, в ситуации интенсивно развивающихся контактов и нарастающей динамики миграционных процессов человечеству особенно необходим накопленный опыт разных культур, составляющих и презентующих это многообразие в уникальности конкретных проявлений.

С увеличением количества и периодичности межкультурных коммуникаций возрастает и значимость умений определять и идентифицировать культурные особенности различных

групп общества, устанавливать контакт с их представителями, поддерживать продуктивное общение, создавать площадки и пространства для гармоничного диалога и межкультурной коммуникации, которые невозможны без самоопределения в вопросе культурной и национальной идентичности. Национальная идентичность — многомерное понятие, частично охватывающее особенности исторической, политической культуры, гражданства, патриотизма. Национальная идентичность имеет непосредственное отношение к проблеме целост-

ности общества и состоятельности государства [4, с. 545]. Американский психолог Э. Эриксон в работе «Детство и общество» отмечал, что членов общества консолидирует «образ общности», который подразумевает представления о территории, на которой она проживает, поколениях, общей истории, культурных нормах и законах, принятых в данном социуме. Эти представления несут в себе и фиксируют особые символы — маркеры общности [22]. Поиск этих консолидирующих маркеров идентичности — важная составляющая культурного диалога и согласия как внутри общности, так и за ее пределами. Название работы Эриксона носит аллегорический характер и отсылает к ранним пластам культуры (детство), где символы родства и единства происхождения обеспечивали ритуалы и традиции.

Традиция пронизывает все сферы жизнедеятельности человека, в разные периоды актуализирует необходимую культурную информацию с помощью символов, ритуалов, обычаев и обрядов народа [2, с. 10]. Однако было бы не вполне правильным оценивать традицию как элемент архаики. Возрождение и развитие традиций имеет непосредственный функциональный смысл для существования современных обществ. В первую очередь, это обеспечивает фундамент духовной связи времен, позволяет сохранить преемственность поколений, расставить своеобразные темпоральные приоритеты в триаде «прошлое — настоящее — будущее», что, безусловно, обеспечивает ценностно-нормативный баланс в установках и поведенческих сценариях современного человека.

При этом, несмотря на актуальные инновационные процессы информатизации общества, на первый взгляд размывающие целостность и значимость традиций, они продолжают реализовывать функцию интегративного фундамента и современной общественной жизни. Как справедливо отмечает М. Л. Шуб, возможности прошлого следует рассматривать как критерий и основания культурного многообразия в следующих аспектах: аксиологический статус прошлого (ретро-ориентированный, актуально-ориентированный, футуро-ориентированный и смешанные типы); эмоциональный вектор оценки прошлого

(позитивный, негативный, сбалансированный типы); стратегии взаимодействия с прошлым (типы конструктивного и деструктивного взаимодействия), представления о динамической структуре прошлого (типы линейной и циклической *past*-темпоральности); характер интегрированности прошлого в культуру (типы традиционной и искусственной преемственности); источник эталонной модели прошлого (типы религиозного, интеллектуального и художественного эталона) и другие [21].

Однако в современной культуре можно выделить и ряд проблемных явлений, связанных с мемориальной тематикой. Прежде всего, речь может идти о поиске актуальных инструментов трансляции знаний о прошлом, обеспечивающих сохранение действенного «живого» потенциала традиций («живая память»), не превращающих их в архаику. Кроме того, важно, чтобы осознанная значимость традиции не трансформировалась в традиционализм как парадигму, ограничивающую социальные возможности развития современного общества, мобильного реагирования на вызовы времени. В условиях постоянного изменения информационного и культурного поля (его обновления, интенсификации потоков, мобильности коммуникаций с представителями иных культурных систем) человеку важно иметь возможность культурно-этнического самоопределения, идентификационного сценария соединения с памятью своего народа (что, несмотря на активные процессы аккультурации в различных культурных средах, не дает полностью растворяться в них).

На наш взгляд, решение указанных проблем во многом связывается с меморативными ландшафтами, рассматриваемыми как «места памяти» (термин, предложенный П. Нора), площадка продуктивного взаимодействия на основе исторических, культурных, образовательных, научных, духовных интересов представителей общества и эффективный инструмент поддержания и воспроизведения культурной памяти.

Особую роль играют археологические памятники, выступающие живым и, что важно, одновременно материальным и символическим свидетельством связи поколений, отсылающим

нас к истории страны и населяющих ее народов.

В данной статье мы рассмотрим меморативные ландшафты как площадки межкультурного диалога (и полилога), обладающие необходимым коммуникативным потенциалом в силу ряда обстоятельств:

- апеллирование к «месту памяти» как идея родства и объединяющей связи поколений;
- выраженная концептуальная определенность, позволяющая, как подчеркивают исследователи [5, с. 69–70], связывать разнородные элементы в целое;
- наличествующая пространственная рамка (топографическая определенность), способствующая непосредственной фиксации межкультурных контактов;
- признание в качестве историко-культурного достояния (универсальное значение), настраивающее на уважительную тональность оценок;
- вариативные сценарии включенности (от созерцательного — до активно-действенного вовлечения, выраженного в символическом или материальном освоении).

Меморативные ландшафты в современном социокультурном пространстве

Меморативный ландшафт может быть рассмотрен как проекция историко-культурного ландшафта, отражающаяся на содержании коллективной памяти и локальной идентичности. Меморативный ландшафт включает в себя общность локаций (памятники историко-архитектурного и индустриального наследия) и институтов памяти (библиотечные комплексы, музейные комплексы, архивы), формирующих памятное пространство, которое не обязательно должно совпадать с границами местности, на которой расположены объекты, оно может как раздвинуть, так и сузить их [13, с. 12].

Российские исследователи М. А. Беляева и Т. А. Ладыгина предлагают определять меморативные ландшафты как пространства, наполненные материальными артефактами

обыденной исторической повседневности или напротив хранящие свидетельства нетипичных, особых феноменов, исторических событий, значительно повлиявших на обыденный ход вещей в контексте заданной местности или глобальном пространстве [3, с. 74].

Меморативный ландшафт представляет собой «выражение конкретной идеи, он вызывает определенные умственные ассоциации и духовные переживания, содержит в себе целый спектр знаний. Благодаря сакральным объектам поверхность ойкумены для древнего человека предстала как священная «живая» карта, где древние святилища и мегалитические комплексы служили ключевыми географическими центрами. Это были знаковые объекты, говорившие об освоенности территории. И здесь рядом с реальными объектами находились мифологизированные (вход в подземный мир, пуп Земли, центр Мира и т. п.)» [1, с. 422].

В. В. Виноградов отмечает, что в первой четверти XX в. на Северо-Западе России существовала развитая система меморативных ландшафтов. Ее отличительной чертой можно назвать включенность почитаемых объектов в сакральное пространство церковного прихода. В значимый день (праздник) к ним совершались крестные ходы. Другой распространенный вариант — почитаемый источник располагался около церкви. После массового закрытия и уничтожения церквей, ликвидации часовен (начиная с 1930-х гг.) природные объекты оказались чуть ли не единственными маркерами святых мест. Немалое значение приобрела вынесенность некоторых из них (источников, крестов, культовых камней) на периферию деревенской жизни. Активно продолжали посещаться те места, которые были удалены от «бдительного» советского и партийного начальства. Почитаемые места, как святые локусы, в советское время оказались наиболее подходящими для вознесения молитвы, сбора людей в христианские праздники [7, с. 68–69].

В наши дни в ходе многочисленных дискуссий происходит формирование нового отношения к почитаемому месту как явлению современной религиозности. Этому способствует его функциональность — ориентация на потребности людей, относящихся к разным

поколениям и культурным стратам общества. Не менее важным следует считать процесс нового «воцерковления» данных объектов.

Среди ярких примеров наиболее известных на данный момент меморативных ландшафтов России возможно упомянуть следующие: станцию «Абезь», памятник «Dzimtenei»; Город-музей под открытым небом «Свияжск», республики Татарстан; древний город Горгиппия в Краснодарском крае; Танаис в Ростовской области; городище Биляр в Республике Татарстан; поселение и Аркаим в Челябинской области.

Интересным является также меморативный ландшафт озера Хуко (Лазаревский район г. Сочи). В настоящее время данный локус исчез из ритуальных практик причерноморских адыгов-шапсугов, но остается маркером этнокультурной коллективной памяти. О его важности говорят попытки возрождения культовых практик в рамках переосмысленных гибридных форм традиционной религии. Этимология, ритуальные практики прошлого и символическое значение озера Хуко напрямую связаны с ритуалами вызова дождя, речными и морскими символами. Через анализ ритуальных практик, этимологии и символизма сакрального локуса озера Хуко мы можем исследовать и наблюдать реликты некогда обширной системы фольклорно-мифологических представлений предков причерноморских адыгов-шапсугов, абазин и абхазов, напрямую связанные с синкретическими формами народного христианства, бытовавшими у них до глубокого проникновения ислама к началу-середине XIX века [20, с. 823].

В качестве еще одного примера меморативных ландшафтов можно привести культовый комплекс под открытым небом «Этнопарк» (Лукояновский район Нижегородской области). Основу этого объекта составляют деревянные скульптуры, изображающие пантеон персонажей эрзянской языческой космологии, включая держательниц леса, воды, земли. Рядом с ними размещены памятники эпическим персонажам, которые представляют особый интерес в контексте понимания взаимосвязи социальных функций озксов (древних эрзянских праздников), т. к. они визуально выражают исторический аспект конструирования эрзянской нации

и призваны донести до гостей фестиваля мифологизированный идеологический нарратив о ее самобытном происхождении, борьбе за независимость, постигших ее катастрофах и предстоящем возрождении. Оценку влияния этих памятников и торжественных ритуальных церемоний их открытия на аудиторию дать затруднительно, однако такое влияние несомненно прослеживается, например, в индивидуальной застройке г. Саранска, столицы Мордовии. Несколько улиц коттеджного поселка названы в честь национальных героев — Алены Арзамасской и Акая Баляева [4].

Наблюдение за процессом конструирования сакральных пространств в процессе «повторного изобретения религиозной традиции» на примере озксов позволяет охарактеризовать его наиболее очевидные социальные последствия и обозначить круг возникающих проблем. Так, О. А. Богатова отмечает, что, с одной стороны, трансформация коллективного ритуального субъекта в процессе модернизации и перехода от «общины» к «обществу» влечет за собой трансформацию всех элементов ритуального процесса и тем самым способствует созданию новых социальных солидарностей, дизайна ритуальной среды и современного искусства. С другой стороны, если этот процесс основывается на создании новой этнополитической «мифологии», он способствует актуализации исторических травм, присвоению чужого культурного наследия, созданию комплекса жертвы или комплекса превосходства, потенциально опасного с точки зрения межгрупповых отношений, что осложняет его использование в региональной имиджевой политике или политике идентичности [4].

Соглашаясь с данным мнением, добавим, что использование сакральных пространств и ландшафтов помогает создать особую среду для межкультурной коммуникации, построить новые связи и отношения, скрепленные историческим и культурным прошлым и настоящим. Представляется интересным рассмотреть роль развития меморативных ландшафтов в качестве площадки формирования позитивно ориентированных межкультурных коммуникативных связей на примере заповедника «Аркаим».

**Музей-заповедник «Аркаим»:
ритуальные практики и обряды
в пространстве
меморативного ландшафта**

Аркаим — один из наиболее ярких примеров развития меморативных ландшафтов в России. Он был обнаружен в 1987 г. во время работ по спасению археологических памятников от затопления Большеекараганским водохранилищем. В связи с его уникальностью и опасностью исчезновения до 1995 г. на его территории проводились археологические раскопки в рамках экспедиции под руководством профессора Г. Б. Здановича. Раскоп приоткрыл завесу над особенностями повседневной жизни и быта в укрепленных поселениях людей эпохи средней бронзы, дал мощный импульс к распространению не интереса в научном сообществе, но и появлению альтернативных версий истории среди обывателей. В течение нескольких последующих лет было обнаружено еще 20 таких поселений, что позволило вести речь об открытии интереснейшей древней культуры, которая получила условное название «Страна городов». В науке эта археологическая культура называется аркаимско-синташтинской.

Значимость открытия Аркаима и других укрепленных поселений дало совершенно новые данные о путях миграции индоевропейцев и позволило доказать, что 4 тысячи лет назад в южноуральских степях существовала достаточно высокоразвитая культура. Аркаимцы занимались металлургией и металлообработкой, ткачеством, гончарством. Основу их хозяйства составляло скотоводство. Укрепленные поселения аркаимско-синташтинской культуры датируются рубежом III–II тысячелетий до н. э. [11].

Заповедник «Аркаим» — яркий пример использования археологических раскопок в качестве памятников и музеев под открытым небом, представляет собой конструктивный опыт освоения и развития меморативных ландшафтов. Данный объект являет проекцию историко-культурного ландшафта, непосредственно влияющую на содержание коллективной памяти и локальной идентичности.

Сейчас Аркаим приобрел статус музея-заповедника, активно продолжается его музеефикация. В степной ландшафт органично

вписались: реконструированный курган Темир, жилища эпохи энеолита, гончарные мастерские, современный комплекс исторического музея, реконструированные образцы захоронений из некрополей цивилизаций, населявших регион в разное время, реконструированное казачье подворье и мельница. На базе заповедника ежегодно проходят исторические и этно-фольклорные фестивали, культурные и просветительские акции.

Перед учеными остро стоит проблема сохранения древнего культурного слоя «протогорода», а также степной флоры и фауны. Археологический ландшафт, ядром которого является культурный слой, обладает непреходящими характеристиками, которые создают новые ценности для настоящего и будущего. Также интересно, что по мере сакрализации городища в общественном сознании, во многом под влиянием современных средств массовой информации, наблюдалось превращение меморативного ландшафта в место неконтролируемого массового паломничества посетителей различной культурной и национальной принадлежности, транслирующих на «место памяти» разрозненную совокупность эзотерических взглядов, верований и ожиданий.

Для идентификации меморативного ландшафта «Аркаим» как площадки межкультурных коммуникаций можно рассмотреть некоторые примеры ритуальных практик, проводимых гостями заповедника в моменты его посещения.

Акцентирование исследовательского внимания на ритуалах связано с тем, что именно через ритуальные взаимодействия, на наш взгляд, с наибольшей наглядностью может быть охарактеризована специфика межкультурного взаимодействия. Ритуалы — это всегда элемент, синтезирующий символическое и предметно-материальное начала; они открывают возможности для действенного включения и наблюдения (разнообразие ролевых позиций участия), презентуют связь с конкретной культурой (или элементов культур, образующих своеобразный «сплав»). Кроме того, предметом анализа выбран Аркаим — меморативное пространство, привлекающее группы паломников, неоязычников, последователей различных

религиозных учений, презентующих собственную причастность именно через ритуальные практики. Так, например, Е. А. Калужникова отмечает специфичность «паломнических ритуалов» как особой культурной практики [12]. Другими словами, ритуалы и обрядовые действия мы видим в качестве наиболее выразительных маркеров, презентующих культурную идентичность и маркирующих межкультурные отличия.

Ритуалы и ритуальные практики играют важную роль в восприятии человеком культурной системы. Это первый шаг в обеспечении человека строгим, но гармоничным способом представления о мироустройстве, допустимости нарушения или поддержания норм и регламентов культурной жизни. Они во многом способствуют снятию психологического напряжения, дают основу для контроля стрессов. Конечно, в современном обществе мифо-ритуальные практики как объективация мифологического сознания не имеют того же значения, что и в архаическом, где посредством ритуалов регламентировалось поведение как индивида, так и всего социума. Однако и в современной культуре артикулирован запрос на их воспроизводство и культивирование (как минимум, в отдельных группах).

А. Г. Иванов перечисляет такие особенности мифологического сознания, характерные для современного человека:

- активность проникновения идеологии в мифологическое сознание;
- рационализация основных элементов мифологического сознания;
- трансформация символики мифологического сознания — коннотации традиционных символов; появление новых символов, не обусловленных культурной традицией» [11].

Рассмотрим некоторые аспекты актуализации ритуальных практик и мифологического (во многом — мистического и эзотерического) сознания в поведенческих сценариях посетителей меморативного ландшафта Аркаим.

В период с мая по сентябрь 2023 г. в составе проектной научной группы мы проводили исследование обрядовых и ритуальных практик, распространенных среди посетителей

меморативного ландшафта «Аркаим» (исследование осуществлялось в рамках гранта Российского научного фонда и Челябинской области № 23-18-20098).

Основным методом фиксации ритуально-обрядовых практик посетителей выступило неформализованное наблюдение. В непосредственном контакте с людьми, принимавшими участие в ритуальных действиях, фиксировались место и виды осуществляемых действий, особенности внешнего вида и используемой атрибутики, единичный или коллективный характер ритуальных практик, социально-демографические характеристики участников. Согласно материалам наблюдения, меморативный ландшафт «Аркаим» чаще посещают женщины (представленные 60 % наблюдаемых), чем мужчины. При этом большинство посетителей обоих полов визуально относится к возрастной группе от 30 до 40 лет; следующая по численности группа посетителей — от 50 до 60 лет. Нередко заповедник посещают лица, не достигшие совершеннолетнего возраста, их доля в соответствии с наблюдениями составляет около 11 %.

Одной из основных проблем исследования являлась классификация современных и традиционных ритуальных и обрядовых практик в контексте освоения «места памяти». Современная гуманитарная наука предлагает широкий выбор систем таких классификаций, остановимся на некоторых из них.

Для доклассового общества характерна недифференцированность бытовых, производственных и религиозных обрядов. С возникновением классового государства и церкви формируется специфическая церковная обрядность, ритуалы и церемонии, связанные с общественной и государственно-политической жизнью; продолжают существовать традиционные бытовые обряды, особенно долго сохраняющиеся в крестьянской среде. К их числу относятся производственные обряды, связанные с земледелием, например, с жатвой, животноводством, рыбной ловлей, охотой, строительством; семейные, связанные с рождением и смертью, инициации, свадьба; обрядные действия могли быть магическими (включая вербальную, т. е. словесную магию),

символически-демонстративными или игровыми [18].

Более глубокую классификацию обрядов разработал А. Ван Геннеп, акцентировавший внимание на «обряде перехода» через введение зон сакрального и профанного миров: «... сам факт жизни делает неизбежным последовательные переходы из одной среды в другую, от одного общественного положения к другому» [8, с. 9]. К обрядам перехода А. Ван Геннеп относит не только церемонии, сопровождающие ступенчатый переход из одной социальной группы в другую, но и переход из сакрального в светское и наоборот, а также календарные обряды. Он также выделяет особые категории-группы обрядов перехода: обряды отделения, промежуточные обряды и обряды включения.

Опираясь на совокупность представленных выше видов обрядов, рассмотрим специфику ритуально-обрядовых действий, осуществляемых посетителями Аркаима. К числу наиболее заметных в ходе визуального наблюдения можно отнести ритуал песнопения мантр на языке хинди и жертвоприношения фруктов, цветов и масел в полевом храме-шатре, а также шествия под песнопения мантр, характерные для представителей кришнаизма.

Особенно примечателен внешний способ самопрезентации данных групп. В. А. Мартинович отмечает: «В неоязычестве вдохновляют внешняя форма, пестрота красок, необычность действий, увлекательный сюжет. Активно распространена символика (в версиях разных традиций), производятся всевозможные атрибуты “языческого быта”, ритуальные и просто нарядные “древние одежды”, предметы культа» [14, с. 27].

Наибольший всплеск активности в воспроизведении данных действий отмечается в день Солнцестояния (20–21 июня). К аналогичным проявлениям можно отнести поклонение деревянным идолам, деревьям, хороводы и гимны древнерусским богам, воспроизводимые группами посетителей-«родноверов» (специфическая субкультурная группа, культивирующая связь со славянской культурой), которые отчасти возможно проецировать и на традиционные обряды. Однако в контексте современных политических реалий подобные

действия можно оценить и как маркер того, что человек, выполняющий их, относит себя к одному из политических течений (ультраправые радикалы, националисты и т. д.).

Семейно-бытовую тематику обрядов и ритуалов (связаны с рождением и смертью, гендерными и возрастными инициация, свадьбой) посетители воссоздают чаще всего в сопровождении «духовных проводников» (современных коучей и гуру, специализирующихся на духовных тренингах и семинарах), дающих задания к осуществлению коллективных практик подражания звукам животных, ассоциирующихся с мужской силой.

Большинство совершаемых обрядов проходит на трех горах, расположенных на территории музея-заповедника Аркаим. Относительно культа горных образований Т. А. Артамонова отмечает, что сакрализация гор — распространенная с древнейших времен всемирная традиция, имеющая тесную связь с религиозными культами, в частности такими, как почитание Олимпа в Греции, Синая — в Палестине, Кайласа — в Тибете, Гималаев и мифологической горы Сумеру — в Индии [1, с. 423]. В российской «сакральной географии» подобное священное место занимает Алтай. Древнейшее святилище найдено и у подножия горы Белухи, в устье ручья Куйлю — притока реки Кучерлы. Сегодня оно известно как археологический комплекс, состоящий из петроглифов Куйлу и ритуального места Кучерла [1, с. 423].

Опираясь на классификации Ван Геннепа, проиллюстрируем наглядные действия посетителей (необходимо отметить, что для большей наглядности и информативности мы приводим в пример виды ритуалов, классифицированные не всегда по единому критерию):

- анимистические: описанный нами выше пример подражания хищным животным (позиционируется как практика пробуждения мужской энергии);
- динамические: яркий пример — практики пробуждения женской энергии на горе, названной посетителями «Гора Любви», при помощи медитации лежа или сидя на земле с использованием музыки бубна;
- симпатические: распространенное на

местном сувенирном рынке изготовление и ношение амулетов в виде различных предметов и символов, чтобы привлечь к себе качества, с которыми они ассоциируются: амулет с изображением животного помогает получить свойства этого животного, ритуальное оружие позволяет защититься от злых сил подобно настоящему;

- контагиозные: приложение частей тела к камням на горе, именуемой посетителями «Горой Здоровья», окунание в реку Караганка или лежание посетителей на камне-«жертвеннике» у подножия горы «Шаманка» с целью излечения;
- позитивные: приложение к священному дереву на «Горе Здоровья», чтобы перенять его силу через личный физический контакт;
- негативные (табу): запрет на разрушение каменных спиралей на почитаемых в народе сопках на территории заповедника и извлечения из них камней, запрет выходить из спирали и пересекать ее досрочно не закончив ритуал поклонения солнцу, предполагающий хождение по кругам спирали босиком, поднятия рук в центре спирали по направлению к светилу; возвращение в обратном направлении по спирали на горе «Шаманка»;
- обряды непосредственного прямого воздействия: например, популярная среди посетителей передача болезни через предмет (чаще всего нож), посредством наложения на него заклинания;
- косвенные: например, обращение посетителей к так называемым «духам Аркаима» с целью попросить у них удачу, денежный достаток, прибавления духовных сил и т. д.;

Исследователи отдельно рассматривают зимний и весенний периоды (календарные обряды), когда обряды наиболее интенсивны, а летние и осенние праздники описываются в различных сочетаниях. Праздник начала лета, знаменующий окончание сева, является как бы продолжением весеннего праздника, а в

конце лета начинается сбор урожая, поэтому он связан с осенним праздником. Одни исследователи считают, что осенние праздники, отмечающие окончание сбора урожая, связаны с летними обрядовыми практиками, другие полагают, что октябрьско-ноябрьские праздники связаны с зимними обрядами [10, с. 72–86].

Аналогичные различия наблюдаются и в отношении обрядов жизненного цикла. Здесь могут быть рассмотрены обряды рождения, свадьбы, похорон и поминок. Как правило, на «Аркаиме» это женские обряды — медитации и подношение жертв матери земле из продуктов растительного происхождения (фрукты, выпечка), проводимые на «Горе Любви» с целью ускорить зачатие детей, излечить бесплодие, найти партнера для отношений. В последнее время многие исследователи стали включать в этот список так называемые обряды совершеннолетия, которые свидетельствуют об изменении социального возрастного статуса [15].

При наблюдении за посетителями Аркаима мы фиксировали как наиболее распространенные ритуальные трапезы посетителей-представителей народов, населяющих уральскую степь с целью поклонения духам предков и почитания представителей рода. Большинство посетителей активно использует внешнюю атрибутику, привлекающую внимание, однако воспроизводящую скорее смысловую эклектику самовыражения (совмещение символов языческой, христианской и буддийской культуры).

Итак, как можно убедиться, меморативный ландшафт, репрезентированный в данной статье кейсом Аркаима, предстает площадкой открытого взаимодействия различных культурных групп, зоной пересечения порой полярных (в мировоззренческом отношении) участников коммуникации, в наиболее наглядном виде отражает дихотомию «своего и чужого», «понятного и иного». Как справедливо отмечает С. В. Житинев, выходя за границы «привычного», мы в буквальном смысле оказываемся на «перекрестке культур» [9, с. 13].

Заключение

На основе наблюдений, проведенных в визуальном фиксируемом измерении, можно

говорить о том, что посетители, как минимум, позиционируют собственную принадлежность к различным мировоззренческим системам и культурам (в религиозном, этническом, социально-статусном и иных аспектах).

Можно предположить, что коммуникация между ними вне пределов заповедника маловероятна или затруднена. Однако общественно значимый статус «Аркаима» как «места памяти», приписываемые характеристики «духовного очага» и «прародины», выступают действенной основой и объединяющим фактором мультикультурного взаимодействия гостей заповедника, их комфортного сосуществования в рамках данной площадки общения, вне зависимости от приверженности научным, мистическим или прагматическим позициям восприятия меморативного ландшафта. В. А. Шнирельман отмечает следующее: «Существенно, что массовые ритуалы не допускают никакой дискриминации — в них может участвовать любой, независимо от социального статуса, национальности, религиозной принадлежности, пола или возраста. Поэтому наряду с преобладающими русскими участниками в составе ритуальных групп можно встретить башкир, татар, калмыков и пр. Это отвечает эзотерической идее о единстве рели-

гии — якобы каждому народу она открывается по-своему, отсюда множество разных религий и богов, но, по сути, все они говорят об одном. Мало того, причисляя все современное человечество к “пятой (арийской) расе” и выступая от его имени, эзотерики обещают прекрасное будущее и тем самым пытаются благотворно влиять на душевное состояние людей. Поэтому на Аркаиме царят мир и доброжелательность. Представители различных религий и религиозных учений нисколько не мешают друг другу, все без труда находят место для своих ритуалов и медитаций. Иными словами, несмотря на призывы эзотериков к единству, на Аркаиме царит религиозный плюрализм» [19, с. 37].

Работа по развитию территорий «Аркаима», а также подобных заповедников и музейных комплексов, привлечение большего числа посетителей, разработка актуальных экскурсионных программ и программ общественных мероприятий, посвященных изучению, сохранению и распространению исторически достоверной информации о культуре народов, населяющих данные территории, поиск и трансляция на основе этой информации общих, актуальных ценностей — всё это укрепит и расширит межкультурные связи и позволит направить их в позитивное русло.

Список литературы

1. Артамонова, Т. А. Алтай: мемориальное значение сакральных ландшафтов / Т. А. Артамонова, И. Н. Каланчина // Мир Большого Алтая. — 2016. — № 2 (31). — С. 420–429.
2. Афанасьева, Н. В. Традиции и их роль в современной культуре / Н. В. Афанасьева // Глобальный научный потенциал. — 2021. — № 7 (124). — С. 10–12.
3. Беляева, М. А. Условия конструирования и сохранения меморативных ландшафтов малых городов / М. А. Беляева, Т. А. Ладыгина // Меморативные ландшафты малых городов России и Польши : сб. науч. тр. / под ред. Л. Н. Мазур, Д. Магера. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2022. — С. 74.
4. Богатова, О. А. Присвоение исторических ландшафтов в процессе конструирования новых сакральных пространств в контексте региональной политики идентичности / О. А. Богатова // Исторические исследования. Журнал Исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова. — 2016. — № 4. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/prisvoenie-istoricheskikh-landshaftov-v-protssesse-konstruirovaniya-novyh-sakralnyh-prostranstv-v-kontekste-regionalnoy-politiki> (дата обращения: 24.09.2024).
5. Вандышев, М. Н. Меморативный ландшафт: концепция и опыт применения / М. Н. Вандышев, Н. В. Веселкова, Е. В. Прямикова // Социология власти. — 2022. — Т. 34, № 1. — С. 69–94.

6. Ваторопин, А. С. Трансформация феномена паломничества в современном обществе / А. С. Ваторопин, Н. Б. Костина, Е. Е. Подергина // Дискуссия. — 2017. — № 7 (81). — С. 54–62.
7. Виноградов, В. В. Современные тенденции почитания святых мест (на материале Северо-Запада России) / В. В. Виноградов // Традиционная культура : науч. альманах. — 2012. — № 3. — С. 67–75.
8. Геннеп, А. ван. Обряды перехода. Систематическое изучение обрядов: пер. с франц. / А. ван Геннеп. — Москва : Восточ. лит., 2002. — 198 с.
9. Житенев, С. Ю. Религиозное паломничество и межкультурные коммуникации / С. Ю. Житенев // Вестник славянских культур. — 2010. — № 4. — С. 13–25.
10. Зуева, Т. В. Русский фольклор : учебник для высших учебных заведений / Т. В. Зуева, Б. П. Кирдан. — Москва : Флинта : Наука, 2002. — С. 72–86.
11. Иванов, А. Г. Мифо-ритуальные практики: культурный феномен, элемент традиционного и основа современного мифологического сознания / А. Г. Иванов // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. — 2009. — № 87. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mifo-ritualnye-praktiki-kulturnyy-fenomen-element-traditsionnogo-i-osnova-sovremennogo-mifologicheskogo-soznaniya> (дата обращения: 24.09.2024).
12. Калужникова, Е. А. Паломничество как ритуал / Е. А. Калужникова // Известия Уральского государственного университета. — 2006. — Т. 47, № 12. — С. 13–27.
13. Мазур, Л. Н. Меморативный ландшафт: опыт методологической рефлексии : предисловие / Л. Н. Мазур // Меморативные ландшафты малых городов России и Польши. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2022. — С. 12–14.
14. Мартинович, В. А. Многообразие и границы неоязычества в современном мире // Ортодоксия. — 2022. — № 3. — С. 12–40.
15. Попов, В. А. Жизненного цикла обряды / В. А. Попов // Большая Российская Энциклопедия. — URL: <https://old.bigenc.ru/ethnology/text/1982484> (дата обращения: 24.09.2024).
16. Уварова Т. Б. Информационно-аналитическое обеспечение мониторинга формирования национальной идентичности в Евразии / Т. Б. Уварова, Л. В. Шемберко // Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество : ежегодник. — Москва, 2018. — С. 545.
17. Челябинский государственный историко-археологический музей-заповедник «Аркаим». — URL: <https://arkaim-center.ru> (дата обращения: 24.09.2024).
18. Чистов, К. В. Обряд / К. В. Чистов // Большая Советская Энциклопедия : в 30 т. / гл. ред. А. М. Прохоров. — Москва : Сов. Энцикл., 1969–1978. — URL: <https://gufo.me/dict/bse/Обряд> (дата обращения: 22.08.2023).
19. Шнирельман, В. А. Аркаим и Стоунхендж между прошлым и будущим / В. А. Шнирельман // Этнографическое обозрение. — 2014. — № 5. — С. 19–40.
20. Штыбин, В. В. Сакральный локус озера Хуко: ритуально-обрядовый комплекс, этимология и религиозный символизм / В. В. Штыбин // История, археология и этнография Кавказа. — 2023. — Т. 19. — № 3. — С. 811–826.
21. Шуб, М. Л. Восприятие прошлого как критерий культурного разнообразия: феномен past-типологии / М. Л. Шуб // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Исторические науки. — 2020. — Т. 2, № 4 (8). — С. 66–71.
22. Эрикссон, Э. Г. Детство и общество / Э. Г. Эрикссон. — Санкт-Петербург : ЛЕНАТО АСТ : Унив. кн., 1996. — 590 с.

Получено 25.11.2024

Elena A. Utkina

Post-graduate student

Chelyabinsk State Institute
of Culture and Arts, Chelyabinsk, Russia

E-mail: utkina.elena.a@gmail.com

Commemorative Landscapes as Sites of Inter-Cultural Dialogue

The issue of building effective positively oriented intercultural, inter-ethnic, inter-religious ties and contacts is one of the most urgent for modern culture in which conflict communications and values-based disintegration have been sharply revealed. The article contains the examples of commemorative landscapes within the RF territory. However, the subjective study of commemorative landscapes (as the space for inter-cultural dialogue) has been represented through the appeal to the “Archaïm” State open-air museum-functioning. The article pays main attention to the ritual practices and rites reproduced by the visitors of the “Archaïm” open-air museum. The author of the article studies real ritual practices and mythological (mostly mystic and esoteric) consciousness in behavioral scenarios of the visitors relying on the results of non-formal observation revealing the site and sights of the actions taken by the visitors, their peculiar appearances and attributes, personal or collective character of the rituals, social-demographic characteristic features of the participants etc. Using the “Rites of passage” classification by A. van Gennep the author draws the conclusion of specific features of the Archaïm visitors’ different rituals and rites. The article also notes the variety of rituals, their eclectic character, identification with different ethnic, religious, demographic and other grounds. In conclusion the article says that despite the existing and visually positioning inter-culturally different features, commemorative landscapes as “the sites of memory” provide a harmonic foundation of sustainable inter-cultural dialogue.

Keywords: inter-cultural communications, dialogue of cultures, tradition, ritual practices and rites, commemorative landscape, Archaïm, cultural identity

For citing: Utkina E. A. 2024. Commemorative Landscapes as Sites of Inter-Cultural Dialogue. *Vestnik kultury i iskusstv [Culture and Arts Herald]*. No 4 (80): 151–162. (In Russ.).

References

1. Artamonova T. A. 2016. Altai: the memorial significance of sacred landscapes. *Mir Bol'shogo Altaya [The World of Greater Altai]*. No 2 (31): 420–429. (In Russ.).
2. Afanas'eva N. V. 2021. Traditions and their role in modern culture. *Global'nyy nauchnyy potentsial [Global scientific potential]*. No 7 (124): 10–12. (In Russ.).
3. Belyayeva M. A., Ladygina T. A. 2022. Conditions for the construction and preservation of memorial landscapes of small towns. Memorial'nyye landshafty malykh gorodov Rossii i Pol'shi [Memorial landscapes of small towns in Russia and Poland]. Yekaterinburg. P. 74. (In Russ.).
4. Bogatova O. A. 2016. Appropriation of historical landscapes in the process of constructing new sacred spaces in the context of regional identity politics. *Istoricheskie issledovaniya. Zhurnal Istoricheskogo fakul'teta MGU im. M. V. Lomonosova [Historical research. Journal of the Faculty of History of Moscow State University]*. No 4. Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/prisvoenie-istoricheskikh-landshaftov-v-protsesse-konstruirovaniya-novykh-sakralnykh-prostranstv-v-kontekste-regionalnoy-politiki> (accessed: 24.09.2024). (In Russ.).
5. Vandysh M. N., Veselkova N. V., Pryamikova E. V. 2022. Memorial landscape: concept and experience of application. *Sotsiologiya vlasti [Sociology of power]*. Vol. 34, no 1: 69–94. (In Russ.).
6. Vatoropin A. S., Kostina N. B., Podergina E. E. 2017. Transformation of the Phenomenon of Pilgrimage in Modern Society. *Diskussiya [Discussion]*. No 7 (81): 54–62. (In Russ.).

7. Vinogradov V. V. 2012. Modern Trends in the Veneration of Holy Places (based on the material of the North-West of Russia). *Traditsionnaya kul'tura: nauchnyy al'manakh [Traditional Culture: Scientific Almanac]*. No 3: 67–75. (In Russ.).
8. Gennep A. van. 2002. Obyrady perekhoda. Sistema-ticheskoye izucheniye obryadov [Rites of Passage. Systematic Study of Rites]. Moscow. 198 p. (In Russ.).
9. Zhitentev S. Yu. 2010. Religious Pilgrimage and Intercultural Communications. *Vestnik slavyan-skikh kul'tur [Bulletin of Slavic Cultures]*. No 4: 13–25. (In Russ.).
10. Zueva T. V., Kirdan B. P. 2002. Russkiy fol'klor [Russian Folklore]. Moscow. Pp. 72–86. (In Russ.).
11. Ivanov A. G. 2009. Mythic and Ritual Practices: Cultural Phenomenon, Element of Traditional and Basis of Modern Mythological Consciousness. *Izvestiya RGPU im. A. I. Gertsen [Bulletin of the Herzen State Pedagogical University]*. No 87. Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/mifo-ritualnye-praktiki-kulturnyy-fenomen-element-traditsionnogo-i-osnova-sovremennogo-mifologicheskogo-soznaniya> (accessed: 24.09.2024). (In Russ.).
12. Kaluzhnikova E. A. 2006. Pilgrimage as a ritual. *Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of the Ural State University]*. Vol. 47, no 12: 13–27. (In Russ.).
13. Mazur L. N. 2022. Memorial'nyy landschaft: opyt metodologicheskoy refleksii. *Memorial'nyye landschafty malykh gorodov Rossii i Pol'shi [Memorabilia landscapes of small towns in Russia and Poland]*. Yekaterinburg. Pp. 12–14. (In Russ.).
14. Martinovich V. A. 2022. Diversity and boundaries of neopaganism in the modern world. *Ortodoksiya [Orthodoxy]*. No 3: 12–40. (In Russ.).
15. Popov V. A. Life cycle rites. *Bol'shaya Rossiyskaya entsiklopediya [Great Russian Encyclopedia]*. Available from: <https://old.bigenc.ru/ethnology/text/1982484> (accessed: 24.09.2024). (In Russ.).
16. Uvarova T. B., Shemberko L. V. 2018. Informatsionno-analiticheskoe obespecheniye monitoringa formirovaniya natsional'noy identichnosti v Yevrazii. *Bol'shaya Yevraziya: razvitie, bezopasnost', sotrudnichestvo [Greater Eurasia: development, security, cooperation]*. Moscow. P. 545. (In Russ.).
17. Chelyabinskiy gosudarstvennyy istoriko-arheologicheskiy muzey-zapovednik "Arkaim" [Chelyabinsk State Historical and Archaeological Museum-Reserve "Arkaim"]. Available from: <https://arkaim-center.ru/> (accessed: 24.09.2024). (In Russ.).
18. Chistov K. V. Obyrad. *Bol'shaya Sovetskaya Entsiklopediya [Great Soviet Encyclopedia]*. Moscow. 1969–1978. Available from: <https://gufo.me/dict/bse/Обряд> (accessed: 22.08.2023). (In Russ.).
19. Shnirel'man V. A. 2014. Arkaim and Stonehenge between the Past and the Future. *Etnograficheskoye obozreniye [Ethnographic Review]*. No 5: 19–40. (In Russ.).
20. Shtybin V. V. 2023. Sacred Locus of Lake Khuko: Ritual and Ceremonial Complex, Etymology, and Religious Symbolism. *Istoriya, arheologiya i etnografiya Kavkaza [History, Archeology, and Ethnography of the Caucasus]*. Vol. 19, no 3: 811–826. (In Russ.).
21. Shub M. L. 2020. Perception of the Past as a Criterion of Cultural Diversity: The Phenomenon of Past Typology. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiyskoy akademii nauk. Istoricheskie nauki [Bulletin of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. Historical Sciences]*. Vol. 2, no 4 (8): 66–71. (In Russ.).
22. Erikson E. G. 1996. Detstvo i obshchestvo [Childhood and Society]. St. Peterburg. 590 p. (In Russ.).

Received 25.11.2024

Уважаемые авторы и читатели
научного журнала «Вестник культуры и искусств»!

Приглашаем оформить подписку

Подписка доступна
на сайте

www.ural-press.ru

Журнал включен в печатный каталог периодических изданий
«Газеты и журналы» (в рубрике «Образование. Наука. Культура»),
издаваемый ГК «Урал-Пресс»

Подписной индекс

48677

Периодичность выхода – 4 раза в год

«Вестник культуры и искусств» – научный журнал гуманитарного профиля.
Публикуются материалы группы специальностей «Искусство и культура»:

- Теория и история культуры, искусства
(отрасли наук: искусствоведение, культурология, философские науки);
- Библиотечковедение, библиографоведение и книговедение
(отрасли наук: педагогические науки, исторические науки, культурология)

Можно заказать журнал
с пересылкой наложенным платежом:

тел. 8(351) 268-95-22 (доб. 1-54)
solina.2016@mail.ru

отв. за распространение издательской продукции ЧГИК
Анна Васильевна Солина

*P*ЕЦЕНЗИИ

REVIEWS

Владимир Александрович Рубин

доктор культурологии,
кандидат исторических наук

доцент кафедры истории
государства и права

Оренбургский институт (филиал)
Университета имени О. Е. Кутафина
(МГЮА), Оренбург, Россия

E-mail: rubin0701@yandex.ru

**СОВЕТСКАЯ СКУЛЬПТУРА КАК ОБЪЕКТ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ
И ИНСТРУМЕНТАЛЬНАЯ ЕДИНИЦА
СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ**

**(Гейль В. В. Тиражированная монументальная скульптура
советского периода: на материалах города Челябинска :
монография. 2-е изд., испр. и доп.**

Челябинск : Челяб. гос. ин-т культуры, 2024. 163 с.)

Рецензия посвящена анализу второго издания монографии В. В. Гейль «Тиражированная монументальная скульптура советского периода: на материалах города Челябинска», вышедшего в издательстве Челябинского государственного института культуры в 2024 году, закладывающий фундамент в решение проблем формирования адекватной актуальной научной методологии, обосновывающей историко-культурную ценность советской тиражированной скульптуры в современном обществе.

Ключевые слова: тиражированная монументальная скульптура, советский период, Челябинск, объект культурного наследия, памятник истории и культуры, материальное культурное наследие, мемориальное сооружение

Для цитирования: Рубин, В. А. Советская скульптура как объект культурного наследия и инструментальная единица современной российской культурной политики (Гейль В. В. Тиражированная монументальная скульптура советского периода: на материалах города Челябинска : монография. 2-е изд., испр. и доп. Челябинск : Челяб. гос. ин-т культуры, 2024. 163 с.) / В. А. Рубин // Вестник культуры и искусств. — 2024. — № 4 (80). — С. 165–168.

Фундаментальная монография «Тиражированная монументальная скульптура советского периода: на материалах города Челябинска» представляет собой комплексный анализ, обобщение и репрезентацию процессов возникновения такого феномена, как тиражированная монументальная скульптура, в 1920-1950-е гг., интерпретации данного феномена в советское время и постсоветский период. Научный труд написан специалистом в области сохранения историко-культурного наследия Верой Васильевной Гейль, эмпирическую часть составляют материалы города Челябинска.

Актуальность издания заключается в том, что в пространстве Южного Урала (в частности) и Российской Федерации (в целом), сферы государственной охраны объектов культурного наследия народов Российской Федерации, и внутренней политики (направление — сохранение исторической памяти) сталкиваются с *острейшими проблемами* сохранения советской тиражированной монументальной скульптуры. Только в Оренбургской области за последние годы зафиксированы противоправные шаги против:

- а) памятника В. И. Ленину в г. Оренбурге (ул. Советская; скульптор В. В. Козлов;

объект культурного наследия федерального значения, демонтирован в 2018 г., находится на складе, вопрос реставрации не решается);

- б) памятника В. И. Ленину в г. Орске (пр. Ленина, 51; скульптор Г. В. Нерода, объект культурного наследия регионального значения, незаконно демонтирован в 2023 г., находится на складе в аварийном состоянии);
- в) памятника В. И. Ленину в селе Пономаревка Пономаревского района Оренбургской области (ул. Советская; скульптор Ю. С. Динес; бесхозное имущество, вандалами была отпилена голова скульптуры на центральной площади, реставрация проводилась «своими силами»).

Этот ряд можно продолжить и скульптурами иных политических деятелей советской эпохи (С. Орджоникидзе, М. И. Калинин и др.), постепенно исчезающих с городских и сельских улиц. Советская тиражируемая скульптура в Оренбургской области становится, к сожалению, заложником политической борьбы между партией «Единая Россия» и Коммунистической партией Российской Федерации. Однако такие проблемы фиксируются не только в Оренбуржье. На современном этапе получается защищать советскую монументальную скульптуру исключительно в рамках судебного процесса.

Вместе с тем указанное отношение к советской скульптуре вызывает аналогии со сном всего советского в Центральной и Восточной Европе, с западно-либеральной практикой «отмены всего русского», практикой дискредитации Русского мира. По словам И. А. Калинина, «в одних местах памятники становятся жертвами религиозно-фундаменталистской одержимости, враждебной к чужой культуре, да и к культуре как таковой. В других — их разрушение предъясняется как доказательство освобождения от чужеродного имперского владычества. В третьих — памятники становятся местами, концентрирующими на себе стремление элиты не допустить изменения существующего порядка».

Указанные выше факторы явно противоречат конституционным нормам. В част-

ности, в 2020 г. принята норма Конституции Российской Федерации (часть 2 статьи 67.1), в соответствии с которой «Российская Федерация, объединенная тысячелетней историей, сохраняя память предков, передавших нам идеалы и веру в Бога, а также преемственность в развитии Российского государства, признает исторически сложившееся государственное единство». Защита тиражированной монументальной скульптуры требует глубокого осмысления, исследования данного феномена российской культуры в целях выработки действенных решений по его учету, государственной охране, сохранению, использованию и популяризации. Вместе с тем памятники В. И. Ленину, да и другие советские скульптуры являются образцами материального культурного наследия, которые и обеспечивают преемственность в историческом развитии государства по указанной норме Конституции Российской Федерации.

Вместе с тем помимо явно «выпирающего» политического подтекста существует и научная проблематика. Если в советское время отношение к тиражированной скульптуре со стороны власти, общества, науки было понятным и логичным с точки зрения ценностей советской эпохи. То в постсоветский период образовался определенный «научный вакуум» (теоретическая проблема), характеризующийся дефицитом научных работ, определяющих историко-культурную ценность советской идеологически выдержанной скульптуры. Такого рода дефицит порождает большое количество проблем в сфере управления культурным наследием (помимо вышеуказанной, целесообразно озвучить проблему «бесхозного имущества» — многие скульптуры не имеют собственника, или муниципальная собственность не оформляется десятилетиями, соответственно — невозможно возбудить административное или уголовное дело в случаях вандализма или уничтожения объектов культурного наследия).

На наш взгляд, в отечественной науке сделан серьезный шаг в виде монографии В. В. Гейль в рамках формирования адекватной актуальной научной методологии, обосновывающей историко-культурную ценность совет-

ской тиражированной скульптуры именно в современном обществе. Научное значение имеют и теоретические, и методико-инструментальные, и эмпирико-аналитические аспекты работы. И, несмотря на узкие географические рамки исследования (г. Челябинск), у монографии имеются большие шансы перерасти в диссер-

тационное исследование, поскольку описанная проблематика становится все масштабнее и требует появления такого рода научных трудов в качестве инструментария, необходимого для устранения имеющегося «теоретического вакуума» и решения проблем управления сохранением советской скульптурой.

Список литературы

1. Калинин, И. А. Ностальгическая модернизация: советское прошлое как исторический горизонт / И. А. Калинин // Неприкосновенный запас: дебаты о политике и культуре. — 2010. — № 6 (74). — URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2010/6/nostalgicheskaya-modernizacziya-sovetskoe-proshloe-kak-istoricheskij-gorizont.html> (дата обращения: 10.11.2024).

Получено 18.11.2024

Vladimir A. Rubin

*Doctor of Culturology,
Candidate of Historical Sciences,*

*Associate Professor of History and Law
Chair*

*Orenburg Institute (Branch)
of The Kutafin Moscow State
Law University (MSLA), Orenburg, Russia*

E-mail: rubin0701@yandex.ru

**Soviet Sculpture as an Object of Cultural Heritage
and an Instrumental Unit of Contemporary Russian Cultural Policy
(Heil V. V. Replicated monumental sculpture of the Soviet era:
based on the materials of the city of Chelyabinsk, monograph.
2nd edition, revised and expanded. Chelyabinsk.
Chelyabinsk State Institute of Culture, 2024. 163 p.)**

The review is devoted to the analysis of the second edition of the monograph by Heil V. V. "Replicated monumental sculpture of the Soviet era: based on the materials of the city of Chelyabinsk" published in the Chelyabinsk State Institute of Culture in 2024. The monograph lays the foundation to the solution of the problem of the adequate current scientific methodology formation which proves historical-cultural value of the Soviet replicated sculpture in modern society.

Keywords: replicated monumental sculpture, Soviet era, Chelyabinsk, cultural heritage site, monument of history and culture, material cultural heritage, memorial building

For citing: Rubin V. A. 2024. Soviet Sculpture as an Object of Cultural Heritage and an Instrumental Unit of Contemporary Russian Cultural Policy (Heil V. V. Replicated monumental sculpture of the Soviet era: based on the materials of the city of Chelyabinsk, monograph. 2nd edition, revised and expanded. Chelyabinsk. Chelyabinsk State Institute of Culture, 2024. 163 p.). *Vestnik kultury i iskusstv [Culture and Arts Herald]*. No 4 (80): 165–168. (In Russ.).

References

1. Kalinin I. A. 2010. Nostalgic modernization: the Soviet past as a historical horizon. *Neprikosnovennyi zapas: debaty o politike i kul'ture* [Inviolable reserve: debates on politics and culture]. No 6 (74). Available from: <https://magazines.gorky.media/nz/2010/6/nostalgicheskaya-modernizacziya-sovetskoe-proshloe-kak-istoricheskij-gorizont.html> (accessed: 10.11.2024). (In Russ.).

Received 18.11.2024

***Н*АУЧНАЯ ЖИЗНЬ
ЧЕЛЯБИНСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
ИНСТИТУТА КУЛЬТУРЫ**

SCIENTIFIC LIFE
of the Chelyabinsk State Institute of Culture and Arts

ДРУЖИНИНСКИЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ВСТРЕЧИ

8 ноября 2024 года в Доме общественно-го собрания Государственного исторического музея Южного Урала прошли Дружининские исторические встречи.

Мероприятие было посвящено жизни и деятельности выдающегося российского учёного, историка, археолога, археогрофа, члена-корреспондента РАН, члена Русского географического общества, Русского военно-исторического общества, Уральского общества любителей естествознания, одного из владельцев заводов Кыштымского горного округа Василия Григорьевича Дружинина (1859–1936).

Данный проект явился результатом сотрудничества Челябинского государственного института культуры и муниципального учреждения «Кыштымский историко-революционный музей». Его непосредственными организаторами стали кафедра истории, музеологии и документоведения ЧГИК (зав. кафедры Е. В. Тищенко) и Центр исторической культуры ЧГИК (рук. А. Н. Терехов).

В рамках мероприятия А. Н. Терехов, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории, музеологии и документоведения ЧГИК, раскрыл научно-исследовательские и образовательно-просветительские аспекты проекта Дружининских исторических встреч. В выступлениях Р. С. Галябиевой, директора муниципального учреждения «Кыштымский историко-революционный музей», И. С. Красильникова, научного сотрудника музея, К. А. Гилёвой, заведующей отделом декоративно-прикладного искусства Екатеринбургского музея изобразительных искусств,

К. А. Шишова, краеведа, почетного гражданина г. Челябинска, краеведов из г. Кыштыма и г. Озерска, обсуждались вопросы, касающиеся биографии В. Г. Дружинина, его вклада в историческую науку. Особое место было уделено его деятельности на Южном Урале, на Кыштымском и Каслинском заводах, участию в развитии горного дела, экспедиции на Урал под руководством Д. И. Менделеева.

Студенты хореографического и консерваторского факультетов ЧГИК исполнили художественные композиции, создав атмосферу жизни российской интеллигенции конца XIX в.

Встреча завершилась презентацией фильма «Дружинины. Москва – Петербург – Кыштым», созданного Н. В. Тележниковым и С. В. Пановой, педагогами кафедры режиссуры кино и телевидения ЧГИК.

Дружининские исторические встречи направлены на сохранение памяти о замечательном человеке и выдающемся ученом В. Г. Дружинине, развивают у молодежи любовь к малой Родине и способствуют сохранению преемственности поколений.

А. Н. Терехов,
кандидат исторических наук, доцент,
Челябинский государственный
институт культуры
Е. В. Тищенко,
кандидат исторических наук, доцент,
заведующий кафедрой истории,
музеологии и документоведения,
Челябинский государственный
институт культуры

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «БИБЛИОКУЛЬТУРА: БИБЛИОТЕКА И ЧИТАТЕЛИ В ПОИСКАХ НОВЫХ СМЫСЛОВ»

10–11 декабря 2024 г. в Челябинском государственном институте культуры прошла Международная научно-практическая конференция «Библиокультура: библиотека и читатели в поисках новых смыслов», приуроченная к 25-летию со дня подписания президентами России и Беларуси Договора о создании Союзного государства.

Инициаторами проведения конференции стали Челябинский государственный институт культуры, Белорусский государственный университет культуры и искусств и Национальная библиотека Республики Казахстан.

География участников конференции очень широка. В ней приняли участие ведущие ученые Челябинского государственного института культуры, Южно-Уральского государственного университета, Южно-Уральского технологического университета, Белорусского государственного университета культуры и искусств, директора и ведущие сотрудники библиотек России, Беларуси и Казахстана, представители бизнеса, некоммерческих организаций и инновационных центров Челябинска и Москвы, современные российские писатели и иллюстраторы детских книг, эксперты Российской кинологической Федерации и др.

В рамках работы конференции состоялось обсуждение двух направлений развития современных библиотек: вхождение библиотек в цифровую среду и креативную экономику; особенности реализации в библиотеке концепции инклюзии.

Для этого в рамках конференции работали четыре тренд-сессии, где обсудили возможности вхождения библиотеку в креативную экономику, ее место в цифровой экосистеме общества, новые возможности проведения библиографических исследований в цифровой среде, проектную и грантовую деятельность и др.

На площадках ЧГИК и ведущих модельных библиотек работали круглые столы, мастер-классы и воркшопы: «Мягкое чтение: технология изготовления тактильных рукодельных книг», «Манга как жанр современной литера-

туры», «Инновационные формы и технологии в обслуживании незрячих читателей», «Творческий подход в выставочной деятельности», «Изготовление оберегов для участников СВО», «Грантовая деятельность библиотек» и др.

В рамках реализации инклюзии в библиотеке обсуждались перспективы развития проекта «Мягкое чтение», который уже стал визитной карточкой Челябинской области, а итоги были представлены в работе ВДНХ в конце 2023 года. Он получил активный старт в 2023 году, когда ему была оказана финансовая поддержка фонда Гражданских инициатив Южного Урала в виде гранта губернатора Челябинской области. Это совместный проект Челябинской областной специальной библиотеки для слабовидящих и слепых и Челябинского государственного института культуры.

В 2024 году проект «Мягкое чтение» получил новый импульс к развитию. Так, новые тактильные рукодельные книги для слепых детей стали снабжаться QR-кодами, благодаря которым незрячие дети смогут получить звуковое сопровождение и тифлокомментарии к визуальной части книги. Ряд авторов детских книг выразил готовность участия и включения своих произведений для адаптации под задачи и технологии проекта, обусловленные возможностями и ограничениями слепых и слабовидящих детей в процессе познания окружающего мира.

11 декабря 2024 г. на круглом столе «Современная детская литература: интерактивные технологии вовлечения читателей» выступил Павел Седов, детский писатель, телеведущий, автор и голос проекта «Папашины сказки». Автор серии сказок о приключениях Мишки Бо поделился секретами формирования креативной концепции проекта «Папашины сказки» и соображениями о подготовке тактильной рукодельной книги про Мишку Бо.

Вопросы адаптации художественного произведения под задачи проекта «Мягкое чтение», популярности жанра фэнтези в детской литературе раскрыли в своих выступлениях детские

писатели Дарья и Николай Берсень, Кристина Волчецкая, Дарина Стрельченко, иллюстраторы Анна Кунгурцева, Ксения Кипенко.

Юным участникам конференции был адресован квест «Юный библиотекарь», который прошел на территории трех модельных библиотек г. Челябинска. Его участники познакомились с новыми библиотечными технологиями («умной» книжной полкой, автоматизированной станцией книговыдачи и др.). Для учащихся начальной школы была проведена творческая лаборатория «Как Колобок пользоваться электронным каталогом научился», в рамках которой они поучаствовали в театрализованной игре «Как мы книжки в библиотеке находим», сказке-навигаторе «Колобок, или

Всадник без головы» и мастер-классе «Ключик для снежного барса».

О. Н. Зайкова,
кандидат культурологии,
заведующий кафедрой
библиотечно-информационной
деятельности,
Челябинский государственный
институт культуры,
Н. М. Запекина,
кандидат педагогических наук,
доцент декан факультета
документальных коммуникаций и туризма,
Челябинский государственный
институт культуры

XXIII МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНО-ТВОРЧЕСКИЙ ФОРУМ «НАУЧНЫЕ ШКОЛЫ. МОЛОДЕЖЬ В НАУКЕ И КУЛЬТУРЕ XXI ВЕКА»

В начале ноября 2024 г. Челябинский государственный институт культуры провел XXIII Международный научно-творческий форум «Научные школы. Молодежь в науке и культуре XXI века». Реализуя целевую установку на раскрытие актуальных методологических оснований гуманитарного познания и художественного поиска, форум становится площадкой представления научных и творческих результатов для молодых исследователей и деятелей искусств.

Открыла форум презентация монографии кандидата исторических наук, доцента кафедры декоративно-прикладного искусства ЧГИК В. В. Гейль «Тиражированная скульптура советского периода (на материалах города Челябинска)», в которой исследователь обобщил сведения о порядка 80 репродуцированных произведений монументальной и декоративно-монументальной пластики. Фотоизображения памятников и скульптур, формировавших городской ландшафт на протяжении XX в., а также их описание приобретают особое значение с учетом их разрушения и утраты.

В рамках научной сессии кафедры этнокультурного образования и педагогики доктором педагогических наук, профессором, академиком Академии социального образования М. А. Галагузовой был презентован учебник для магистратуры-аспирантуры «Педагогика высшей школы».

В пленарном заседании форума «Познание культуры: модус интердисциплинарности» были раскрыты проблемы интегративности методологии современной научной рефлексии в гуманитарном познании (доктор культурологии, профессор Л. Б. Зубанова, ЧГИК), трансформации ценностных акцентуаций литераторов начала XX в. (кандидат филологических наук, доцент Е. А. Селютина, ЧГИК), возможности и ограничения прикладных аспектов теоретического знания (директор Детской филармонии ОГБУК «Челябинская государственная филармония» Т. О. Денисова), форматы репрезентации текста в цифровой культуре (Д. И. Клопотюк, магистрант ЮУрГУ (НИУ), Челябинск).

Результатом сотрудничества Центра исторической культуры ЧГИК и Кыштымского историко-революционного музея стало проведение «Дружининских исторических встреч» на площадке Дома общественного собрания Государственного исторического музея Южного Урала.

На базе Лаборатории музейных технологий им. Д. А. Гольдштейна и Н. Ф. Новичковой, созданной в вузе по инициативе и при поддержке мецената В. Д. Новичкова, реализуется проект «Новая музеология». Творческая встреча «Как приручить музей?» с искусствоведом и музейным куратором И. В. Кудрявцевой, научным сотрудником отдела отечественного искусства XX–XXI вв. Екатеринбургского музея изобразительных искусств, раскрывала специфику кураторской работы внутри музейной институции, исследовательским выставкам, проектам соучастия, а также интеграции современного искусства в традиционный музей.

Ярким «аккордом» научно-творческого форума стал концерт творческих коллективов консерваторского факультета ЧГИК: интернационального камерного оркестра (худож. руководитель М. С. Перевалов), оркестра народных инструментов (худож. руководитель П. М. Денякин), академического вокального ансамбля «Субтон» (худож. руководитель А. О. Павловских), хора народной музыки «Песни Урала» (худож. руководители Л. И. Шутова и И. А. Игнатьев), эстрадного вокального ансамбля «Академия» (худож. руководитель Т. С. Луценко) и инструментального ансамбля «Jazz Action» (худож. руководитель А. А. Воронин).

В программу форума, центральные события которого прошли в Челябинске 7–8 ноября, вошло около 30 площадок и форматов взаимодействия (научные секции, сессии, семинары-практикумы, открытые лекции, презентации монографий и учебников, творческие лаборатории, встречи, концертные программы). В мероприятиях научно-творческого форума приняли участие более 650 участников из России

(Москвы, Санкт-Петербурга, Московской, Свердловской, Челябинской областей), Беларуси, Казахстана, Узбекистана. Молодые исследователи из стран ближнего зарубежья представляли Белорусский государственный университет культуры и искусств, Государственный институт искусств и культуры Узбекистана, Национальную академическую библиотеку Республики Казахстан, Самаркандский государственный университет им. Шарофа Рашидова.

Международный научно-творческий форум «Научные школы. Молодежь в науке и

культуре XXI века» стал площадкой, обеспечивающей включение исследовательских и художественных опытов и их акторов в институциональный контекст научного и творческого сообщества.

А. В. Штолер,
кандидат педагогических наук, доцент,
проректор по научно-исследовательской
и инновационной работе,
Челябинский государственный
институт культуры

НОВЫЕ ИЗДАНИЯ

Гейль, В. В.

Тиражированная монументальная скульптура советского периода: на материалах города Челябинска : монография / В. В. Гейль ; Челяб. гос. ин-т культуры. — 2-е изд., испр. и доп. — Челябинск : Челяб. гос. ин-т культуры, 2024. — 163 с.

ISBN 978-5-94839-868-6

В книге рассматривается монументальная скульптура как вид изобразительного искусства СССР. Автор описывает особенности ее развития в 1930–1950-е гг., появление особого вида пластики — тиражированной. На примере памятников города Челябинска отмечены периоды формирования тиражированной монументальной и монументально-декоративной скульптуры, проведен анализ образов и тем тиражированных монументов, дана атрибуция скульптурных образов. Особое внимание уделяется видам монументальной пластики и факторам, повлиявшим на их формирование в городском пространстве. Кроме того, говорится о причинах прекращения развития монументальной тиражированной скульптуры и роли монументально-декоративной пластики в формировании городской жанровой скульптуры начала XXI в.

Динамика повседневной жизни города в спектре измерений (по материалам г. Челябинска) : кол. моногр. / Е. В. Тищенко, С. Б. Синецкий, Ю. Б. Тарасова, А. В. Штолер и др. ; под общ. ред. С. Б. Синецкого, С. С. Соковикова, Н. Н. Штолер ; вступ. ст. С. С. Соковикова ; Челяб. гос. ин-т культуры. — Челябинск : Челяб. гос. ин-т культуры, 2024. — 304 с.

ISBN 978-5-94839-867-9

Коллективная монография «Динамика повседневной жизни города в спектре измерений (по материалам г. Челябинска)» представляет собой анализ, обобщение и репрезентацию процессов трансформации повседневной среды г. Челябинска рубежа XX–XXI и первой четверти XXI вв. Широкий спектр подходов (история, социология, культурология, педагогика, музееведение, искусствоведение, документоведение, средовой дизайн) позволил создать достоверный и основательно документированный образ повседневности крупного города-миллионника. Проблематика жизни крупного регионального центра рассматривается в контексте взаимодействия повседневных и событийных аспектов его социокультурного уклада. Издание адресовано специалистам в области социально-гуманитарного знания, региональной культуры, историкам, социологам, краеведам, преподавателям и студентам гуманитарных вузов, а также всем, кто интересуется вопросами состояния и развития культуры города.

Лазарева, Л. Н.

Календарно-обрядовый праздник и традиция: феномен взаимообусловленности : избр. ст. / Л. Н. Лазарева ; Челяб. гос. ин-т культуры. — Челябинск : ЧГИК, 2024. — 420 с.

ISBN 978-5-94839-871-6

Издание содержит избранные статьи Людмилы Николаевны Лазаревой, кандидата педагогических наук, профессора, преподавателя кафедры режиссуры театрализованных представлений и праздников, заслуженного работника культуры Российской Федерации, отражающие этапы исследования заявленной темы. Адресовано академическому сообществу, в помощь исследовательской и учебно-методической работе, а также культурно-просветительной деятельности; может быть использовано в качестве учебного пособия по дисциплинам «Традициология праздника» и «Семиотика праздника».

Мухин, А. Ю.

Сторителлинг: искусство рассказывать истории (технология, упражнение, спектакль) : учеб. пособие по дисциплинам «Режиссура», «Актерское мастерство», «Театральная педагогика» для студентов, обучающихся по специальности 52.05.01 Актерское искусство, 52.05.02 Режиссура театра / А. Ю. Мухин ; Челяб. гос. ин-т культуры. — Челябинск : Челяб. гос. ин-т культуры, 2024. — 89 с.

ISBN 978-5-94839-869-3

Пособие раскрывает суть понятия «сторителлинг», его происхождение, развитие и популярность сегодня. Автор акцентирует внимание на театральной технологии, упражнениях и постановке спектакля. Раскрывается структура построения увлекательного сюжета, этапы воплощения текста на сцене. Учебное пособие адресовано специалистам по режиссуре, актерскому мастерству, театральной педагогике, а также для студентов, обучающихся по специальности 52.05.01 Актерское искусство, 52.05.02 Режиссура театра.

Научные школы. Молодежь в науке и культуре XXI века : материалы XXIII Междунар. науч.-творч. форума (науч. конф.), 7–8 нояб. 2024 г. / отв. за вып. А. В. Штолер ; Челяб. гос. ин-т культуры. — Челябинск : Челяб. гос. ин-т культуры, 2024. — 213 с.

ISBN 978-5-94839-872-3

В сборнике материалов XXIII Международного научно-творческого форума «Научные школы. Молодежь в науке и культуре XXI века» представлены результаты научного и творческого поиска молодых

исследователей, деятелей искусств, их наставников. В 2024 г. центральным вектором форума стала методология интердисциплинарности в познании культуры. Материалы прошедшей конференции демонстрируют приращение научного знания, расширение влияния существующих научно-исследовательских направлений и становление новых.

Щипунов, В. В. Жанры хоровой музыки : учеб.-метод. пособие для детских школ искусств, дополнительная предпрофессиональная общеобразовательная программа «Хоровое пение», 6–8 классы / В. В. Щипунов ; Челяб. гос. ин-т культуры. — Челябинск : Челяб. гос. ин-т культуры, 2024. — 80 с.

ISBN 978-5-94839-866-2

Учебно-методическое пособие предназначено для обучающихся по дополнительной предпрофессио-

нальной общеобразовательной программе «Хоровое пение» детских школ искусств, детских хоровых школ искусств. В учебно-методическом пособии представлены жанры хоровой музыки, эпохи создания жанров хоровой музыки и композиторы, которые обращались в своём творчестве к жанрам хоровой музыки. Издание может быть использовано в работе преподавателей хоровых отделений детских школ искусств и детских хоровых школ искусств.

По вопросам приобретения
обращаться:

e-mail: solina.2016@mail.ru;
тел. 8(351) 268-95-22 (доб. 1-54)

А. В. Солина,

отв. за распространение
издательской продукции ЧГИК

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Аскарова Виолетта Яковлевна, доктор филологических наук, профессор кафедры библиотечно-информационной деятельности, Челябинский государственный институт культуры, Челябинск, Россия
E-mail: viovita@yandex.ru

Анисина Злата Дмитриевна, аспирант кафедры философии и культурологии, Челябинский государственный институт культуры, Челябинск, Россия
E-mail: anisina.zlata94@gmail.com

Беспалова Марина Игоревна, аспирант отдела теории и истории культуры, Научно-исследовательский институт гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия, Саранск, Россия
E-mail: mbespalova2013@yandex.ru

Быкова Анна Сергеевна, соискатель ученой степени кандидата культурологии, заведующая отделением библиотечного клуба, Фундаментальная библиотека Военно-медицинской академии им. С. М. Кирова Министерства обороны Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия
E-mail: rickystanf@gmail.com

Ба Ваньли, аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия
E-mail: st091489@student.spbu.ru

Зайкова Ольга Николаевна, кандидат культурологии, заведующий кафедрой библиотечно-информационной деятельности, Челябинский государственный институт культуры, Челябинск, Россия
E-mail: zaikova74@mail.ru

Запекина Наталья Михайловна, кандидат педагогических наук, доцент, декан факультета документальных коммуникаций и туризма, Челябинский государственный институт культуры, Челябинск, Россия
E-mail: fdkt@chgaki.ru

Зыховская Наталья Львовна, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и литературы, Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет), Челябинск, Россия
E-mail: zykhovskaianl@susu.ru

Капилов Александр Львович, кандидат искусствоведения, доцент, ректор Института современных знаний имени А. М. Широкова, Минск, Республика Беларусь
E-mail: zao@isz.minsk.by

Лаптева Ирина Валерьевна, доктор философских наук, главный научный сотрудник, заведующий отделом теории и истории культуры, Научно-исследовательский институт гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия, Саранск, Россия
E-mail: laptevaiv@yandex.ru

Марков Александр Петрович, доктор педагогических наук, доктор культурологии, заслуженный деятель науки РФ, профессор кафедры философии и культурологии Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов, Санкт-Петербург, Россия
E-mail: markov_2@mail.ru

Митина Мария Николаевна, аспирант кафедры искусствоведения, Санкт-Петербургская государственная художественно-промышленная академия имени А. Л. Штиглица, сотрудник

научно-просветительного отдела Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург, Россия
E-mail: mitina.mary@gmail.com

Москалюк Валентина Михайловна, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры театрального искусства, Луганская государственная академия культуры и искусств имени Михаила Матусовского, Луганск, Россия
E-mail: msklk76@gmail.com

Рубин Владимир Александрович, доктор культурологии, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории государства и права, Оренбургский институт (филиал) Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), Оренбург, Россия
E-mail: rubin0701@yandex.ru

Рушанин Владимир Яковлевич, доктор исторических наук, профессор, Челябинский государственный институт культуры, Челябинск, Россия
E-mail: rushanin@chgaki.ru

Рябуха Андрей Сергеевич, кандидат исторических наук, заведующий аспирантурой, Оренбургский федеральный исследовательский центр Уральского отделения Российской академии наук (ОФИЦ УрО РАН), Оренбург, Россия
E-mail: ryabukhi@yandex.ru

Сокоиков Сергей Степанович, кандидат педагогических наук, доцент, Челябинский государственный институт культуры, Челябинск, Россия
E-mail: sokovik49@mail.ru

Солина Анна Васильевна, младший научный сотрудник, Управление науки и инноваций, Челябинский государственный институт культуры, Челябинск, Россия
E-mail: solina.2016@mail.ru

Спиридонова Екатерина Владимировна, кандидат физико-математических наук, доцент кафедры прикладной математики, Оренбургский государственный университет, Оренбург, Россия
E-mail: ekvls@mail.ru

Терехов Алексей Николаевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории, музеологии и документоведения, Челябинский государственный институт культуры, Челябинск, Россия
E-mail: kaf-ist@chgaki.ru

Тищенко Елена Владимировна, кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой истории, музеологии и документоведения, Челябинский государственный институт культуры, Челябинск, Россия
E-mail: kaf-ist@chgaki.ru

Уткина Елена Александровна, аспирант, Челябинский государственный институт культуры, Челябинск, Россия
E-mail: utkina.elena.a@gmail.com

Шмыров Борис Данилович, кандидат исторических наук, Челябинск, Россия
E-mail: borisdaniil_55@mail.ru

Штолер Андрей Владимирович, кандидат педагогических наук, доцент, проректор по научно-исследовательской и инновационной работе, Челябинский государственный институт культуры, Челябинск, Россия
E-mail: science3@chgaki.ru

AUTHORS

Askarova Violetta Ya., Doctor of Philological Sciences, Professor of the Library-Information Activity Chair, Chelyabinsk State Institute of Culture and Arts, Chelyabinsk, Russia
E-mail: viovita@yandex.ru

Anisina Zlata D., post-graduate student of the Philosophy and Culturology Chair, Chelyabinsk State Institute of Culture and Arts, Chelyabinsk, Russia
E-mail: anisina.zlata94@gmail.com

Bespalova Marina I., Post-graduate student of the Section of Culture Theory and History, Humanities Research Institute patronized by the Republic of Mordovia Government, Saransk, Russia
E-mail: mbespalova2013@yandex.ru

Bykova Anna S., Competitor of Scientific Degree of and Candidate of Culturology, Head of the Library Club Section, Fundamental Library of S. M. Kirov Military-Medical Academy of the Russian Federation Defense Ministry, St. Petersburg, Russia
E-mail: rickystanf@gmail.com

Ba Wanli, post-graduate student, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia
E-mail: st091489@student.spbu.ru

Zaikova Olga N., Candidate of Culturology, Head of the Library and Information Activities Chair, Chelyabinsk State Institute of Culture and Arts, Chelyabinsk, Russia
E-mail: zaikova74@mail.ru

Zapekina Natal'ya M., Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Dean of the Faculty of Documentary Communications and Tourism, Chelyabinsk State Institute of Culture and Arts, Chelyabinsk, Russia
E-mail: fdkt@chgaki.ru

Zykhovskaya Natalya L., Doctor of Philological Sciences, professor of the Russian language and literature Chair, South Ural State University (national research university), Chelyabinsk, Russia
E-mail: zykhovskaianl@susu.ru

Kapilov Alexander L., Candidate of Art History, Associate Professor, Rector of the Shirokov's Institute of Contemporary Knowledge, Minsk, Republic of Belarus
E-mail: zao@isz.minsk.by

Lapteva Irina V., Doctor of Philosophical Sciences, Chief Scientific Officer, Head of the Culture Theory and History Section, Humanities Research Institute patronized by the Republic of Mordovia Government, Saransk, Russia
E-mail: laptevaiv@yandex.ru

Markov Alexander P., Doctor of Pedagogical Sciences, Doctor of Culturology, Honored Scientist of the Russian Federation, Professor of the Philosophy and Culturology Chair, St. Petersburg University for the Humanities of Trade Unions, St. Petersburg, Russia
E-mail: markov_2@mail.ru

Mitina Maria N., Post-graduate student of the Art History Chair, St. Petersburg State Art and Industrial Academy named after A. L. Stieglitz, employee of the Scientific and Educational Department, The State Hermitage Museum, St. Petersburg, Russia
E-mail: mitina.mary@gmail.com

Moskalyuk Valentina M., Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Professor of the Theatrical Art Chair, Lugansk Mikhail Matusovsky State Academy of Culture and Arts, Lugansk, Russia
E-mail: msklk76@gmail.com

Rubin Vladimir A., Doctor of Culturology, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of History, State and Law Orenburg Institute (Branch) of The Kutafin Moscow State Law University (MSLA), Orenburg, Russia
E-mail: rubin0701@yandex.ru

Rushanin Vladimir Ya., Doctor of Historical Sciences, Professor, Chelyabinsk State Institute of Culture and Arts
E-mail: rushanin@chgaki.ru

Ryabukha Andrey S., Candidate of Historical Sciences, Head of Postgraduate Studies, Orenburg Federal research center of the Ural Branch Russian Academy of Sciences, Orenburg, Russia
E-mail: ryabukhi@yandex.ru

Sokovikov Sergey S., Candidate of Pedagogic Sciences, Associate Professor, Chelyabinsk State Institute of Culture and Arts, Chelyabinsk, Russia
E-mail: sokovik49@mail.ru

Solina Anna V., Junior research associate, Culture and innovations section, Chelyabinsk State Institute of Culture and Arts, Chelyabinsk, Russia
E-mail: solina.2016@mail.ru

Spiridonova Ekaterina V., Candidate of Physical and Mathematical Sciences, Associate Professor of the Department of Applied Mathematics, Orenburg State University, Orenburg, Russia
E-mail: ekvls@mail.ru

Terekhov Alexey N., Candidate of Historical Sciences, Associate professor of the History, Museology and Document science Chair, Chelyabinsk State Institute of Culture and Arts, Chelyabinsk, Russia
E-mail: kaf-ist@chgaki.ru

Tishchenko Elena V., Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Head of the History, Museology and Documentation Chair, Chelyabinsk State Institute of Culture and Arts, Chelyabinsk, Russia
E-mail: kaf-ist@chgaki.ru

Utkina Elena A., Post-graduate student, Chelyabinsk State Institute of Culture and Arts, Chelyabinsk, Russia
E-mail: utkina.elena.a@gmail.com

Shmyrov Boris D., Candidate of Historical Sciences, Chelyabinsk, Russia
E-mail: borisdaniil_55@mail.ru

Shtoler Andrey V., Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Vice-Rector for Research and Innovation, Chelyabinsk State Institute of Culture and Arts, Chelyabinsk, Russia
E-mail: science3@chgaki.ru

Научное издание

ВЕСТНИК КУЛЬТУРЫ И ИСКУССТВ

2024 / № 4 (80)

Заказ № 2045.

Сдано в РИО 01.12.2024. Подписано в печать 28.12.2024. Дата выхода в свет: 09.01.2025.

Формат 60×84/8. Объем 21,16 усл. п. л. Тираж 500 экз.

Отпечатано в Челябинском государственном институте культуры. Ризограф
454091, г. Челябинск, ул. Орджоникидзе, 36а, к. 3602

Цена свободная

**Вестник
культуры
и искусств**

включен в

Перечень **ВАК**

*Министерства образования и науки
Российской Федерации*

см. Перечень
русских рецензируемых научных журналов,
в которых должны быть опубликованы
основные научные результаты
диссертаций на соискание ученых степеней
доктора и кандидата наук

Электронная версия журнала доступна в НЭБ

eLIBRARY.ru

и

CYBERLENINKA